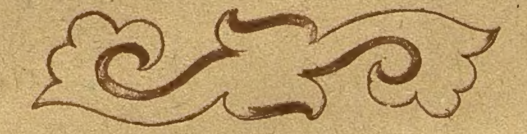
П. Т. ХАПТАЕВ

Бурят-Монголия в период Октябрьской Социалистической Революции

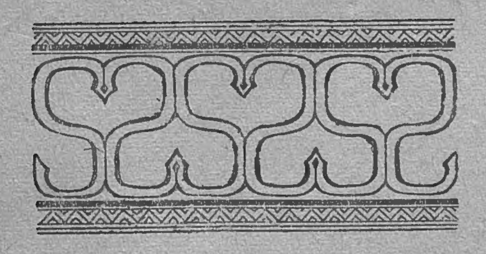

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

П. Т. ХАПТАЕВ

К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции

БУРЯТ-МОНГОЛИЯ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Настоящая работа подготовлена Бурят-Монгольским государственным научно-исследовательским институтом культуры и экономики.

ПОСВЯЩАЮ

светлой памяти гвардии полковника Владимира Бунаевича БОРСОЕВА, павшего смертью храбрых в борьбе за Родину против немецко-фашистских захватчиков.

Автор

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателя работа является продолжением моих исследований по новейшей истории Бурят-Монголии. Эта работа представляет собою часть монографии «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурят-Монголии». В ней разбираются некоторые вопросы социалистической революции в Бурятии с октября 1917 г. по август 1918 г. Работа составлена, главным образом, по документальным материалам, собранным в Центральном государственном архиве БМАССР, и по воспоминаниям участников революции.

Вторая, третья и четвёртая главы посвящены вопросу о борьбе за Советы в Иркутске, Чите и Верхнеудинске. В этих городах были сконцентрированы основные кадры рабочего класса и действовали его руководители—комитеты РСДРП(б).

Глава первая

ОБСТАНОВКА ПЕРЕД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Обстановка, в которой совершилась социалистическая революция в Бурятии, имела некоторые особенности. Они определялись социально-экономическими условиями жизни русского и бурятского населения.

I

Крестьяне Восточной Сибири, Бурятии в частности, за исключением крестьян земель «кабинета его величества» в Нерчинском округе, не знали помещичьей эксплоатации, так как здесь не было помещиков и помещичьего землевладения.

Крестьянское хозяйство на обширном пространстве Восточной Сибири развивалось по типу фермерского хозяйства. На пустопорожних землях первоначально возникало русское селение; к этому селению приселялись новосёлы, и образовывалось село, которое по мере своего роста расширяло во все стороны своё землевладение. В тех случаях, когда в окружности села нехватало земли, часть крестьянских дворов переселялась на новое место и там вырастало другое селение.

Землёй крестьяне наделялись из расчёта 15 десятин на ревизскую душу[1]. Бедные семьи из-за отсутствия либо инвентаря, либо рабочих лошадей, либо семян осваивали только часть надельной земли. Остальная часть её находилась в общем наделе, в пользовании соседей, в первую очередь кулаков и зажиточных крестьян. Иначе говоря, добрая доля надельной земли деревни была в руках состоятельных крестьян. Этим, собственно, и объясняется то обстоятель-

[1] Ревизские души,—лица мужского пола, обложенные подушной податью.

ство, что в сибирской деревне с давних пор господствовали кулаки «мироеды» [1], сибирские колупаевы и разуваевы.

В деревне Восточной Сибири развивались классовые противоречия: сельская буржуазия была представлена кулаками, торговцами-лавочниками; сельский пролетариат и полупролетариат—батраками и бедняками; среднее крестьянство «размывалось», из его среды выходили кулаки и батраки. Некоторые торговцы-лавочники бросали занятия сельским хозяйством, жили исключительно на доходы с торгового оборота и, накопив капитал, уходили в города. В города же, в поисках работы, уходила и часть деревенских батраков и бедняков.

Образование двух крайних групп деревни особенно усилилось в связи с проведением земельной политики Столыпина, с прибытием новых, более крупных партий переселенцев. Зажиточные крестьяне и кулаки не замедлили воспользоваться земельным законом Столыпина; они выделялись на хутора [2], арендовали у крестьян надельные земли и организовывали предпринимательское хозяйство. На хутора выделялась также наиболее богатая часть переселенцев. Но многие из переселенцев, истратив дорогой все деньги и прибыв на места переселения оборванными и полуголодными, влачили жалкое существование. Некоторые из них нанимались в батраки к местным кулакам или даже уходили в города, на промышленные предприятия.

Таким образом, перед революцией русское крестьянство Восточной Сибири делилось на сельскую буржуазию, сельский пролетариат, полупролетариат и разлагающееся среднее крестьянство. Классовое деление деревни было ясно: на одном полюсе стояли торговцы-лавочники и кулаки, а на другом—бедняки и батраки. Между ними промежуточное положение занимали крестьяне-середняки.

Русские крестьяне Восточной Сибири, хотя и не знали помещиков, но они испытывали полицейско-бюрократический гнёт царизма, были бесправны, обременялись податями и повинностями, подвергались эксплоатации со стороны купцов-ростовщиков и деревенских мироедов—кулачества. Значительное количество земельных угодий в крае было занято владениями императорского кабинета, монастырей, церковного причта и дацанов. Крестьяне были вынуждены за аренду этих земель вносить высокую плату деньгами и натурой. На

---

[1] Термин, принятый сибирскими публицистами, в частности Н. М. Ядринцевым.

[2] Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губ., Иркутск, 1919, стр. 483.

содержание духовенства с крестьян собиралась руга (натуральный сбор).

В бурятском улусе отношения капиталистического типа переплетались с патриархально-родовыми и полуфеодальными пережитками.

Пережитки патриархально-родовых отношений выражались в соблюдении бурятами родовых делений, родовых обычаев и традиций. Как правило, буряты почитали род (яханкость). Внутри рода (халун) воспрещалось бракосочетание; браки допускались только между представителями разных родов (хари). Этот древний родовой обычай бытовал у бурят вплоть до последнего времени, хотя перед революцией и встречались случаи его нарушения. Общераспространённым пережитком родового быта являлось деление людей по признакам кровного родства: манайшин—свои, однородовые и танайшин—чужие, чужеродные. Узко-родовые понятия «свои» и «чужие» были так живучи и сильны, что отсталая часть трудящихся бурят долгое время не могла преодолеть вековые традиции, подняться до сознания своих классовых интересов. И далеко не случайно, что у бурят считалось долгом чести защищать своего однородовича хотя бы и неправого, хотя бы и совершившего неблагопристойный проступок. В сознании отсталых бурят сохранилось отживающее представление о том, что родовичи: нойон или кулак, бедняк или батрак—все одинаково близкие, свои люди. На этом, между прочим, зиждились родовые группировки и родовая борьба, представлявшая собою не что иное как проявление своеобразной, замаскированной формы классовой борьбы. Пережитки родовых отношений сохранялись и в административном строе Бурятии. Сущность их состояла в соблюдении родового принципа в административном делении бурят, подчинении бурят родовым управлениям, вне зависимости от того, где они живут: на земле ли однородовичей или на земле других родов, расположенной чересполосно. Н. И. Разумов, в своде материалов комиссии Куломзина, указывал, что «Благодаря тому, что род утратил своё территориальное единство и члены его, перемешавшись с членами других родов, расселились по различным местностям, иногда лежащим одна от другой в весьма значительном расстоянии, те из органов инородческой администрации, которые были приурочены к родовому подразделению инородцев безотносительно к территории, утратили почти всякое значение, сохранив за собой только распределение денежных повинностей между членами подведомственных им родов»[1]. Факты, отмеченные Н. И. Ра-

---

[1] Н. И. Разумов. Забайкалье, С.-Петербург, 1899, стр. 32.

зумовым, относятся к концу XIX века и они ясно показывают насколько изжило себя родовое административное деление бурят. Это деление, находившееся в прямом противоречии с экономическим развитием Бурятии, было устранено с введением волостного управления, основанного на территориальном принципе. Лишь в захолустных улусах, как случайное, единичное явление, сохранялось родовое административное деление. Остатки родового быта были особенно живучи в религиозных верованиях бурят-шаманистов. Каждый род иркутских бурят, например, имел родового бога и родовые тайлаганы. Буряты нынешнего Баяндаевского аймака, Усть-Ордынского национального округа, распадались, за исключением мелких родов как Опхой, Нагатай и другие, на два рода: хэнгэлдырский и абызаевский. Буряты хэнгэлдырского рода жили в Верхнекудинской, Кырменской волости и в Ленской инородной управе. Они совершали родовой тайлаган «байтог». Буряты абызаевского рода, жившие в Хоготовской и Баяндаевской волостях, совершали тайлаган «хаша», ибо он считался родовым тайлаганом абызаевского рода.

Полуфеодальные отношения в Бурятии сохранялись в виде остатков докапиталистических форм эксплоатации, дацанского и ламайского землевладения и принадлежности земель «кабинету его величества».

Сословные привилегии нойонов (освобождение от податей, натуральных повинностей), неограниченная власть над рядовыми бурятами были уничтожены среди бурят Иркутской губернии в 80—90 годы XIX века, с ликвидацией степных дум и упразднением должности тайшей; среди бурят Забайкальской области в 1901—1903 годы, с введением волостной реформы. С тех пор нойоны не имели права принуждать бурят пахать свои поля, косить сено, убирать хлеб и т. д. Иначе говоря, нойоны были лишены права на «внеэкономическое принуждение» бурят. Тем не менее, такие родовитые нойоны, как П. Баторов, С. Пирожков, С. Зодбоев, Д. Аюшиев и др. ещё не теряли влияния среди своих сородичей, они прибегали к различного рода отработкам. Бедняки брали у нойонов в долг хлеб или деньги, обязываясь отработать либо весь долг, либо проценты по долгу. Проценты обычно были высокие (35—40%), и должники отрабатывали их в течение нескольких лет. Иногда буряты за одежду, обувь, за рабочий скот или за продукты питания нанимались обрабатывать своим инвентарём нойонские земли, косить сено, пасти скот. Бывали и такие случаи, когда буряты обрабатывали нойонские поля, убирали хлеб за «потраву» или просто «из чести», то-есть, даром за одно только угощение. Такого рода отработки и составляли пережитки полуфеодальных отношений. Эти отра-

ботки не имели широкого распространения, они, соединяясь с наймом рабочей силы, к чему прибегали все нойоны,—создавали причудливое сочетание отработочной формы с капиталистической формой эксплоатации крестьян, в котором последняя играла господствующую роль.

Дацаны и ламы владели относительно крупной земельной площадью. При землеустройстве, проведённом в годы реакции, земли дацанов и лам остались нетронутыми, считались частновладельческими и в земельные наделы не включались. Лишь в отдельных случаях были произведены обмены земельными участками между ламами и населением. Дацанам, построенным на новом месте, предоставлялась земля под усадьбу и прочие нужды. Поэтому общее количество дацанской и ламайской земли к 1917 году было несколько больше, чем перед первой русской революцией.

По положению 1853 года о ламайском духовенстве Восточной Сибири, полагалось земли бандидо-хамбе 500 десятин, ширетую—200 десятин, штатному ламе—60 десятин, бандию—30 десятин и хувараку—15 десятин. Всего ламайскому духовенству полагалось 21.255 десятин, на 5.546 десятин больше обмежеванной земли. Надо полагать, что к 1917 году ламайское духовенство владело землёю если не в большем, то во всяком случае в размере, предусмотренном положением. Землёю пользовались лишь штатные ламы.

Ламы, за исключением бандидо-хамбы и степных (худонских) лам, не вели хозяйства. Они обычно сдавали землю в аренду как бурятам, так и русским. Арендную плату взимали либо натурой (хлебом, мясом, маслом и пр.), либо деньгами. Таким образом, ламы на основе права частной собственности на землю, брали с населения абсолютную земельную ренту. «Абсолютная рента,—писал В. И. Ленин,—получается благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создаёт особую монополию, не имеющую ничего общего с капиталистическим способом производства, который может существовать и на общинной и на национализированной земле» [1]. Взимание дацанами и ламами арендной платы за землю или, говоря на языке политической экономии, абсолютной земельной ренты, являлось пережитком феодализма.

Бандидо-хамба, глава ламайского духовенства Восточной Сибири, владел крупным состоянием, имел при своей резиденции большое хозяйство. Так, например, по неполным данным бандидо-хамба Ирелтуев в годы революции (1918) имел 22 жилых дома (деревянных в разных приходах); 58 хозяй-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, издание третье, т. XI, стр. 397—398.

ственных построек; 5 войлочных юрт; 23 головы лошадей; 127 голов крупного рогатого скота; 277 голов мелкого скота; 2 пятиконные кареты; 2 трёхконные кареты; 3 сенокосилки; 3 жнейки; 6 конных граблей. В его кладовых хранилось: 1200 пудов хлеба (муки); 40 скотских и 12 бараньих замороженных туш мяса. У Ирелтуева было разных шуб 100 штук, в том числе: а) лисьих 6 шт.; б) на мерлушке, крытых шёлком—67 шт., в) прочих—27 шт.; дох медвежьих—2 шт.; дох енотовых—4 шт.; дох овчинных—3 шт.; ламайских одежд—17 комплектов; шапок разных—59 шт.; унтов (обуви)—84 пары; летних шёлковых халатов—102 шт. Денег имелось наличными ассигнациями—12.037 руб., розданных ламам Челутайского дацана—16.766 руб. и ламам других бурятских дацанов—7.800 руб.; он пожертвовал 12.000 р. тибетским монастырям [1].

Таковы данные о хозяйстве и имуществе бандидо-хамбы Ирелтуева. По типу его хозяйство являлось феодальным. Вся хозяйственная работа: вспашка, посев, уборка урожая, косьба сена и т. д. выполнялась хувараками, или верующими бурятами. Бандидо-хамба небольшое количество скота отдавал бурятам, которые, «из-за одного уважения», давали согласие кормить его скот.

На территории агинских бурят была расположена земля «кабинета его величества». Общая площадь её в 1897 году составляла 10950 дес. 1050 саж. [2]. В годы реакции она несколько увеличилась за счёт дополнительного причисления «излишков» бурятских земель. Земля Кабинета принадлежала царствовавшему дому Романовых—первым и крупнейшим помещикам России.

Землю Кабинета арендовали русские и буряты. В копии приговора Алханайского булучного общества от 29 июня 1915 года указывается: «...наши инородцы постоянно арендуют покосы у Кабинета его величества в многочисленных урочищах, а именно: пади по правому берегу р. Урея, Хулинда, Алашкан, Тымбынго, Земкэ, Калзанта, Берея, Гогсон, Кусонок и Жаргланта и пади по левому берегу р. Ара-Иля; Дэдэ-Никсанда, Дэдэ и Додо Тонгоя и Улотуй. Кроме того крестьяне с. Илинского арендуют у Кабинета покосы в устье р. Убжогуе и перепродают нам. Наконец, в вершине Тулатая пади Хабсагайта, Хошуна и Сэнхетык находились ранее в нашем пользовании, но в последние годы отошли в Кабинет и

---

[1] А. Н. Кочетов. Путеводитель, библиотека антирелигиозного музея БМАССР.

[2] Н. И. Разумов. Забайкалье, С.-П., 1899, стр. 84.

теперь мы ежегодно арендуем эти покосы у Кабинета. Всё это—новые признаки недостатка земли у нас» [1].

Агинские буряты, арендуя земли Кабинета, ежегодно платили крупнейшему российскому помещику денежную ренту или, иначе, цену натуральной ренты. Хотя в аренде земли Кабинета непосредственно не видно обычно-правового отношения зависимого крестьянина к землевладельцу, но оно выражается здесь в чисто денежном отношении, основанном на договоре. В этом кроется своеобразие денежной ренты как одной из феодальных форм эксплоатации крестьян.

Таковы пережитки докапиталистических или патриархально-родовых и полуфеодальных отношений в предреволюционной Бурятии.

Докапиталистические отношения в Бурятии, соединяясь с капиталистическими, создавали чрезвычайно сложные и запутанные формы общественной жизни.

За годы реакции и первой империалистической войны в соотношении классовых сил Бурятии произошли изменения.

За это время особенно увеличилось количество лам. Если в 1905 году в Бурятии насчитывалось 7.000 лам, то к 1917 году их было до 15.000 [2]. В крупных дацанах перед революцией проживало до 1000—1300 лам в каждом [3]. В Гусиноозёрском дацане было около 1000, в Анинском—1000, в Эгетуйском—700, в Агинском и Цугольском более 2000 лам. Основная масса лам сосредоточивалась в дацанах Забайкальской области. В дацанах Иркутской губернии [4] находилось около 400 лам, то-есть, в 4 раза больше, чем это было в период первой русской революции. Рост ламайского духовенства шёл, главным образом, за счёт увеличения числа лам среднего и низшего звания, которые «верою и правдой» служили кулачеству.

Разложение крестьянства, выделение из его среды кулаков и батраков, шло повсеместно. Развивающийся капитализм рождал всё новые и новые слои сельской буржуазии и сельского пролетариата. Перепись 1917 года даёт интересные данные о том, как широко применялся у бурят наёмный труд

---

[1] Докладная записка уполномоченных Агинской инородческой волости по вопросу о поземельном устройстве инородцев Агинской волости, Читинского уезда, Забайкальской области. Чита, 1915, стр. 66.

[2] Сибирская советская энциклопедия, т. III, стр. 9—10.

[3] М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926, стр. 124.

[4] В 1917 г. был построен Кырменский дацан. Всего дацанов среди бурят Иркутской губ. к 1917 г. было 5, из них в Тункинском аймаке—3, в Аларском—1 и в Эхирит-Булагатском—1. В материалах переписи 1917 г. приводятся данные по двум дацанам: Аларскому и Кыренскому (Тунка).

и как много было бесскотных и маломощных хозяйств. Данные по Иркутской губернии были таковы[1]:

№№ по порядку	Название уездов	Число хозяйств					
		с наёмными рабочими	без наёмных рабочих	всего	без всякого скота	без рабочего скота	без коров
1	Верхоленский	436	4567	5003	223	548	360
2	Иркутский	418	5433	5851	258	390	473
3	Балаганский	1170	5499	6669	378	588	936
4	Черемховский	377	2365	2742	212	287	324
5	Нижнеудинский	11	246	257	9	15	34
	Всего	2412	18110	20522	1089	1841	2148

Применение наёмного труда среди бурят Иркутской губернии по уездам было неравномерным: наибольшее развитие оно получило у балаганских бурят; здесь число хозяйств, прибегающих к найму, составляло 17,5%; наименее было развито у нижнеудинских бурят; здесь число хозяйств, применяющих наёмный труд составляло всего 4,2%. В целом по губернии бурятские хозяйства, прибегающие к найму, составляли 11,7%. Так как к наёмному труду прибегали, главным образом, кулаки, имеющие мощные хозяйства, то легко понять, насколько выросло бурятское кулачество.

Хозяйства, которые не имели никакого скота или были без рабочего скота и без коров, составляли 24,7%. Эти хозяйства являлись хозяйствами батраков и отчасти бедняков. Остальная масса представляла хозяйства бедняков и середняков.

По Забайкальской области, где бурятское население занималось главным образом скотоводством, вело кочевой и полукочевой образ жизни, данные были несколько отличны. Из 36.971 бурятских[2] хозяйств области, 1793 хозяйства или 4,3%, пользовались наёмным трудом; 1220 хозяйств, или 3,3% были без всякого скота; 1667 хозяйств, или 4,5%, без рабочего

---

[1] Итоги предварительного подсчёта данных сельскохозяйственной переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1919, стр. 406—453.

[2] В таблице сборника значится «инородцы», куда вошло небольшое число эвенкийских хозяйств.

скота; 1224 хозяйства, или 3,3%, без коров[1]. По отдельным районам процент хозяйств, пользующихся наёмной рабочей силой, а равно хозяйств без всякого скота, даёт незначительное отклонение. У агинских бурят, например, хозяйства с наёмными рабочими составляли 6,8%, хозяйства без всякого скота—1,9%, хозяйства без рабочего скота—2,8% и хозяйства без коров—1,5%[2]. У баргузинских бурят хозяйства с наёмными рабочими составляли 5,3%, хозяйства без всякого скота—3,4%, хозяйства без рабочего скота—10,4% и хозяйства без коров 1,9%[3].

Данные переписи, хотя и далеко неполные, показывают процесс развивающегося капитализма, образования кулачества, батраков и разложения середняков.

Таким образом, в бурятском улусе сохранялись пережитки патриархально-родовых и полуфеодальных отношений, тогда как в русской сибирской деревне не было таких отношений. В русской деревне были классы капиталистического общества; в бурятском улусе, наряду с классами капиталистического общества, были остатки классов феодального общества (полуфеодалы). В этом и заключается различие в классовой диференциации русской деревни и бурятского улуса. Это различие обусловливало особенности классовой борьбы в улусе и в деревне.

II

В годы реакции особенно усилился национальный гнёт царизма. В этот период в Бурятии было проведено землеустройство, создание хуторов и отрубов; была введена волостная реформа, установлен институт крестьянских начальников, проведена «реквизиция» бурят на тыловые работы, принимались меры против национальной культуры, языка и т. д. В то время буряты, как «инородцы», являлись неполноправными гражданами, не пользовались политической свободой. Дела волости и уезда решали крестьянские начальники по своему усмотрению, национальные особенности бурят, их обычаи, традиции либо игнорировали, либо пытались искоренить. Самодурство крестьянских начальников, пренебрежительное отношение вызывало со стороны бурят недовольство. Недаром в глазах бурят крестьянские начальники являлись «пугалами».

В начале XX в. в связи с ростом крестьянских волнений царское правительство, стремясь оградить интересы крупных

---

[1] Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1917 году. Чита, 1918, стр. 40—41.
[2] Там же, стр. 38—39.
[3] Там же, стр. 34—35.

землевладельцев-помещиков и отвлечь внимание крестьянства от борьбы за землю, принимает меры к усиленному переселению крестьян в Сибирь. В крае проводится землеустройство, направленное к изъятию значительного количества земель в колонизационный фонд. Переселенческая политика царского правительства определялась не потребностями народного хозяйства, а интересами охраны помещичьего землевладения в Европейской России. Поэтому царизм не считался ни с нуждами переселенцев, ни с положением старожилого населения Сибири.

Во время землеустройства буряты потеряли более половины фактически занимаемой ими земли. Буряты Иркутской губернии с 1887 по 1916 год лишились 53,3% земли [1]. Только по двум уездам—Балаганскому и Верхоленскому—было изъято под колонизационный фонд 1.065.000 десятин. Буряты Забайкальской области с 1908 по 1915 год лишились 1.116.000 десятин удобной земли [2].

Бурятское и русское кулачество воспользовалось землеустройством для закрепления за собой лучших земельных угодий и расширения их путём выделения на хутора и отруба из улусных и сельских земельных общин. Земельная политика царского правительства создавала чересполосность и дробность землепользования, затруднявшие хозяйственное освоение угодий, порождала споры из-за земельных участков, приводила к разорению среднего крестьянства и к ещё большему обнищанию бедноты.

Колонизаторская политика царизма не считалась с хозяйственно-бытовыми особенностями бурятского кочевого и полукочевого населения. Прикрываясь лицемерными фразами о «переводе кочевников на оседлое положение», царизм вместо реальной помощи в этом отношении приводил их к разорению, к усилению национального гнёта. «Царизм—писал тов. Сталин—намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населе-

---

[1] И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование, Т. I, Верхнеудинск, 1925 г.

[2] П. Т. Хаптаев. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, Улан-Удэ, 1942, стр. 157.

ния. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин»[1].

Прилив переселенцев в Сибирь, в частности в Бурятию, несмотря на отрицательные стороны, связанные с переселенческой политикой царизма, имел положительное значение. Отрицательные стороны переселенческого дела определялись не самым фактом переселения, а общим направлением переселенческой политики царизма, не считавшейся с интересами трудящихся. В лице переселенцев в состав сибирского населения вливались новые трудовые кадры, создававшие новые материальные ценности.

В конце XIX века русские крестьяне в Бурятии составляли большинство населения. Соотношение состава русского и бурятского населения Бурятии, по данным двух переписей, было такое[2]:

№№ по порядку	Население	1897 г.		1917 г.		Прирост населения
		в абс. цифр.	Проц.	в абс. цифр.	проц.	в абс. цифр.
1	Русских	630400	66,6	915796	75,2	281796
2	Бурят	298321	33,4	301934	24,8	3613
	Итого	928721	100,0	1217730	100,0	285409

За 20 лет в составе сельского населения Бурятии произошло крупное изменение: русское сельское население увеличилось так быстро, что его двадцатилетний прирост был равен общей численности всего бурятского населения.

Увеличение русского сельского населения Бурятии шло за счёт естественного прироста старожилов и за счёт переселенцев. В годы реакции в Бурятию прибыла крупная партия переселенцев. Наибольший приток переселенцев был заметен на территории бурят Иркутской губернии. Переселенцы расселялись между бурятскими улусами на так называемых переселенческих участках, образованных во время землеустройства. В результате, во многих волостях образовалось смешанное население, что губернская администрация использовала для введения волостной реформы с организацией русско-бурятских волостей. С введением волостной реформы, как известно, были уничтожены последние остатки «бурятского самоуправления»—инородные управы и родовые управления.

---

[1] И. В. Сталин, Сочинения, том IV, стр. 356.

[2] Материалы комиссии Куломзина, вып. 3, СП., 1898 г., стр. 397; Предварительные итоги сельскохоз. переписи в Забайкальской области в 1917 г., Чита, 1918, стр. 41; И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование, стр. 32.

Смешанные волости образовались по всей Бурятии. В Балаганском уезде в 1916 году бурятское население расселялось по 28 волостям. «Из этих волостей,—писал И. И. Серебренников,—только в трёх: Зунгаро-Быкотской, Улейской и Ныгдинской, население состояло из одних бурят; в остальных же 25 волостях инородческое население было смешано или с новосельческим, или старожильческим, или с тем и другим вместе; причём бурятское население преобладало только в 15 волостях. В Верхоленском уезде из 6 волостей и 4 ведомств чисто бурятское население было сосредоточено в трёх ведомствах: Еланцинском, Кутульском и Ленском и в двух волостях: Куленгской и Кырменской» [1].

Изменение в национальном составе сельского населения сыграло положительную роль в жизни бурят. Соседство бурят с русскими способствовало разрушению патриархальности бурятского улуса с его кочевым и полукочевым образом жизни и ускорило процесс приобщения бурят к русской культуре. Буряты под влиянием русских стали заниматься хлебопашеством, приобретать орудия сельского хозяйства: плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жнейки и молотилки; строили дома русского типа, завязывали дружбу с русскими (анда, или андушка) и усваивали русский язык. Вместе с русскими рабочими и крестьянами бурят-монгольский народ боролся против царизма.

Февральская революция уничтожила царизм, но она не уничтожила национального гнёта. «Старая грубая форма национального гнёта,—писал И. В. Сталин,—сменилась новой, утончённой, но зато более опасной формой гнёта» [2]. Временное правительство продолжало империалистическую политику русской буржуазии.

Сибирские ставленники Временного правительства—эсеры и меньшевики верно служили буржуазии: они, например, делали всё для того, чтобы затянуть или запутать решение земельного вопроса, принимали меры, чтобы не дать бурятам возможности организовать автономию.

III

Перед революцией несколько возросло количество национальной интеллигенции. Если до революции 1905 года бурят, получивших образование выше начального, было не более 25 человек, то теперь в учебных заведениях, средних и выс-

---

[1] И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925, стр. 34.

[2] Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат 1935, стр. 52.

ших, обучалось свыше 130 человек. Это были преимущественно сыновья и дочери кулаков и нойонов; они, несмотря на ограничения для «инородцев», поступали в учебные заведения Петрограда и Восточной Сибири (Иркутска, Читы, Кяхты). Среди учащейся молодёжи возникали союзы, полулегальные кружки. Ими устраивались собрания, ставились постановки на родном языке, читались рефераты, выпускались рукописные журналы. В этих ученических союзах и организациях молодёжь росла культурно и политически.

Национальная интеллигенция живо откликалась на революционные события. После Февральской революции большинство национальной интеллигенции примкнуло к правым «социалистическим» партиям, главным образом, эсерам, программа которых наиболее отвечала интересам той социальной среды, откуда она происходила. Небольшая группа национальной интеллигенции пошла за большевиками.

Националисты с первых же дней свержения царизма развернули работу по организации «общенациональных» учреждений. По их инициативе были созданы национальные комитеты. На октябрьском общебурятском съезде 1917 года было решено учредить Центральный Бурятский национальный комитет (Бурнацком) с резиденцией в гор. Чите, а в гор. Иркутске его отдел—Иркутский национальный комитет. В сельских местностях была намечена организация аймаков, хошунов и сомонов. Аймаки, хошуны и сомоны строились по принципу земства и они назывались аймачными, хошунными земскими управами. Проект национального самоуправления в основе своей не отличался от проектов, выдвигавшихся в 1905—1906 гг. Разница была в названиях: в тех проектах сохранялись старые термины как «Дума», «Инородная управа» или, несколько изменённые,—«Губернская земская управа» и «Инородная земская управа».

Временное правительство, как указывалось выше, не признавало права наций на самоопределение, поэтому его представители отклонили проект «бурятской национальной автономии», представленный националистами. Этим обусловливалось, между прочим, явочное введение в некоторых районах аймаков, хошунов и сомонов. Против этого выступили антиаймачники, состоявшие, главным образом, из бывших нойонов, атаманов, лам-теократов и крупных кулаков. Они добивались восстановления степных дум, станиц или же организации «теократического государства».

К концу 1917 года сельские органы национального самоуправления были организованы, за редким исключением, почти по всей Бурятии. В Забайкальской области образовались четыре аймака: Агинский, Баргузинский, Хоринский и Селен-

гинский. Среди бурят Иркутской губернии были организованы три аймака: Ангарский, Эхирит-Булагатский и Тункинский.

Сельские органы национального самоуправления строились на основе временного положения об аймачном земстве. Положение, принятое за руководство при введении аймаков среди бурят Иркутской губернии, было такое:

«1) В состав аймаков входят все бурятские хошуны, находящиеся в пределах Иркутской губернии.

2) Аймачное земство обладает всеми правами уездного земства и имеет все соответствующие уездные земские учреждения для заведывания отдельными отраслями земского хозяйства: народного образования, народного здравия, агрономической помощи населению и т. п.

3) Впредь до выработки особых законоположений аймачные земские учреждения руководствуются временным положением о земских учреждениях в губернии Архангельской и Сибири»[1].

На основе этого положения были введены аймаки и хошуны. Аймаки состояли из нескольких хошунов, а хошуны из улусов. В тех местах, где бурятское население состояло из 300—600 душ обоего пола и территориально было разобщено, были организованы сомоны или булуки. Так, Ангарская аймачная земская управа объединяла 8 хошунов и 1 булук. Хошуны были следующие: Унгинский, с населением 12.593 д., Аларский—9.553 д., Бохан-Укырский—6.236 д., Шаралдайский—1.175 д., Кахинский—2.961 д., Бильчирский—5.582 д., Молькинский—2.713 д., Китойский—1.500 д. и отдельный Усть-Хорикский булук, объединяющий население в 300 душ[2]. Эхирит-Булагатский аймак состоял из 19 хошунов и 1 сомона. Тункинский аймак объединял 4 хошуна: Торский, Коймор-ский, Харибятский и Окинский. В состав Селенгинского аймака, организованного 21—26 декабря 1917 г., были включены 6 хошунов: Селенгинский, Оронгойский, Чикойский, Сартольско-Гигетуйский, Закаменский и Кударо-Бурятский[3]. Агинский аймак состоял из 5 хошунов: Агинский, Цугольский, Хори-бурятский, Хамниганский и Онгоцойский. Хоринский аймак объединял 10 хошунов: Гочитский, Батанай-Харганатский, Ходунский, Шарайтский, Голзотский, Бодонгутский, Кубдутский, Хальбинский, Саганский и Хоацайский. Баргузинский аймак—4 хошуна[4].

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 2, дело 20, л. 52—53.

[2] Там же, фонд «Протоколы Ангарской аймачной земской управы за 1917—1918 гг.».

[3] Там же, фонд 292, дело 27, л. 8.

[4] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 2, дело 1, л. 41.

Так были сконструированы и введены в Бурятии органы «национальной автономии»—Бурнацком, аймаки, хошуны и сомоны.

Националисты, создавая аймаки, хошуны и сомоны, уверяли население в том, что они ведут борьбу с национальным гнётом, освобождают бурят от опеки крестьянских начальников и, таким образом, борются за национальную автономию. Но в действительности организация подобного рода «самоуправлений» ничего общего не имела с советской автономией бурят-монгольского народа. Стремления и чаяния кулачества националисты выдавали за стремления и чаяния народа. Право наций на самоопределение толковали как право национальной буржуазии взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования буржуазного бурятского самоуправления. В результате, вокруг национальной «автономии» собирались силы бурятской буржуазии.

Националисты, оказавшиеся во главе аймаков и хошунов делали всё для того, чтобы ограничить революционное движение узко-национальными рамками, отделить бурят от соседнего русского населения, отвлечь их от общереволюционного, пролетарского движения в стране. Лозунгом они избрали известный призыв идейного отца сибирского областничества Г. Н. Потанина к «инородцам Сибири»: «Спасайте самих себя, нет вам защиты и помощи извне». Националисты и слышать не хотели о социалистической революции, они враждебно встретили Советы Сибири.

IV

Вопреки измышлениям националистов об отсутствии друзей, на защиту и помощь трудящимся бурятам пришли большевики, рабочий класс Сибири. Партия большевиков, руководимая В. И. Лениным и И. В. Сталиным, порвала узы национального гнёта и предоставила малым, ранее угнетённым народам, право на национальное самоопределение. На апрельской конференции (1917) было принято решение: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексии» [1].

Большевики ещё в годы реакции вели нелегальную работу среди населения Бурятии. Царское правительство, после подавления первой русской революции, в Сибирь, в частности

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 182—183.

в Восточную Сибирь, сослало сотни политических заключённых. В Восточную Сибирь были сосланы крупнейшие деятели большевистской партии: И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, В. М. Молотов, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, В. М. Серов, Ем. Ярославский. В. М. Молотов, М. В. Фрунзе, В. М. Серов отбывали ссылку в пределах Бурятии. В селе Манзурка, расположенном среди верхоленских бурят, например, в 1914—1915 гг. функционировала Манзурская колония политических ссыльных [1]. Во главе колонии стоял М. В. Фрунзе. Колония вела пропаганду идей большевистской партии среди крестьян, имела кассу взаимопомощи, столовую и библиотеку, получала газету «Правда». В Мысовск в 1912 г., после отбытия срока каторги, был сослан на поселение В. М. Серов. Здесь В. М. Серов занялся педагогической и пропагандистской работой. «Квартира ссыльного,—пишет П. Аносов,—стала местом, куда окрестные крестьяне и железнодорожные рабочие вечерком приходили «на огонёк», чтобы поговорить с хорошим, «знающим человеком» [2]. В 1916 г. В. М. Серов переехал в Верхнеудинск и стал во главе местной группы большевиков.

Огромное влияние на сибирское крестьянство, на национальное движение бурят оказало рабочее движение в Сибири. За годы реакции, особенно во время империалистической войны, в связи с ростом потребности в угле и золоте, в Сибири значительно увеличилось количество горнорабочих. На Черемховских копях в 1917 г. работало свыше 10.000 рабочих. Несколько тысяч шахтёров работали на Анжерских и Черновских копях.

Горнорабочие и железнодорожные рабочие составляли основное ядро сибирского пролетариата. Они под руководством большевиков подняли знамя революционного движения в Сибири, организовали Советы рабочих и солдатских депутатов.

В составе сибирского рабочего класса теперь было небольшое количество рабочих бурят. Бурятские батраки, избегая нойонской, кулацкой кабалы, уходили в города, устраивались рабочими промышленных предприятий: шахтёрами каменно-угольных копей Черемхово, рабочими железной дороги и т. д. Наибольшее число рабочих бурят находилось в Черемхово, расположенном среди бурятских улусов [3]. Неко-

[1] Ф. Кудрявцев и Г. Колодинский. «Первые маёвки в Сибири», Иркутск, 1939, стр. 60.

[2] Сб. «Борьба за Советы в Бурят-Монголии», стр. 217.

[3] По сообщению Марахинова К. в Черемхово в 1917 г. работало около 30 бурят.

торые рабочие буряты (Ф. Павлов, К. Кушенов, К. Марахинов и другие) приняли активное участие в революционном движении и позднее вступили в ряды партии большевиков.

Такова была обстановка перед социалистической революцией. В ней заключены причины, по которым в Бурятии переход власти к Советам у русской части населения произошёл сравнительно легко и быстро, тогда как у бурят, за исключением некоторых районов, этот процесс несколько затянулся.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРОСИБИРИ И БУРЯТСКОЙ ГРУППЫ

В городах Восточной Сибири—Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Чите в период Февральской революции были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов. В Сибири, так же как и во всей России, Советы были не новы: они, как известно, возникли ещё в дни первой русской революции и имели опыт борьбы за интересы рабочих и крестьян. «Совет рабочих и солдатских депутатов являлся органом союза рабочих и крестьян против царской власти и вместе с тем—органом их власти, органом диктатуры рабочего класса и крестьянства»[1].

Наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов, существовали: комитеты общественной безопасности, городские думы, уездные, губернские, областные и краевые комиссары. Комитеты общественной безопасности и городские думы защищали интересы буржуазии и вели то скрытую, то открытую борьбу с Советами.

Так образовалось двоевластие в Восточной Сибири: Советы рабочих и солдатских депутатов представляли диктатуру пролетариата и крестьянства; комитеты общественной безопасности и городские думы—диктатуру буржуазии. В самих Советах шла борьба большевиков против меньшевиков и эсеров.

Большевики Сибири проделали большую работу в борьбе за установление Советской власти в Сибири. В конце марта 1917 года Я. М. Свердлов, возвращавшийся из енисейской ссылки, устроил с красноярскими большевиками ряд совещаний, на одном из которых было решено создать Средне-Сибирское районное бюро ЦК РСДРП. Это бюро получило утверждение ЦК партии большевиков и развернуло широкую агитационно-пропагандистскую и организационную работу

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 171.

среди населения. Бюро издавало свою газету «Сибирская правда». Большевики, группировавшиеся вокруг «Сибирской правды», вышли из состава объединённой социал-демократической организации. Они порвали связь с меньшевиками, противопоставили их соглашательской политике последовательно-революционную политику.

На апрельской партийной конференции В. И. Ленин, в беседе с делегатами Средне-Сибирского бюро, указывал, что им необходимо перенести центр своей работы в Иркутск. По совету В. И. Ленина, группа красноярских большевиков была переброшена в Иркутск для оказания помощи иркутским большевикам.

Средне-Сибирское бюро большевиков выступало как руководящий центр большевиков всей Сибири. Оно находилось под непосредственным руководством Центрального Комитета партии.

В середине октября 1917 года состоялось Общесибирское партийное совещание, на котором обсуждался вопрос о захвате власти Советами. Это совещание констатировало, что ряд Советов Сибири стал фактическим органом «верховной революционной власти на местах». «Вся высшая в стране власть — сказано в резолюции совещания,—должна перейти в руки Советов. Центральная исполнительная власть должна быть составлена исключительно из представителей Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, периодически избираемых на Всероссийских съездах Советов и лишь перед ними ответственных. Местные Советы работают в согласии с центральной властью, оставаясь в то же время автономными, сохраняя за собой право общественно-революционной инициативы». «Острый кризис промышленности, расстройство транспорта, продовольственная разруха, переходящая в голод, предательская и дезорганизующая роль буржуазного и командного состава армии—требует безотлагательного установления диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, перехода всей полноты власти к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов». Общесибирское партийное совещание нашло своевременным созыв общесибирского съезда Советов. Оно одобрило проекты резолюций съезда.

Первый общесибирский съезд Советов собрался 16 октября 1917 года в гор. Иркутске. На съезде были представлены полностью Советы Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Из Западной Сибири приехали делегаты из Омска, Томска, Анжерских и Судженских копей. С Дальнего Востока были представители от Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийска.

Всего на съезд прибыло 184 делегата. Из них 65 большевиков, 35 левых эсеров, 50 правых эсеров, 11 меньшевиков, 10 интернационалистов, а остальные делегаты—анархисты, бундовцы и беспартийные.

На съезде были делегаты от 69 Советов [1].

Большевики, имея блок с левыми эсерами, составляли преобладающее большинство. Съезд прошёл под руководством большевиков и по основному вопросу—текущему моменту, принял большевистскую резолюцию. Резолюция гласила:

1. Всякое соглашение с буржуазией должно быть решительно отвергнуто.

2. Всероссийский съезд Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов должен немедленно взять власть в свои руки в центре и в согласии с ними местные Советы—на месте. В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действенную поддержку. Только переход власти Советам обеспечит:

а) немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира;

б) организацию рабочего контроля над производством и распределением;

в) беспощадное обложение крупных капиталистов и их имуществ и конфискацию военных прибылей.

Эта резолюция большинством голосов (93 против 68) была принята за основу. Меньшевики и правые эсеры, голосовавшие против резолюции, потерпели поражение. Правые эсеры пытались поднять борьбу при голосовании резолюции по пунктам, они требовали вычеркнуть из второго пункта слова «и крестьянские депутаты», мотивируя это тем, что Комитет крестьянских депутатов отказался участвовать во II Всероссийском съезде. На деле, правые эсеры этим требованием хотели вбить клин между рабочими и крестьянами, снять с крестьянских депутатов ответственность за резолюцию съезда. Когда второй пункт резолюции был принят в первоначальной редакции и был поставлен вопрос о том, можно ли считать Общесибирский съезд съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, правые эсеры покинули съезд, рассчитывая своим уходом сорвать его.

Уход правых эсеров не помешал работе съезда.

Съезд прошёл под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой правительство Керенского!», «Мир на фронте!», «Хлеб рабочим и земля крестьянам!». Съезд утвердил резолю-

---

[1] История гражданской войны в СССР, том II, стр. 109.

ции секционных заседаний. В одной из этих резолюций говорилось о необходимости введения 8-часового рабочего дня до Учредительного собрания, об ответственности предпринимателей за нарушение этого закона, о предоставлении фабрично-заводским комитетам права устанавливать правила внутреннего распорядка, права увольнения и отпуска рабочих и т. д. В другой резолюции указывалось на необходимость планирования производства и установления рабочего контроля.

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири—Центросибирь; образовался общесибирский орган власти Советов, сыгравший исключительно важную роль в борьбе за Советскую власть в Сибири. Работа съезда была закончена 24 октября, накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Центросибирь, несмотря на то, что в её составе было всего несколько человек, проделала большую работу. Она издавала газету-листовку под названием «Центросибирь», которая выходила 1—2 раза в неделю. По директивам съезда Центросибирь вела подготовку к захвату власти Советами, организовала борьбу с контрреволюцией, борьбу с правыми эсерами и меньшевиками.

Борьба за власть приняла особенно острую форму в Иркутске. Это объясняется тем, что тогда Иркутск был средоточием крупной торговой буржуазии Сибири; здесь находилось большое количество бывших царских чиновников, юнкеров и казаков. Они и составляли социальную базу контрреволюции. Опираясь на них, правые эсеры и меньшевики подняли борьбу с Центросибирью, борьбу с большевиками.

Иркутские большевики, получив известия об Октябрьской социалистической революции, от имени Бюро большевистских организаций Сибири, Иркутского Совета и Центросибири, опубликовали воззвание к трудящимся края, призывая поддержать героическую борьбу восставшего пролетариата Петрограда, создать Военно-революционный комитет и взять власть в руки Советов. Правые эсеры и меньшевики, пытавшиеся скрыть или исказить сообщения об Октябрьской революции, издали свое воззвание, в котором требовали не признавать власть Советов. Иркутский губернский комиссар Временного правительства Лавров приказывал всем учреждениям не признавать Советскую власть и не подчиняться её постановлениям. Эсеры, меньшевики и кадеты, надеясь на юнкеров, офицеров и казаков, решили вооружённой силой сопротивляться установлению власти Советов.

На состоявшемся 19 ноября 1917 года объединённом заседании Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов, рабочие и солдаты высказались за немедленный переход власти

к Советам. На заседании был избран Военно-революционный комитет, который объявил, что единственной властью в стране является только Совет Народных Комиссаров, созданный восстанием петроградского пролетариата и гарнизона. Военно-революционный комитет принял ряд мероприятий. Прежде всего Комитет начал организацию красной гвардии: формирование красногвардейских отрядов, вооружение рабочих и обучение их военному делу. Отряды красногвардейцев 4 декабря заняли главные учреждения города—почту, телеграф, казначейство, продовольственный комитет, штаб военного округа и т. д. Военно-революционный комитет арестовал губернского комиссара Временного правительства Лаврова и контрреволюционно настроенных военных начальников.

Враги социалистической революции, эсеры и меньшевики, 28 октября организовали «Комитет защиты революции» и выступили против Советов. Они сформировали белую гвардию, во главе которой стал полковник Скипетров, один из участников карательного отряда генерала Ренненкампфа. При Иркутском военном училище возник штаб контрреволюционных сил. Контрреволюционеры призывали к вооружённой борьбе, к аресту членов военно-революционного Комитета и сохранению буржуазной власти в городе.

Военно-революционный комитет принял решение о немедленном роспуске военного училища и школ прапорщиков, ставших очагами контрреволюции. 5 декабря 1917 года Комитет предъявил военному училищу и школам прапорщиков требование: к 2 часам дня 8 декабря сдать оружие, юнкерам получить документы, деньги на дорогу и разъехаться по домам. Требование Военно-революционного комитета отказались принять военное училище, 1 и 2 школы прапорщиков. Юнкера подняли мятеж.

В городе шли уличные бои. Юнкера стремились вытеснить красногвардейцев из города, сжечь понтонный мост через Ангару и отрезать город от железной дороги с тем, чтобы не дать красногвардейцам возможности получить подкрепление.

На помощь иркутским красногвардейцам пришли рабочие Черемхово, Красноярска и Канска. Первыми в Иркутск прибыли черемховские шахтёры. В воспоминании участника читаем: «Декабрь 1917 г. Узнаём, что в Иркутске восстали юнкера, казаки и офицерство, что они выступили под военным командованием эсера, прапорщика Краковецкого. Загудели тревожные гудки. По призыву Черемховского Совета хлынули черемховцы на железнодорожную станцию. Вагоны к отправке готовы. Шум. Споры из-за мест. Моторщик с подъёма шахты № 5 (Щелкуновской), старик, весь пропитанный мазутом, особенно волнуется: его не пускают в вагон.

«Куда ты... гриб... у тебя куча детишек...»

Моторщик обиженно огрызается: «Что я—хуже других... Что скажут товарищи, когда вернутся из Иркутска» [1].

На отряд черемховских рабочих пала вся тяжесть защиты понтонного моста, очищение подступа к нему от атакующих юнкеров. В это время из Красноярска и Канска прибыли красногвардейские отряды, вооруженные артиллерией.

«Уличная борьба в Иркутске,—пишет один из руководителей красногвардейцев—приняла широкий масштаб. Не было партизанской баррикадной борьбы, а была война со всеми военными средствами. С одной стороны пулемёты и бомбомёты, с другой—орудия, снаряды. Советские военные силы полагали, что им придётся бороться главным образом ружейным огнём и употреблять пушки лишь в исключительных случаях. Но скоро обнаружилось, что это предположение ошибочно. Против солдат и рабочих, вооружённых винтовками, с первой же ночи был направлен пулемётный огонь, на них посыпался град пуль и стало ясно, что, не имея пулемётов, бороться со своим противником, вооружившись только винтовками—значит итти на неминуемую смерть. Советские военные силы были принуждены произвести орудийный обстрел домов, где предполагалось местонахождение пулемётов» [2]. Красногвардейские отряды Черемхова, Красноярска, Канска и Ачинска нанесли серьёзное поражение юнкерам и на девятый день боёв, 17 декабря вынудили их капитулировать.

Контрреволюционное выступление в Иркутске было подавлено. Рабочие и солдаты с оружием в руках отстояли Советы, Центросибирь. Социалистическая революция совершилась в центре Восточной Сибири. Остатки местного буржуазного Временного правительства были ликвидированы. Вся власть в Иркутске перешла к Иркутскому Совету рабочих и солдатских депутатов. «Вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе,—читаем в постановлении Совета,—переходит к Иркутскому Совету рабочих и солдатских депутатов и окружному бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири» [3]. В этом же постановлении Иркутский Совет отметил героическую борьбу красногвардейцев, прибывших на помощь из соседних городов, а также солдат и красногвардейцев Иркутска. В постановлении указано: «Советские войска, солдаты и красногвардейцы соседних городов, мужественно отстаивая с оружием в руках завоева-

---

[1] Сб. «Горняки Сибири», Новосибирск, 1927.

[2] Цитирую по Ф. А. Кудрявцеву «На баррикадах Иркутска», Иркутск, 1935, стр. 22.

[3] Сборник «Сергей Лазо». Воспоминания и документы, Иркутск, ОГИЗ, 1938, стр. 21.

ния рабоче-крестьянской революции, покрыли себя неувядаемой славой защитников рабоче-крестьянского дела».

В Сибири, после подавления контрреволюционного выступления в Иркутске, сохранялся не менее опасный контрреволюционный центр—это Сибирская областная дума, резиденция которой находилась в Томске. Сибирская областная дума настаивала на возобновлении работы Учредительного собрания, распущенного большевиками после победы социалистической революции. Сибирская областная дума противопоставляла себя Центросибири и выступала против её решений. В связи с этим ряд Советов Сибири требовал, чтобы Центросибирь приняла меры к разгону буржуазной областной думы. По предложению Центросибири Томский Совет 26 января 1918 года распустил Сибирскую областную думу.

Центросибирь 10 февраля 1918 г. созвала 2-ой общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Съезд проходил в Иркутске и продолжался в течение пяти дней.

Всего на съезд прибыло 202 представителя. По партийному составу представители делились на: 1) большевиков—123; 2) левых эсеров—53; 3) анархистов—8; 4) правых эсеров—7; 5) максималистов с.-р.—6; 6) объединенцев—2; 7) интернационалистов с. д.—2; 8) беспартийных—1 [1].

Партийный состав второго съезда Советов Сибири резко отличался от состава первого съезда. На втором съезде Советов Сибири большевики составляли 60,8%, а на первом—35,2%. Следовательно, большевики на втором съезде Советов Сибири составляли абсолютное большинство. А это означало, что местные Советы Сибири к этому времени находились под руководством большевиков.

Второй съезд Советов Сибири обсуждал, кроме отчёта Центросибири, вопрос о текущем моменте, о мире, продовольствии, организации Красной армии и Красной гвардии, земельный вопрос и вопросы организации Советской власти в Сибири.

Резолюция по докладу представителя Центросибири гласила: «Заслушав доклад Центросибири, Второй Общесибирский съезд находит: 1) что деятельность Центросибири по укреплению Советской власти и воссозданию новых объединений сыграла крупную историческую роль; 2) что Центросибирь проявила максимум инициативы и энергии в борьбе с контрреволюцией и предательски-соглашательскими элементами правых эсеров и меньшевиков, стремясь направить работу всех Советов Сибири в русло рабоче-крестьянской революции,

[1] Газета «Власть Труда», 1918, № 32.

согласуя свои действия в духе 2-го и 3-го Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров. Принимая всё это во внимание, второй Общесибирский съезд, приветствуя разгон контрреволюционной сибирской Областной думы и вполне одобряя линию поведения Центросибири—выражает надежду, что и вновь избранный орган Центросибири пойдёт по тому же верному, последовательному пути и неуклонно будет закреплять все завоевания рабоче-крестьянской революции, направленные к раскрепощению рабочих, солдат, крестьян и трудового казачества, по пути торжества 3-го социалистического интернационала—за социализм» [1]. Второй съезд Советов Сибири справедливо оценил работу первого состава Центросибири как работу, сыгравшую крупную историческую роль в деле укрепления Советской власти в Сибири, в деле организации борьбы с эсерами и меньшевиками, с сибирской контрреволюцией. Центросибирь выполнила директиву, данную первым съездом Советов Сибири.

По вопросу о текущем моменте и о мире второй съезд Советов Сибири занял ошибочную позицию. «Обсудив последние известия,—читаем в резолюции Съезда,—о возможности заключения Советом Народных Комиссаров мира на условиях, предложенных державами четверного союза в Бресте... второй Всесибирский съезд Советов заявляет, что он не считает себя связанным мирным договором, если таковой заключит Совет Народных Комиссаров с германским правительством» [2].

Позиция второго съезда Советов Сибири по вопросу о мире совпадала с предательской позицией Троцкого и группы «левых коммунистов». Как известно, «Троцкий и группа «левых коммунистов» повели внутри партии ожесточённую борьбу против Ленина, требуя продолжения войны. Эти люди явно играли на руку германским империалистам и контрреволюционерам внутри страны, так как вели дело к тому, чтобы поставить молодую, не имевшую ещё армии, Советскую республику под удар германского империализма» [3].

По продовольственному вопросу съезд заслушал доклады с мест и обсудил вопросы организации продовольственного дела, распределение и обмен товаров, о заготовке хлеба и семян, о борьбе со спекуляцией и с выгонкой самогонки. Съезд вынес решение создать при всех сельских, волостных, уездных, губернских, краевых Советах и Центросибири продовольственные отделы. «В области распределения,—читаем в

[1] Журнал «Северная Азия», 1927, № 5—6 (17—18), стр. 133.
[2] Там же, стр. 134.
[3] Краткий курс истории ВКП(б), 1940, стр. 206.

резолюции,—съезд считает необходимым: 1) сохранение хлебной монополии и 2) установление твёрдых цен на все предметы первой необходимости; 3) организацию учёта всех предметов массового потребления и распределение их как в городе, так и в деревне по карточной системе» [1]. Кроме того было решено взять весь имеющийся в Сибири хлеб на учёт, выявить излишек хлеба и распределить его между населением бесхлебных районов. Ликвидировались все частные торговые предприятия. Торговые заведения передавались в ведение Советов, которым поручался отпуск товаров общественным организациям и распределение их между населением через свои распределительные пункты или через кооперативы. Выкурка самогонки, истребляющая большое количество хлеба, воспрещалась и предполагалось бороться с самогонщиками самыми суровыми, беспощадными мерами, вплоть до конфискации имущества винокуров.

Съезд обсудил и принял проект организации Красной армии и Красной гвардии. Красная армия, по пректу комплектовалась «из лиц, всецело посвятивших себя поддержанию и укреплению Советской власти и борьбе против всемирного капитала вооружённой силой» [2]. Красная гвардия комплектовалась из городского пролетариата Сибири и являлась «одним из отрядов русского и мирового пролетариата». Красная гвардия предназначалась «для защиты всех завоеваний рабоче-крестьянской революции Российской республики Советов и для беспощадной активной борьбы с мировым империализмом» [3].

Съезд заслушал доклад секции по организации отдела труда и промышленности при совдепах. В тезисах доклада читаем: «1. При Центросибири создаётся Всесибирский совет народного хозяйства по типу высшего совета народного хозяйства в Петербурге с полной координацией всех его отделов (труда и промышленности, финансов, продовольствия, транспорта, земельного и т. д.)» [4]. На Комиссариат труда и промышленности возлагалась подготовка кадров для управления национализированными предприятиями. Национализацию синдицированных предприятий полагалось решать в связи с общим разрешением этих вопросов в центре. Совету контроля над производством и распределением поручался скорейший перевод всех предприятий, мобилизованных для нужд войны, на мирное положение.

При Совете народного хозяйства Центросибири съезд

---

[1] Журнал «Северная Азия» 1927, № 5—6 (17—18), стр. 138.
[2] Там же, стр. 140.
[3] Там же, стр. 142.
[4] Там же, стр. 135.

счёл нужным учредить отдел транспорта, управление которым поручалось коллегии под названием комиссариата путей сообщения, с подъотделами: а) железнодорожный, б) судоходный, в) шоссейный, г) статистики, д) изыскания и строительств. Комиссариат путей сообщения был учреждён «в целях планомерного урегулирования транспорта и предотвращения надвигающейся приостановки передвижения грузов, борьбы со всевозрастающей спекуляцией, перевозки товаров, разгрузки от большого скопления грузов некоторых сибирских железных дорог и станций, для правильного обращения и усиления железнодорожного, водного и шоссейного транспорта, увеличения пропускной способности, ускорения ремонта пути, паровозов, вагонов, пароходов, грузовых автомобилей и водных барж и вообще всех новых изысканий в области дорожностроительного отдела» [1].

По земельному вопросу съезд заслушал специальный доклад. В тезисах доклада сказано: «1) Право собственности на землю отменяется навсегда. Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, никаким другим способом отчуждаема.

2) Все земли: казённые, кабинетские, удельные, монастырские, церковные, частновладельческие (помещичьи), мелких собственников, инородческие, отрубников, надельные, казачьи, войсковые, хуторские и другие поступают в общее распоряжение всего трудового народа, без всякого выкупа и налога со стороны трудящихся классов и государства, в общественный фонд. Распределением её между трудящимися заведуют местные советы, как-то: сельские, уездные, губернские и центрально-областные.

3) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства; все мелкие реки, озёра, леса и проч. переходят в пользование общин, уездов или губерний при условии заведывания ими местными Советами или комитетами.

4) Весь хозяйственный инвентарь, живой и мёртвый, переходит без выкупа в исключительное пользование общенародным достоянием всех трудящихся.

5) Право пользования землёю получают все граждане Российской федеративной социалистической республики Советов (без различия пола), желающие обрабатывать её своим

---

[1] Журнал «Северная Азия», 1927, № 5—6 (17—18), стр. 147.

трудом, при помощи своей семьи или в товариществе, и только до той поры, пока они в силе её обрабатывать.

6) Наёмный труд при обработке земли не допускается.

Примечание: Наёмный труд допускается, как исключение и временная мера, отдельным лицам, по усмотрению местных Советов.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой и потребительной норме» [1].

Съезд принял решение о ликвидации кабинетских, удельных, монастырских, церковных, помещичьих и пр. земель. Земля объявлялась собственностью народа. Землёю имели право пользоваться только те граждане, которые могли обрабатывать её своим трудом.

По вопросу народного образования, культурно-просветительной работы съезд принял решение об организации при Центросибири Сибирского совета по делам народного образования. Совет должен был «объединить мероприятия сибирских советов в области культурно-просветительной деятельности и разрешать вопросы по народному образованию, имеющие общесибирское значение и характер специально сибирский; совет должен созывать съезды советских к. п. (культурно-просветительных—П. Х.) организаций учительства, работников искусства и т. д. Должен содействовать культурному развитию сибирских национальностей, открыть ряд сибирских университетов, издать орган Центро-Сибири и ряд других газет для трудящихся края» [2].

Второй съезд Советов Сибири принял положение о составе, устройстве и задачах Советов в Сибири, избрал новый состав Центрального исполнительного комитета Советов Сибири. Председателем Центросибири был избран большевик Н. Н. Яковлев. Были учреждены народные комиссариаты, как, например, совет народного хозяйства, юстиции, военный комиссариат, по делам народного образования и отделы: продовольственный, транспортный и т. д.

Так в Сибири был сформирован краевой советский орган —Центросибирь.

В начале 1918 года при Центросибири образовалась бурятская группа, объединявшая иркутских бурятских большевиков: М. Сахъянову, С. Николаева, Ф. Осодоеву, Г. Данчинова, и примыкавших к ним левых эсеров: М. Забанова, И. Рам-

---

[1] Журнал «Северная Азия», 1927, № 5—6 (17—18), стр. 148—149.
[2] Там же, стр. 135.

пилуна и др. Группа была организована М. М. Сахъяновой[1] при ближайшем содействии деятелей Центросибири.

Бурятская группа Центросибири ставила своей задачей: а) собирание революционных сил народа; б) установление Советской власти в Бурятии; в) разоблачение контрреволюционной деятельности националистов, нойонов, кулаков, лам и г) поддержание связи с революционными органами малых народов Сибири. На губернском съезде иркутских бурят М. Сахъянова указывала, что «прямою целью только что организовавшейся группы, в которую вошли товарищи буряты, примыкающие к левым социалистическим партиям, является руководство и координация политическо-культурной и организационной работ на местах среди бурятского трудового народа и установление связи с революционными органами других народностей Сибири»[2].

За сравнительно короткое время бурятская группа Центросибири развернула организационную и пропагандистскую работу. Её члены выезжали в улусы иркутских бурят, разъясняли населению цели и задачи группы, оказывали содействие хоготовским и ново-николаевским большевикам в развёртывании работы Советов крестьянских и бурятских депутатов. Члены группы активно выступали на страницах газеты «Власть труда» (органа Иркутской организации РСДРП(б)). Были напечатаны статьи «Национальный вопрос и русская революция»[3], «К бурятскому съезду»[4], «Итоги бурятского съезда»[5], «Бурятские Советы депутатов»[6], «Бурятский съезд о текущем моменте»[7] и т. д. Большинство статей принадлежали перу М. Сахъяновой. В этих статьях буряты призывались объединиться вокруг Советской власти, разоблачалась контрреволюционная «теория» националистов об отсутствии классов и классовой борьбы в бурятском улусе, подвергалась резкой критике политика националистов, направленная к тому, чтобы обособить бурят и внести национальную рознь между бурятами и русскими.

---

[1] М. М. Сахъянова, дочь бурята, бедняка Шабартуйского улуса Бильчирской волости Иркутской губ. По окончании Малышевского второклассного училища выехала в Петроград, где поступила на высшие женские курсы Лесгафта. В 1916 году она вступила в ряды РСДРП(б). За принадлежность к большевистской организации М. Сахъянова подвергалась преследованию царской полиции. После февральской революции она приехала в Бурятию, работала в Иркутской организации РСДРП(б).

[2] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 315, д. 1, л. 106—115.

[3] «Власть труда», 1918, № 63.

[4] Там же, № 73.

[5] Там же, № 90.

[6] Там же, № 62.

[7] Там же, № 81.

Особенно примечательна борьба группы против бурятских националистов, разоблачение буржуазно-националистической политики Иркутского отдела национального комитета, получившая наиболее яркое выражение на губернском съезде иркутских бурят, на чём остановимся в главе, посвящённой съезду.

Бурятская группа Центросибири заложила начало для широкого вовлечения бурят-монголов в ряды большевистской партии.

Глава третья

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, КАЗАКОВ И БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

После победы социалистической революции в европейской части России и в центре Восточной Сибири, в Иркутске, большевики Забайкалья развернули активную работу за переход власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. Началась острая борьба за власть между различными партиями и политическими течениями Забайкалья.

На втором съезде сельских депутатов Забайкальской области, состоявшемся в Чите, в конце декабря 1917 года, эсеры и меньшевики, составляя большинство съезда, для захвата власти в свои руки создали так называемый «Забайкальский областной народный совет». Эсеры и меньшевики поспешно объявили населению о том, что съездом сконструирован совет, к которому и переходит вся власть в области. «...Народный совет и комиссариат,—читаем в наказе,—руководствуются в своей деятельности узаконениями Российской Республики, изданными до 24 октября 1917 года, и для них безусловно обязательны все распоряжения и постановления Всероссийского Учредительного Собрания. 6. Кроме указанных уже в резолюции съезда задач к Народному совету переходит вся полнота распорядительной и исполнительной власти в области, все денежные и материальные средства, принадлежащие государству и имеющийся в области весь административный аппарат и т. д.» [1].

Народный совет являлся контрреволюционным, буржуазным учреждением, он открыто отстаивал лозунги Временного правительства.

---

[1] 2-й съезд сельских депутатов Забайкальской области, Чита, 1918, стр. 14.

Предательская контрреволюционная деятельность Народного совета не могла не оттолкнуть и действительно оттолкнула от него население Забайкалья. Рабочие Читы и Верхнеудинска публично выражали своё недовольство. В телеграмме председателя Народного совета от 30 января 1918 г. на имя Селенгинской аймачной земской управы указывается: «...Рабочие организации Читы, Верхнеудинска, определённо недовольны деятельностью Народного совета. Прибывающие казачьи части неопределённо относятся к Народному совету, и признание его власти воинскими силами поэтому представляется сомнительным» [1].

Народный совет переживал кризис. Его руководители—эсеры и меньшевики перед надвигающимся революционным движением были беспомощными. Рабочие железнодорожных мастерских и каменноугольных копей, революционные казачьи полки, прибывшие с фронта, требовали организации Советской власти и борьбы с атаманом Семёновым.

Большевики, в связи с создавшейся революционной ситуацией, выступили с призывом о немедленном захвате власти Советом рабочих и солдатских депутатов. Они при поддержке рабочих, крестьян и революционных казачьих полков Забайкальского казачьего войска, в числе которых были и бурятские казаки, разогнали буржуазный Народный совет. 16 февраля 1918 года власть в Забайкальской области перешла к Забайкальскому совету рабочих, казачьих и солдатских депутатов. В обращении комитета советских организаций к населению было сказано: «16-го сего февраля Совет Рабочих, Казачьих и Солдатских депутатов, приняли всю полноту высшей революционной власти в области в свои руки. Воля революционных казачьих войск Забайкалья, угроза для области со стороны семёновщины и отсутствие твёрдой власти, способной на решительные мероприятия в дни настоящего тяжёлого экономического положения, поставили организацию трудового народа—Совет—перед необходимостью возвысить свой голос в сторону утверждения революционного порядка.

Совет депутатов не мог спокойно смотреть на растущую контрреволюцию и на усиливающуюся разруху в области, с которыми, так называемый, Народный Совет не в силах был справиться» [2].

При Забайкальском совете рабочих, казачьих и солдатских депутатов был организован Военно-революционный штаб Читы и Забайкальской области в составе семи членов. На Военно-революционный штаб была возложена задача «ликви-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 320, д. 9, л. 15.
[2] Газета «Забайкальский рабочий», 1918, № 26.

дировать заговор Семёнова, встать на защиту революции и завоёванных ею прав рабочим, казакам, крестьянам и бурятам, всему трудовому народу и водворить во всём Забайкалье власть самого народа в лице Советов».

Оформление областного органа Советской власти было произведено на третьем съезде представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкальской области. Съезд проходил в Чите с 24 марта по 5 апреля 1918 года. На съезде были представители рабочих, казаков, крестьян, представители национальных меньшинств—бурятов и эвенков. По партийному составу делегаты съезда делились на большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов.

Основными вопросами, которые обсуждал съезд были: 1) текущий политический момент; 2) организация Красной армии; 3) продовольственный вопрос; 4) земельный вопрос; 5) финансовый вопрос; 6) организация власти в области; 7) отношение к земству и 8) выборы членов областного исполнительного комитета.

По текущему политическому моменту с докладом выступил представитель фракции большевиков Я. Е. Боград. В своём докладе Я. Е. Боград развивал основные положения, выдвинутые большевистской партией. Задачу текущего момента определял как переход от первого этапа революции, «давшего власть буржуазии... *ко второму* её этапу, который, должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства» (Ленин) [1]. «Рабоче-Крестьянская революция,—читаем в резолюции, предложенной Я. Е. Боградом от фракции большевиков,—происшедшая в Петрограде в конце октября минувшего года, свергла власть буржуазных классов, прикрываемую и поддерживаемую соглашательскими партиями правых эсеров и меньшевиков-оборонцев, и передала её в руки самого трудящегося народа в лице его полномочных органов—Советов рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов»...

Заключительная часть резолюции гласила: ...«съезд находит, что сложившаяся внутренняя и внешняя обстановка Российской революции выдвигает перед нашей советской республикой следующие очередные задачи: 1) всемерная борьба за утверждение Советской власти в тех местах, где эта власть натыкается на противодействие и явных или скрытых сторонников буржуазной контрреволюции, 2) переустройство всех органов управления в духе новой трудовой власти, 3) борьба с разрухой в промышленности и сельском хозяйстве; проведение всех мер, содействующих увеличению производительности

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 181.

труда и устранению безработицы в городе, снабжение деревни необходимыми ей рабочими силами, инвентарём и товарами и организация правильного обмена продуктами и изделиями между городом и деревней. 4) Организация дисциплинированной Красной гвардии и Красной армии для активной защиты всех завоеваний нашей революции и обороны социалистического отечества, от внутренних и внешних врагов»[1].

Резолюция фракции большевиков призывала рабочих и беднейшее крестьянство вести всемерную борьбу за Советскую власть, передать всю власть Советам, изгнать представителей помещиков и капиталистов из органов власти и организовать вооружённую силу для защиты рабоче-крестьянского государства.

Эсеры и меньшевики выступили против большевиков и резолюции фракции большевиков противопоставили свою резолюцию. Эсеры и меньшевики утверждали, что Россия не созрела для социалистической революции, что в России возможна только буржуазная республика. Они предлагали сохранить капитализм, возобновить деятельность верховного органа воли народа Учредительного Собрания и передать ему всю власть[2].

Бурятские националисты предложили собственную резолюцию под названием «резолюция от левых бурят». Их резолюция по основным вопросам текущей политики совпадала с резолюцией эсеров и меньшевиков. Разница состояла в одном пункте, в котором националисты предлагали «1) признание власти советов, как фактически образовавшихся в процессе революционного строительства». Этот пункт националисты выставляли для обмана населения, среди которого идея организации Советской власти была популярной. На деле националисты стояли за земское самоуправление, за аймачные и хошунные земства.

Резолюция была поставлена на голосование. За резолюцию, предложенную Боградом было подано 233 голоса, против 54 и 36 воздержавшихся. Таким образом, громадным большинством голосов была принята резолюция фракции большевиков.

Одновременно с резолюцией было принято воззвание к пролетариату всего мира о поддержке социалистической революции в России, призыв к борьбе с собственной буржуазией, с империалистической войной, затеянной Германией. В воззвании особое внимание уделялось Брестскому миру,

---

[1] Протоколы заседаний съезда представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят Забайкальской области, Чита, 1918, стр. 13—14.

[2] Там же, стр. 16.

отношение к которому определялось противоречивой и ошибочной формулировкой. Ошибочная позиция 2-го общесибирского съезда Советов по вопросу о мире сказалась и в воззвании 3-го съезда представителей Забайкальской области.

По вопросу об организации Красной армии съезд присоединился к решению 2-го общесибирского съезда Советов. Съезд вполне резонно поднял вопрос об организации отпора атаману Семёнову, угрожавшему с восточной границы. «6) Ввиду опасности, какая надвигается на русскую революцию со стороны Востока,—читаем в резолюции,—как имеющего тесные границы с Забайкальем, откуда идёт снабжённый объединёнными империалистами, всеми средствами борьбы с Советской Российской республикой, авантюрист и верный слуга Николая 2-го Семёнов, съезд употребит все усилия по проведению резолюции в жизнь, немедленно, и тем самым даст достойный отпор мировой контрреволюции» [1]. Во время съезда по предложению одного из делегатов и для предотвращения всякого рода провокации со стороны агентов Семёнова и усиления борьбы с ними был пополнен состав Военно-революционного штаба.

Ввиду предстоящей демобилизации товарищей, бывших «в рядах борьбы за дело народа все месяца революции и годы войны», съезд нашёл «нужным произвести мобилизацию 18 года казаков, крестьян и инородцев, не отличающихся по укладу жизни от остального населения, и тех товарищей, солдат, казаков и инородцев призыва 16 и 17 годов, которые ещё не были на фронте, для внутренней службы и караулов». Этот пункт резолюции вызвал бурную дискуссию. Бурятские националисты предлагали организовать Красную армию из добровольцев. Эсеры и меньшевики, составлявшие правое крыло съезда, заявили, что они отказываются от голосования за резолюцию, потому что все их предложения отклоняются большинством съезда.

Резолюция об организации Красной армии 208 голосами за, при 22 не принявших участие в голосовании, была принята в целом. Бурятские националисты воздержались от голосования резолюции. Они, при обсуждении резолюции, добились санкции предложения о разработке «военной секцией вопроса о призыве кочевых инородцев на особых основаниях, в силу особенных бытовых условий их жизни». Разработанный военной секцией проект призыва бурят, предусматривающий принцип добровольности призыва, большинством голосов был отклонён. Большинство съезда признало, что буряты

---

[1] Протоколы заседаний съезда представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят Забайкальской обл., Чита, 1918, стр. 20.

должны призываться в Красную армию на одинаковых основаниях со всем населением Забайкальской области.

Съезд заслушал доклад комиссара продовольствия о снабжении населения области товарами, хлебом и другими предметами первой необходимости. В области нехватало продовольственного хлеба, населению угрожал голод, кулачество саботировало продажу хлеба. Для учёта хлебного фонда и борьбы с кулачеством съезд объявил хлебную монополию, признал необходимым ввести твёрдые цены на хлеб, на предметы фабричного производства, а также введения единого плана снабжения и распределения для всей области. Хлебную монополию намечали проводить в жизнь одновременно с «монополизацией всех фабрик и предприятий частной собственности». «Признать необходимыми и неотложными,—читаем в одном из пунктов резолюции,—следующие мероприятия: а) строгий и полный учёт всех продуктов первой необходимости, б) нормировка потребления всех продуктов первой необходимости и планомерное распределение их, в) энергичная борьба со спекулянтами и конфискация всех спекулятивных товаров и строгая нормировка цены, г) монополизация в руках продовольственных организаций продажи продуктов, произведённых в области (в первую очередь пушнины, мыла и кож), и использования их для обмена на товары, необходимые для населения, д) напрячь все усилия для заготовок продуктов первой необходимости на рынках европейской России и заграничных» [1].

Делегаты съезда приветствовали закон о земле, опубликованный Советской властью. Местным исполнительным органам Советов поручалось неуклонно проводить его в жизнь. Все кабинетские, казённые и войсковые земли и леса, живой и мёртвый инвентарь были переданы земельным отделам местных Советов. Около 37 миллионов десятин земли, находившейся в ведении казны, теперь перешло в распоряжение земельных отделов. Часть этой огромной площади составляла удобную землю, и она поступала в бесплатное пользование трудящихся крестьян. Право на бесплатное пользование землёю и лесом предоставлялось крестьянам для своих нужд, а во всех остальных случаях полагалось взимание арендной платы, по усмотрению земельных отделов, в пользу государства.

При областном, сельском и уездном Советах предусматривалась организация земельных отделов. Эти отделы должны были проводить практически закон о земле, разрешать

---

[1] Протоколы заседаний съезда, стр. 71.

вопросы использования арендного земельного фонда, выработать потребительно-трудовые нормы землепользования, создавать смешаные комиссии по вопросу «о пользовании так называемыми спорными землями».

Съезд принял ряд мер по укреплению финансового положения области. Было решено реализовать вольфрамит и средства от реализации употребить на организацию местной промышленности; «2) реализовать хлопок, путём отправки его в Россию и получения в обмен на него мануфактуры; 3) реализовать запасы спирта через продовольственные и кооперативные организации, путём продажи его населению по карточкам»[1]. Предусматривался сбор подоходно-поимущественного налога, а также необходимость ходатайства перед Советом Народных Комиссаров об отпуске оборотных средств для приёмки золота, добываемого в области и т. д.

Вопросы об организации власти в области и отношение к земству вызвали горячие дебаты. Эсеры и меньшевики настойчиво требовали сохранения земства. Чтобы спасти земство, они допускали существование Советской власти наряду с органами земства. Разделение функций между Советами и земством формулировали более чем туманно: на Советы, например, возлагали вопросы политико-массового характера, а на земство—вопросы хозяйственные и «самоуправления». Собственно, эсеры и меньшевики таким подразделением ролей добивались единственной цели: не дать власть Советам, ограничить деятельность Советов вопросами культурно-массовой работы. Эсеров и меньшевиков поддерживали бурятские националисты.

Большевики предлагали упразднить существующие остатки земских учреждений области и это мотивировали тем, что земство является буржуазным институтом, что оно организовано не во всех деревнях и улусах области, что его функции должен выполнять организуемый при Советах хозяйственный отдел.

Резолюция большевиков была принята. Эсеры и меньшевики вновь потерпели поражение.

Съезд признал право бурят на самоопределение. В резолюции, принятой съездом, записано: «3-й съезд Советов сельских и рабочих депутатов Забайкальской области, стоя на точке зрения признания за нациями права на полное самоопределение, постановляет—утвердить существующие у бурят-монгол административно-хозяйственные и культурно-просветительные органы национального самоуправления, которые и проводят в жизнь под руководством Центрального национального комитета, работающим в контакте с областной Со-

[1] Протоколы заседаний съезда, стр. 74.

ветской властью, все мероприятия и декреты, защищающие интересы трудового народа». Эта резолюция была дополнена пожеланием, предложенным председателем Верхнеудинского Совета В. М. Серовым. В пожелании значилось: «Вопросы общего характера, затрагивающие интересы русского и бурятского населения разрешаются на областных и районных съездах и в согласительных комиссиях и на местах» [1].

Съезд избрал областной исполнительный комитет на пропорциональных началах: от рабочих—12 чел., от крестьян—12 чел., от бурят—12 чел. и от казаков—12 чел. Областному исполнительному комитету было поручено создание комиссариатов по различным отраслям народного хозяйства.

Таким образом на третьем съезде представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкальской области, был оформлен областной орган Советской власти, упразднено земство, приняты декреты Совета Народных Комиссаров о земле, национализации частновладельческих предприятий, самоопределении наций и организации Красной армии. На съезде была разоблачена контрреволюционная позиция эсеров и меньшевиков. Съезд одобрил разгон Народного Совета и признал необходимым существование Военно-революционного штаба—органа борьбы с контрреволюцией.

---

[1] Протоколы заседаний съезда, стр. 29.

Глава четвёртая

ВЕРХНЕУДИНСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Ко времени Октябрьской Социалистической революции, Верхнеудинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [1] являлся влиятельным Советом в Западном Забайкалье. В Совете шла напряжённая межпартийная борьба. Большевистская группа во главе со старыми большевиками В. М. Серовым и А. М. Буйко разоблачала меньшевиков и эсеров, которые толкали Совет на путь контрреволюции, ратовали за созыв распущенного Учредительного Собрания, выступали против революционного вооружённого восстания рабочих, против социалистической революции.

Большевистской группе Совета потребовалось более двух месяцев для того, чтобы завоевать в нём большинство. 5 февраля 1918 г. на заседании Совета, с участием представителей вернувшейся с фронта революционной части Забайкальского казачьего войска, было вынесено постановление под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой Учредительное собрание!» [2]. За это постановление было подано 48 голосов, против 28 голосов меньшевиков и эсеров, которые вместе с частью делегатов «сельской курии» после объявления результатов голосования покинули заседание, заявив о неприемлемости этих лозунгов и о выходе из состава Совета. С уходом меньшевиков и эсеров руководство Советом перешло к группе большевиков. Верхнеудинский Совет взял всю полноту власти в городе в свои руки. Сохранившаяся городская дума существовала лишь номинально.

Деятельность Верхнеудинского Совета выходила далеко за пределы города и уезда. По инициативе Совета созыва-

---

[1] Об образовании Верхнеудинского Совета см. книгу П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», выпуск II, Улан-Удэ, 1943, стр. 175—178.

[2] Газета «Сибирь», 1918, № 7—30—1.

лись совещания, съезды представителей трудового населения всего Прибайкалья: Верхнеудинского, Селенгинского, Троицкосавского и Баргузинского уездов. На совещаниях и съездах ставились вопросы, злободневные для сельского населения.

В начале марта 1918 года состоялся второй съезд представителей трудового населения Верхнеудинского района. На этом съезде обсуждался вопрос об организации Советской власти в Прибайкалье. Съезд подавляющим большинством голосов признал власть Советов, высказался за упразднение земских учреждений и обязал делегатов организовать на местах Советы крестьянских депутатов. «Всю власть,—читаем в постановлении,—как политическую, так и экономическую сосредоточить исключительно в местных Советах: организацию же самостоятельных земских учреждений признать излишней и ненужной» [1]. Должность районного комиссара, введённую буржуазным Временным правительством, съезд упразднил. Руководящим органом власти в Прибайкалье временно, впредь до следующего съезда Советов, был признан исполнительный комитет Верхнеудинского Совета, пополненный десятью представителями от сельского населения. В официальных документах орган новой власти в Прибайкалье именовался «Исполкомом Верхнеудинских советских организаций».

Съезд одобрил законы о земле, об организации Красной гвардии и Красной армии, о реорганизации судебных учреждений. При исполкоме Совета были организованы отделы: 1) земский, 2) продовольственный, 3) земельный, 4) финансовый, 5) труда, 6) общественного призрения, 7) судебный, 8) промышленный подотдел и 9) медико-санитарная секция. На земский отдел было возложено административно-хозяйственное руководство.

Исполком Верхнеудинского Совета развернул большую работу в Прибайкалье. Вскоре после съезда исполкому пришлось бороться с остатками старой армии—Берёзовским караульным батальоном. Солдаты, оставшиеся после расформирования дружин, были деморализованы: они не соблюдали никакой дисциплины, занимались расхищением государственного имущества из войсковых цейхгаузов и не желали подчиняться командному составу, назначенному Советом. Они арестовывали часть командного состава и угрожали исполкому. В целях предотвращения мятежа, исполком Верхнеудинского Совета расформировал Берёзовский караульный батальон, заменив его отрядами Красной армии. Немалого напряже-

[1] Протоколы съезда трудового населения Прибайкалья, Верхнеудинск, 1918, стр. 29.

ния сил потребовало от исполкома выступление атамана Семёнова на Востоке. Исполком посылал на фронт организованные и снаряжённые им отряды, проводил мобилизацию лошадей. Часть отрядов посылалась для охраны Троицкосавского уезда от белогвардейцев, производивших из Монголии набеги на пограничную полосу.

Для снабжения хлебом Красной армии и организации продовольственного дела исполком Верхнеудинского Совета издал постановление о сосредоточении заготовок хлеба исключительно в руках советских продовольственных органов и запретил покупку и продажу хлеба по вольным ценам. Кроме того, в целях предупреждения спекуляции продуктами и предметами первой необходимости, по распоряжению исполкома была произведена реквизиция у спекулянтов некоторых товаров. Организация продовольственного дела тогда имела важное значение ещё и потому, что китайское правительство под давлением интервентов в целях экономической блокады Советской России с конца 1917 г. запретило вывоз в западном направлении от ст. Маньчжурия продовольствия и других предметов первой необходимости [1].

Закупка хлеба производилась Советом внутри области и на Амуре. Хлеб выменивался на мануфактуру, кожу и порох, изъятый из артиллерийского склада. Распределение предметов потребления проводилось через кооперативы.

Исполком Верхнеудинского Совета принимал меры к национализации промышленных и прочих частновладельческих предприятий. На территории Забайкалья была проведена национализация золотых приисков и каменноугольных копей. В Верхнеудинске была реквизирована частная типография Нодельмана, в которой после этого печатались газета «Вестник Советов Прибайкалья» и другие советские издания. Газета «Вестник Советов Прибайкалья» сыграла большую роль: она пропагандировала идеи большевистской партии, декреты Советского правительства, решения Верхнеудинского Совета, съездов Советов рабочих и крестьянских депутатов и беспощадно разоблачала врагов народа.

В тяжёлом состоянии находилось финансовое дело. Центральные и областные финансовые органы не имели возможности поддержать материально местные Советы, прекратился взнос налогов и прочие поступления. Не было средств на выплату заработной платы учителям, врачам, милиции, на содержание больниц, школ и т. д. Исполком Верхнеудинского Совета постановил принять меры к принудительному взыска-

---

[1] В. П. Гирченко. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии, Улан-Удэ, 1940, стр. 19.

нию налогов с местной буржуазии в сумме $1^1/_2$ млн. рублей на нужды города и советских организаций. Владельцы магазинов, промышленники и спекулянты отказались от уплаты этих налогов и лишь после того, как исполком Совета заключил в тюрьму 24 человека, саботирующих его мероприятия, изъявили согласие на их уплату. Заключённые в тюрьму были освобождены под условием выплаты 800 тысяч рублей.

Введение в городе хлебной монополии, сосредоточение в руках продовольственных органов и кооперативов, обложение местной буржуазии налогами вызвало яростное сопротивление среди спекулянтов, промышленников и прочих контрреволюционных элементов, развернувших усиленную борьбу против Советской власти. Выразителем стремлений буржуазно-мещанских слоёв городского населения явился союз, названный его учредителями из демагогических соображений «Союзом строительных рабочих и чернорабочих». Союз объединял свыше 1000 членов из самых разнообразных элементов[1]: бывших офицеров, спекулянтов, писарей и т. д. Союз занялся спекуляцией товарами первой необходимости (обувью, чаем, табаком и т. д.). Продовольственный отдел Совета с целью пресечь спекуляцию изъял у союза имеющийся товар. Руководители союза обратились в исполком Совета, но не встретили там поддержки. Тогда они избрали другое средство для осуществления намечаемого ими предприятия. Они самочинно созвали на 22 мая 1918 года общее собрание, пригласили все профессиональные союзы, крестьян и казаков ближайших сёл, деревень и станиц для обсуждения вопросов об изъятом товаре союза и о текущем моменте.

Исполком Совета, не запретив собрание, решил принять меры предосторожности. С этой целью исполком совместно с центральным бюро профсоюза Прибайкалья выпустил обращение к рабочим с призывом не участвовать на собрании, указав, что оно организуется спекулянтами, и мобилизовал отряды красногвардейцев для охраны советских организаций и кооперативов.

Собрание состоялось во дворе бывшей Соборной школы. Присутствовали на нём, главным образом, члены союза. Красногвардейцы были в качестве зрителей. Инициаторы собрания в своих демагогических выступлениях утверждали, что «в городе запрещают продавать хлеб по вольной цене, что рабочие голодают и им необходимо помочь»[2]. На митинге они добились подтверждения решения Союза по вопросу спекуляции товарами первой необходимости. В конце собрания

[1] Газета «Вестник Советов Прибайкалья», 1918, № 1, стр. 2.
[2] Там же, стр. 3.

выступил начальник городской Красной гвардии Жердев и предложил обсудить вопрос о борьбе с атаманом Семёновым и контрреволюцией. Собравшиеся отказались слушать Жердева, стащили его с трибуны и стали бить. Обороняясь, Жердев выстрелил. Толпа, при первом выстреле шарахнувшаяся в сторону, возобновила своё нападение. Жердев, отстреливаясь, вырвался и скрылся в помещении биржи труда. Присутствовавшие красногвардейцы не смогли оттеснить толпу и оказать помощь Жердеву, ибо исполком категорически запретил им стрелять в толпу. Вызванные исполкомом из Нижней Берёзовки красногвардейцы и бывшие военнопленные интернационалисты прибыли к месту происшествия к вечеру, когда Жердев был убит. Ввиду неспокойного состояния, исполком с 22 мая ввёл в городе осадное положение, которое через три дня, с ликвидацией контрреволюционного выступления буржуазии и её агентов, было снято.

Заседание Совета, обсудив события 22 мая, дало им следующую оценку: «1. События 22 мая, сопровождавшиеся кровопролитием и убийством, были подготовлены контрабандистами, спекулянтами, тёмными личностями и контрреволюционными элементами, которые ставили себе целью посредством погрома уничтожить Совет, продовольственные организации и кооперативы.

2. Исполнительному комитету советских организаций Верхнеудинского района, предупредившему рабочих накануне особым воззванием о том, что Союз строительных рабочих созывает 22 мая собрание с тёмными антисоветскими целями и что это собрание посещать не следует,—пришлось в день событий выступить в роли обороняющегося и принимать все меры к тому, чтобы ликвидировать события возможно безболезненно, с меньшими жертвами. Эти действия исполнительного комитета Совет считает правильными и поручает ему в дальнейшем активно бороться с контрреволюцией и стоять на страже революции и народной власти»[1].

В середине июня 1918 года исполком Верхнеудинского Совета созвал третий съезд трудового населения, являвшийся по существу первым съездом Советов Прибайкалья. На съезде были представлены почти все сельские Советы и часть бурятских аймаков и хошунов. По докладу мандатной комиссии съезд утвердил 93 делегата с решающими голосами и 11 с совещательными.

Съезд Советов Прибайкалья обсудил вопросы советского, хозяйственного и культурного строительства. Съезд уделил особое внимание укреплению сельских Советов и организации

---

[1] Газета «Вестник Советов Прибайкалья», 1918, № 2, стр. 4.

Советов там, где их ещё не было. Ко времени съезда основная масса русского крестьянства Прибайкалья была объединена вокруг Советов. «Выслушав доклады с мест—читаем в резолюции—Съезд трудового населения Советов Прибайкалья констатирует, что в большинстве мест идёт активная работа по укреплению истинных органов рабочей и крестьянской власти—Советов и призывает население района планомерно вести эту работу, памятуя, что только удержав в своих руках политическую власть, трудящиеся, обездоленные массы защитят себя от рабства и сохранят революцию и её завоевания» [1].

Съезд высказался за усиление борьбы с врагами народа, с представителями соглашательских партий, с контрреволюционной авантюрой Семёнова. В резолюции указывается, что «для борьбы с контрреволюцией необходимо спешное принятие решительных мер путём агитации и разъяснения населению того положения, что если Советская власть врагами народа будет уничтожена, то народ попадёт в худшую кабалу, чем было при старом режиме, потому что бюрократы, чиновники, весь буржуазный класс, будут с остервенением мстить народу, будут штыком и кнутом устанавливать свои порядки и своё господство... Необходимо выяснить (разъяснить—П. Х.) среди населения истинную природу авантюры разбойника Семёнова, стремящегося разграбить население и ввести старый рабский порядок. Призвать население к борьбе с семёновщиной, в каком бы виде она не проявлялась» [2]. Защита завоеваний Октябрьской революции требовала создания новых отрядов Красной армии, перестройки работы милиции. Поэтому съезд признал необходимым организацию сети волостных и уездных военных комиссаров, штабов Красной гвардии и Бюро по комплектованию Красной армии, подчинённых Верхнеудинскому районному Военному комиссариату. Существовавшие отряды милиции съезд нашёл недостаточно отвечающими своему назначению и для централизации всех сил, посвятивших себя борьбе за установление революционной законности, признал необходимым организацию районного комиссариата охраны.

По продовольственному вопросу съезд Советов Прибайкалья постановил: «1) Разрешить впредь до следующего съезда трудового населения свободный подвоз хлеба крестьянами для продажи на всех рынках Прибайкалья; 2) ввиду острого недостатка в Прибайкалье хлебных продуктов воспрещается покупка таковых на рынках без надлежа-

[1] Газета «Вестник Советов Прибайкалья», 1918, № 4, стр. 2.

[2] «Резолюции съезда Советов Прибайкалья 7—20 июня 1918 г.», стр. 3.

щих удостоверений местных продовольственных органов; 3) лица, перевозящие хлебные продукты из одного района в другой без надлежащего разрешения местной Советской власти, признаются спекулянтами и должны привлекаться к суду Революционного трибунала; 4) для борьбы с мешёчничеством съезд предлагает исполнительному комитету Верхнеудинских Советских организаций войти в соглашение с Районными Советами ж. д. депутатов и городскими продовольственными органами о немедленном установлении справедливой таксы на продажу печёного хлеба со станционных лотков и хлебных базаров; 5) оптовые закупки могут производить продовольственные организации, кооперативы и их представители как на местах, так равно и на рынках в городах и ссыпных пунктах по рыночным ценам и 6) предметы первой необходимости крестьянского производства разрешается обменивать на хлеб и они не подлежат реквизиции и конфискации в Прибайкалье»[1].

Народное образование рассматривалось как одно из важных средств привлечения широких масс к сознательной работе по созданию новых форм жизни. Поэтому съезд потребовал, чтобы местные Советы улучшили и расширили школьное образование «до предела бесплатности, всеобщности и обязательности». По школьному образованию предусматривалось израсходовать в течение 1918 года 122000 руб., по внешкольному—51000 руб., по дошкольному—12900 руб., на содержание бюро Районного комитета по народному образованию—18000 руб. и на ремонт школьных зданий—8000 рублей.

Развёрнутая резолюция была принята по земельному вопросу. В ней предусматривалась норма наделения, бесплатность передачи земли, вопросы переселения, чересполосицы, вопросы взаимоотношений бурятского и русского населения в земельных делах и т. д. В разделе об «арендованных» землях указывается, что «Земли (арендованные) церковные, школьные, монастырские, бывшие кабинетские, казённые, удельные и частновладельческие (свыше нормы) поступают в запасный фонд, из которого наделяются малоземельное и безземельное население»[2]. Остатки феодальных земельных отношений, сохранившиеся в виде церковных, монастырских, кабинетских и удельных земель, ликвидировались. Земля объявлялась общенародным достоянием.

---

[1] «Резолюции съезда Советов Прибайкалья 7—20 июня 1918 г.», стр. 5. Брошюра.

[2] Там же, стр. 18.

Глава пятая

ТРОИЦКОСАВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Троицкосавск, старинный купеческий город, расположенный на восточной окраине Бурятии, перед революцией являлся одним из культурных уездных городов Забайкалья. В нём были реальное училище, женская гимназия, отделение Приамурского русского географического общества, музей с богатыми археологическими, геологическими и этнографическими коллекциями, общественная библиотека, городская больница и амбулатория.

По числу населения Троицкосавск среди городов Забайкальской области занимал третье место, уступая Чите и Верхнеудинску. В 1914 году в Троицкосавске насчитывалось 9124 жителя[1]. Подавляющее большинство населения составляли мещане и купцы, часть которых владела крупным состоянием, накопленным торговлей как с местным населением, так и с заграницей—Монголией и Китаем. В городе была значительная прослойка интеллигенции—учителя, врачи и учащаяся молодежь. Местный пролетариат состоял из немногочисленных рабочих электростанции, типографии и кустарных предприятий.

Передовая часть рабочих и интеллигенции живо отзывалась на революционные события. Она с первых же дней Февральской революции организовала Троицкосавский комитет РСДРП. Комитет вначале объединял большевиков и меньшевиков; позднее, когда разгорелась борьба за власть Советов, комитет раскололся и меньшевики были удалены из него.

В это же время среди деятелей местной кооперации возникло ядро эсеровской организации. Эсеры возглавили «Комитет общественной безопасности», образовавшийся после свержения царизма. «Комитет общественной безопасности»

[1] Памятная книжка Забайкальской области на 1914 г., Чита, 1914, стр. 526.

был организован в марте 1917 года на собрании граждан города, происходившем на соборной площади. В его состав вошла, главным образом, интеллигенция, абсолютное большинство которой составляли эсеры. До образования городской думы, «Комитет общественной безопасности» исполнял функции местной власти.

Городская дума была избрана 27 июля 1917 года. Дума избиралась по закону Временного правительства и к ней перешла вся власть в городе. Спустя некоторое время в Троицкосавске была организована и уездная власть—Уездная земская управа. Состав как городской думы, так и уездной земской управы был «коалиционным», с преобладанием эсеров.

Наряду с Думой и уездной земской управой функционировал Троицкосавский Совет рабочих и солдатских депутатов. Как можно судить по протоколу съезда представителей казачьего населения 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска от 1 июня 1917 года, Совет уже существовал в это время [1].

Троицкосавский Совет в начале своей деятельности имел поддержку рабочих, революционной части казачества и передовой интеллигенции.

Троицкосавские большевики с победой Октябрьской революции выставили требование о передаче власти Совету, выступили с резкой критикой меньшевиков и эсеров, разоблачая их как агентов буржуазии. «Вскоре—пишет один из активных деятелей революции в Забайкалье, Г. Т. Петров—однако, смелые большевистские выступления на собраниях и митингах, на которых стали провозглашаться революционные ленинские лозунги: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую», «Вся власть Советам», нарушили обывательское спокойствие эсеров и меньшевиков.

Одним из первых, выступивших с этими ленинскими лозунгами в Прибайкалье, был старый большевик, член партии с 1902 г., Константин Андреевич Масков. Его революционный дух не был сломлен жестокими преследованиями со стороны царизма. Тюрьма и долголетняя ссылка ещё более закалили его в борьбе с капитализмом. Тов. Маскову удалось создать в Троицкосавске большевистскую организацию. Он сумел в этом маленьком городке организовать местные, хотя численно и небольшие, революционные силы из среды рабочих кожевенного завода, электростанции, типографии, воинских частей, революционно настроенной учащейся молодёжи, фрон-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР. Дела Троицкосавской городской управы.

товиков и других слоёв трудового эксплоатируемого населения» [1].

Большевики подготавливались к захвату власти, призывали население поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов. 19 февраля 1918 года Троицкосавский Совет взял власть в свои руки. «Совет—читаем в предписании Троицкосавской городской управе—доводит до сведения, что постановлением от 19/6 февраля с. г. власть в гор. Троицкосавске передана в Совет» [2].

Городская буржуазия, меньшевики и эсеры, не желая уступить власть Совету, тайно обратились к китайскому сановнику с просьбою оказать им содействие. Китайский сановник, резиденция которого была в Маймачене (ныне Алтан-Булак), расположенном недалеко от Троицкосавска, предъявил Троицкосавскому Совету ультимативное требование, подкреплённое угрозой оккупации города китайскими войсками, чтобы Совет передал власть буржуазной городской думе. Это требование мотивировалось тем, что власть в руках Совета не гарантировала сохранения «спокойствия и порядка». Совет, не имея в то время в своём распоряжении достаточной вооружённой силы для отпора этому интервенционистскому выступлению, вынужден был сложить свои полномочия. Городская дума, опираясь на китайских интервентов, объявила населению о переходе к ней власти и об упразднении Совета [3].

В документах того периода борьба за власть отражена довольно полно.

«Троицкосавский Совет рабочих и солдатских депутатов—говорится в резолюции Совета—обсудив на общем собрании 7-го марта положение, создавшееся: 1. предъявлением китайским сановником в Маймачене ультимативного требования и о возложении ответственности за «порядок» в городе на Городскую думу; 2. Постановлением Исполнительного комитета от 4 марта о сложении с себя полномочий и 3. Постановлением Городской думы о низложении Советской власти, о переходе власти в руки городского самоуправления и об упразднении Совета и приняв во внимание, что с одной стороны в данный момент Совет не располагает достаточной активной силой, а с другой стороны Городская дума опирается на силу, именующуюся «Дружиной самообороны» и кроме того на угрозы стоящего за её спиной китайского са-

[1] Сборник «Борьба за Советы в Бурят-Монголии». Москва, 1940, стр. 142.

[2] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 577, д. 1, л. 35.

[3] Троицкосавский ежедневный листок объявлений, 1918, № 1172.

новника, постановляет: 1. Признать себя при создавшихся условиях бессильным противодействовать переходу власти в руки контрреволюционной Городской думы; 2. Протестовать против постановления кучки самозванцев об упразднении Совета, как демократической революционной организации, которую вынесла на своём гребне Великая Русская Революция, и считает Совет попрежнему стоящим на платформе народной власти, хотя и лишённом возможности, вследствие отсутствия реальной силы проводить в жизнь декреты Совета Народных Комиссаров; 3. Поставить своей прямой задачей разоблачение контрреволюционной классовой сущности Городской думы; 4. Протестовать против обязательного постановления Городской думы, введшей фактически в городе осадное положение»[1].

По существу решения Совета, городская дума на экстренном заседании приняла резолюцию, предложенную «социалистической фракцией» с эсерами и меньшевиками.

Из резолюции городской думы ясно видно, как она лживо заявляя о готовности отдать Совету «полноту власти», цепко держалась за неё и как боялась его «реальной силы». Городской думе, ради сохранения в своих руках власти, прибегшей к помощи иностранного оружия было чего опасаться в то время, когда в России и в крупных центрах Восточной Сибири власть находилась в руках Советов.

Троицкосавские большевики не прекращали борьбу, усиленно готовились к новому выступлению, собирали силы. Несколько членов городской думы, главари торгово-промышленной буржуазии, испуганные надвигающимися событиями, 26 марта 1918 г. сбежали в Маймачен. В рядах противников Советской власти началось разложение, поднялась паника. В связи с такой благоприятной ситуацией в городе Совет в конце марта вновь взял власть в свои руки. При этом Совет издал следующее постановление: «Обсудив положение, создавшееся бегством из города в Маймачен представителей власти городского самоуправления, дружины самообороны и некоторых граждан из имущих классов и признавая бегство старой власти актом позорной капитуляции перед несуществующей опасностью, переход дружины самообороны под охрану китайских штыков актом контрреволюционным, дающим повод уподобить её известной банде есаула Семёнова, а бегство имущих граждан поступком противоречащим чувству патриотизма, о котором они так часто говорили, Совет рабочих и солдатских депутатов постановил при-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 577, д. 1, л. 36—37.

нять всю полноту власти в городе в свои руки и объявить власть Городской думы и комендатуры низложенной» [1].

Корреспондент газеты «Власть труда» о взятии власти Троицкосавским Советом сообщал: «Городская дума распущена. Образован отдел городского хозяйства при Совете. Земство упразднено. Все дела принял на себя Совет» [2].

После длительной, упорной борьбы троицкосавские большевики установили в городе Советскую власть, сформировали Совет Народных Комиссаров [3] в составе комиссаров: народного просвещения, торговли и промышленности, труда, продовольствия, почты и телеграфа, юстиции, финансов, пароходства, реквизиции, государственного призрения, военного и т. д. При Совете был организован Совет городского народного хозяйства. В постановлении Совета указывается: «Для решения важных вопросов городского хозяйства, для контроля действия органов городского хозяйства при Троицкосавском Совете учреждается Совет городского народного хозяйства (рабочая дума), общее же руководство хозяйственной политикой города и высший контроль принадлежит Троицкосавскому Совдепу» [4].

Во главе Совета и Совнаркома стали большевики К. Масков и Б. Мельников.

Троицкосавский Совет и Совнарком, наряду с организационным оформлением советских организаций, разрешали хозяйственные и культурные вопросы. С первых же дней Совет организовал городскую милицию, местный суд, подчинил себе такие учреждения как казначейство, банк и таможня. В целях покрытия расходов на нужды культурно-просветительных организаций, как-то: школ, библиотек, музея, больницы, амбулатории, аптеки, Совет обложил контрибуцией местную буржуазию на сумму в 500 тысяч рублей, реквизировал имущество купцов Коковина, Урманчеева, национализировал дома Бухольцева, Собенникова и других. В период колчаковщины управляющий Троицкосавским уездом сообщал прокурору Читинского окружного суда, что «Троицкосавским Советом была наложена контрибуция на состоятельных жителей города в сумме 500.000 руб. для получения каковой были задержаны и арестованы до 20 чел. граждан города, каковые были освобождены около Иркутска по взносе контрибуции в г. Троицкосавске. В г. Троицкосавске подверглось

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 577, д. 1, л. 43.
[2] Газета «Власть Труда», 1918, № 78.
[3] Центр. гос. архив БМАССР, Протоколы заседания Троицкосавского Совнаркома за май и июнь 1918 г.
[4] Там же, л. 54.

реквизиции имущество Коковина, Урманчеева и многих других граждан»[1].

Совет распустил Троицкосавскую уездную земскую управу.

«На 20 (7) сего апреля—сообщалось в обращении уездной земской управы к населению—земская управа назначила заседание по вопросу о практических шагах в деле обсеменения и предполагала немедленно командировать по уезду своих членов для обследования на местах нуждаемости в посевном материале, так как с этим делом нужно спешить. Но это начинание земской управы как вообще и вся её деятельность было прервано, так как на заседание пришёл представитель Троицкосавского Городского Совета солдатских и рабочих депутатов и заявил, что исполнительный комитет Совета постановил упразднить земскую управу»[2]. С упразднением уездной земской управы, власть Троицкосавского Совета распространялась на весь бывший Троицкосавский уезд. Среди крестьянского населения были организованы сельские Советы. «Советская власть—сообщалось в той корреспонденции, на которую мы ссылались выше—пользуется большим авторитетом, особенно в уезде, населенном крестьянами, где повсеместно образованы сельские Советы»[3].

В целях оформления органов уездной советской власти, Троицкосавским Советом был созван уездный съезд. На этом съезде были избраны представители в Совет от русских крестьян, казаков и бурят. Среди представителей бурятского населения был Ц. Ц. Ранжуров[4]. В Троицкосавск Ц. Ц. Ранжуров переехал из Селенгинского аймака, где в период Февральской революции, вернувшись из политической ссылки, работал одним из членов аймисполкома. Ц. Ц. Ранжуров после победы Октябрьской революции выступил с призывом организовать Советскую власть, оказать ей всемерную поддержку в борьбе с контрреволюцией, что вкорне противоречило политике националистов. И он «не ужился» с возглавлявшими аймак националистами, которые делали всё для того, чтобы потушить классовую борьбу среди бурятского населения и отгородить Бурятию от бушующих волн социалистической революции.

Ц. Ц. Ранжурову, как местному жителю, знавшему земельные отношения в уезде, Троицкосавский Совет поручил

---

[1] Сборник «Дальиспарт», книга 1, 1923, стр. 189.

[2] Центр. гос. архив БМССР, ф. Троицкосавской уездной земской управы, д. 9, л. 16.

[3] Газета «Власть Труда», 1918, № 78.

[4] П. Хаптаев. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции, Улан-Удэ, 1939, стр. 111—116.

должность секретаря, а затем председателя земельного отдела. Тогда земельные отношения были самыми запутанными, местами борьба за землю принимала форму насильственного захвата спорных участков. Чтобы разрешить земельные конфликты Ц. Ц. Ранжуров выезжал в сёла, улусы и станицы и там, на месте, добивался справедливого их решения и установления добрососедских отношений между русским и бурятским населением, между казаками и неказаками. В порядке реализации нового закона о земле Совет предоставлял нуждающимся крестьянам пашенные и покосные угодия. Так, например, беднякам Баяндаевского посёлка были прирезаны земли за счёт богатых земельных наделов казачьих станиц. «Жестоко расправились,—пишет в своих воспоминаниях И. П. Кожиков,—белые с бедняцким посёлком Баяндаевским, оказавшимся «виновным» в том, что получил от Советской власти прирезку земли за счёт богатых земельных наделов соседних казачьих станиц» [1].

Троицкосавский Совет уделял много внимания организации борьбы с контрреволюционными элементами, которые концентрировались в Маймачене. В Маймачен стекались бывшие царские чиновники, белые офицеры, буржуазия—все, кто бежал в Монголию после Октябрьской революции. Отсюда они готовились совершить нападение на Советскую Россию, поднять против местных Советов силы внутренней контрреволюции. Троицкосавские большевики, имея сведения о всех замыслах белогвардейцев, приступили к организации Красной гвардии. Командиром отряда красногвардейцев был назначен большевик Пётр Александрович Горяинов. В пограничных селениях—Баяндае, Тамире, Кирети, в станицах Шарагольской, Цаган-Усунской, на Чикойском кожевенном заводе были созданы красногвардейские группы.

Белогвардейцы и их идейные вдохновители—меньшевики и эсеры—особенно обнаглели после выступления чехословаков. Они засылали своих шпионов и диверсантов с целью подорвать доверие населения к Советской власти, дезорганизовать тыл местных Советов. Один из диверсантов, например, проник в здание президиума Троицкосавского Совета и Военно-революционного штаба и положив под стол «адскую машину» скрылся. «Адская машина», обнаруженная сотрудником Совета, была своевременно вывезена за город и взорвана. Взрыв был большой силы, во многих домах города лопнули и вылетели стёкла.

Летом 1918 года перешёл границу сформированный в Монголии белогвардейский отряд есаула Надзорова. Отряд,

---

[1] Журн. «Пролетарская революция», 1926, № 10 (57), стр. 160.

при поддержке местного сельского кулачества и реакционной части казаков, занял ряд пограничных селений восточнее Троицкосавска, в частности Большую Кудару. Белогвардейцы угрожали Троицкосавску; над городом нависла серьёзная опасность.

Троицкосавский Совет свои лучшие силы бросил для ликвидации белогвардейского мятежа. В газете «Центросибирь» сообщалось: «В Троицкосавске произведена добровольческая мобилизация, причём самые деятельные работники местного Совета ушли в ряды Красной армии. Поэтому были произведены перевыборы в Совет, сопровождавшиеся контрреволюционной агитацией. Совет выбрал военно-революционный штаб, оставив за собой чисто хозяйственные функции, и объявил город на осадном положении» [1].

Центросибирь на помощь Троицкосавскому Совету снарядила три отряда под командованием В. М. Рогозина, В. Третьякова и Н. А. Каландарашвили. Эти отряды в Троицкосавск прибыли в разное время и помогли троицкосавским большевикам подавить контрреволюционные выступления, организованные меньшевиками, эсерами и местной буржуазией в станицах Цакирской, Босинской, Цаган-Усунской, Мурочинской, Киранской, Шарагольской и др.

П. Горяинов, Ц. Ранжуров и другие члены Троицкосавского Совета добровольно вошли в отряд Третьякова и выступили с ним на защиту города. Отряд Третьякова при поддержке красногвардейцев Кирети, Тамира и Баяндая после ожесточённых боёв разбил белогвардейцев и отбросил остатки их за границу.

В это время в Троицкосавск прибыл отряд «дедушки» Каландарашвили. Он положил много труда на ликвидацию белогвардейских агентов, пробравшихся в город.

В августе 1918 года после прорыва чехословаками Прибайкальского фронта к Троицкосавску стал подходить отступающий отряд эсера Лаврова, укомплектованный бывшими военнопленными. Командование этого отряда, состоявшее, главным образом, из офицеров, без ведома Троицкосавского Совета вступило в переговоры с русскими белогвардейцами и с командованием китайских войск, находившихся в то время в Маймачене.

Троицкосавский Совет, чтобы предотвратить предательство, принял меры пресечения. Советом была арестована делегация Лаврова, направлявшаяся в Маймачен для переговоров. Командиру отряда красногвардейцев Каландарашвили было поручено предложить Лаврову прекратить его связи с

[1] Газета «Центро-Сибирь», 1918, № 7.

белогвардейцами и объединёнными силами дать отпор наступающим чехословакам и белогвардейцам. Лавров отказался принять предложения Совета, арестовал Каландарашвили и только под угрозой ответных репрессий освободил его.

Предотвратить предательство эсера Лаврова не удалось. Лавров со штабом перешёл на сторону белогвардейцев и тем самым помешал красногвардейским отрядам оказать сопротивление наступавшим на Троицкосавск белогвардейцам и затруднил эвакуацию из Троицкосавска советских организаций.

Отряды Каландарашвили, Рогозина и Третьякова с боями отступили и ушли в Монголию.

Глава шестая

СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ И БУРЯТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Установление Советской власти в городах Восточной Сибири оказало огромное влияние на настроение как русского, так и бурятского населения. В сёлах, деревнях и улусах Иркутской губернии и Забайкальской области стали возникать Советы крестьянских и бурятских депутатов. В начале лета 1918 г. Советы крестьянских депутатов были организованы почти повсеместно, Советы бурятских депутатов—в некоторых улусах и станицах.

В трёх уездах Иркутской губернии: Верхоленском, Иркутском и Балаганском, в которых жила основная масса иркутских бурят, были организованы сельские, волостные и уездные Советы крестьянских депутатов. Так, например, в Верхоленске и Балаганске были созданы уездные Советы, в Тунке—волостной Совет. Корреспондент газеты «Власть труда», сообщая об организации крестьянами Тункинского волостного Совета и упразднении земской управы, писал: «23/10 марта граждане Тункинской волости, разделяя платформу «Вся власть Советам», постановили волостное земство, как не отвечающее интересам трудового крестьянства, упразднить, вместо волостной земской управы избрать Совет крестьянских депутатов. Все торговцы, купцы и промышленники обложены налогом в 3000 рублей на содержание волостного совета» [1]. Крестьяне Тункинского волостного Совета занимали центральную часть территории этой волости, они расселись между бурятами.

Крестьяне Куленгской волости Верхоленского уезда на общем собрании 27 апреля (ст. ст.) 1918 г. решили организовать сельский Совет. В протоколе собрания записано: «По первому вопросу председателем собрания прочтены копии постановления Аймачной земской управы. По этому вопросу возникли прения, а гражданином Антоном Евлампиевым Жи-

[1] Газета «Власть труда», 1918, № 91.

товым была высказана речь о значении аймачного земского управления и Советов, т .е. Советского правительства. Население изъявило своё желание присоединиться к советскому правительству...[1]

Земский отдел Верхнеудинского Совета в апреле 1918 года запросил волостные правления, когда у них организованы Советы крестьянских депутатов. На этот запрос в отдел поступили многочисленные ответы. Из Ново-Селенгинска сообщали: «Исполнительный комитет сообщает, что с 24 апр.—7 мая 1918 г. Ново-Селенгинская волостная земская Управа упразднена и образован взамен её Исполнительный комитет волостного Совета крестьянских депутатов»[2]. Хонхолейский исполнительный комитет ставил отдел в известность, что «Совет организован согласно проекта, утверждённого 2-м Всесибирским съездом Советов»[3]. Из Куналея сообщали, что «Вследствие требования от 27 апреля за № 1032 Волостной комитет имеет честь довести, что Совет в Куналейской волости организован с 1-го апреля с. г.»[4]. В Горячинском селении Баргузинского уезда ещё функционировало волостное земство. «Об упразднении волостного земства и организации Советской власти,—писали в отдел,—вопрос обсуждался на волостном народном собрании 13/26 мая, и ввиду разъезда многих граждан общества по промыслам на оз. Байкал, организация Советской власти отложена до возвращения граждан с промыслов 14/27 мая 1918 г.»[5].

Показательно постановление, вынесенное съездом волостных крестьянских депутатов Темлюйской волости. Съезд состоялся 13/26 мая 1918 года и принял такое постановление:

«По п(ункту) 1-му. Подчинить себя, а также наши волостные и сельские С(оветы) и призывать население к твёрдому объединению вокруг федеративных советских организаций.

По п(ункту) 2-му. Оповестить гр(аждан) населения волости о добровольном и бесплатном кого-либо из них желании вступить на местах в ряды Красной гвардии, о желающих составить списки, а потом затребовать нужное количество винтовок с боевым снаряжением.

По п(ункту) 3-му. Нашли нужным для решения гражданских дел сорганизовать при нашем Волостном Совдепе местный суд из 5-ти избран. деятельных судей, о выборе последних поручить сельским совдепам и затребовать, откуда это будет следовать, инструкцию.

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 315, д. 27, л. 130.
[2] Там же, ф. 38, оп. 9. л. 23.
[3] Там же, л. 54.
[4] Там же, стр. 27.
[5] Там же, стр. 32.

По п(ункту) 4-му. Основной закон о социализации земли мы бесспорно принимаем и во всех его деталях желаем провести в жизнь.

По п(ункту) 5-му. В защиту Октябрьской революции, сплотиться вокруг Советских организаций, призвать к этому население, а бессознательных в том гр(аждан) убеждать в этом лично и путём агитации. Встать на борьбу (против) бандита Семёнова, когда это будет нужным и нам предложено»[1].

Советы крестьянских депутатов в Забайкальской области возникли в основном в течение мая 1918 года. Комиссар Земского отдела Верхнеудинского Совета на третьем съезде Советов Прибайкалья указывал, что «Земскому отделу пришлось начать организовывать Советскую власть в волостях и сёлах и восстановлять связь с населением. Теперь почти во всем районе введена Советская власть. От казаков поступают заявления о введении у них Советских организаций. В Баргузинском районе, за отдалённостью его, Советская власть в периоде организации»[2].

Советы крестьянских депутатов в этот период были заняты самой разнообразной деятельностью: одни Советы только что оформлялись организационно; другие принимали меры по восстановлению разрушенного войною сельского хозяйства, сбора продовольствия и средств на нужды фронта и населения. В Кабанской волости Советы крестьянских депутатов, например, обложили купцов контрибуцией в 23 тыс. руб., из них 4 тыс. руб. было отпущено на нужды народного образования[3]. В Хилокской волости «состоятельные лица» были обложены контрибуцией в 30 тысяч рублей. Через Советы крестьянских депутатов Земский отдел Верхнеудинского Совета распределил на обсеменение полей нуждающихся крестьян ссуду на 208.451 рубль[4]. Советы крестьянских депутатов реквизировали излишки продовольственного и семенного хлеба у кулаков и часть этого хлеба распределяли между бедняками.

Таковы некоторые данные о Советах крестьянских депутатов Иркутской губернии и Забайкальской области.

Советы бурятских депутатов, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, возникли, не включая станичные Советы, в четырёх местах: в селе Хоготе, в улусе Шарахер, в Адыке и в Догое. Совет, организованный в с. Хоготе, на-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 38, оп. 9, л. 43.
[2] Газета «Вестник Советов Прибайкалья», 1918, № 12, стр. 2.
[3] Там же, № 8, стр. 4.
[4] Там же, № 1, стр. 3.

зывался Хоготовским Советом крестьянских и бурятских депутатов, в ул. Шарахера—Шарахерским, в Адыке—Ново-Николаевским и в Догое—Догойским сомонным Советом.

1. Хоготовский Совет крестьянских и бурятских депутатов

В ста шестидесяти километрах от гор. Иркутска по Якутскому тракту расположено село Хогот. Оно возникло как притрактовая почтовая станция и известно среди местного бурятского населения под названием Урто. Часть населения села состояла из ясачных крестьян, многие из которых владели бурятским языком настолько, что могли свободно говорить или же понимать разговорную бурятскую речь.

Недалеко от села, на расстоянии пяти и пятнадцати километров, были раскинуты бурятские улусы и один переселенческий участок (Духовщина), входившие в состав Хоготовской волости Верхоленского уезда.

Подавляющее большинство населения волости составляли буряты. В 1917 году в волости числилось 2742 жителя, из них 486 русских, 2256 бурят [1].

По вероисповеданию население распадалось на православных, шаманистов и буддистов [2]. Православных было— муж. 347 чел., жен. 417 чел., всего 764 чел.; шаманистов—муж. 1071 чел., жен. 782 чел., всего 1853 чел.; буддистов—муж. 105 чел., жен. 98 чел., всего 203 чел. Количество православных превышало число населения двух русских селений волости на 278 человек. Если в окрестных улусах в качестве нянь, прислуг и батраков бурятских кулаков проживало примерно 30—40 православных русских, то остальная цифра православных приходится на бурятское население. А это означает, что небольшая часть бурят Хоготовской волости была православного вероисповедания, или как обычно тогда говорили, крещёными.

Основным занятием населения являлось сельское хозяйство: скотоводство и земледелие. Общее поголовье скота по волости к 1 января 1917 года по архивным данным [3], составляло 6.286 голов (лошадей 1.251 голова, рогатого скота 3.186

---

[1] Итоги предварительного подсчёта материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Под ред. К. Н. Миротворцева, Иркутск, 1919.

[2] Центр. гос. архив БМАССР, ф 411, дело 14, л. 3. В данные по вероисповеданию, видимо, вошла часть лиц, мобилизованных на фронт, и повторным занесением некоторых бурят в графу православных и шаманистов объясняется разница на 78 чел. с вышеприведённым количеством населения волости.

[3] Центр. гос. архив НКВД БМАССР, ф. 411, дело 14, л. 2.

голов, овец и коз 1.836 голов и свиней 13 голов), площадь посева зерновых культур выражалась в 1.358 дес., картофеля 6,5 дес. В среднем на одну душу населения приходилось скота 2,3 головы, посева 0,50 дес. По переписи 1916 года относительная обеспеченность скотом и посевом бурят Хоготовской волости была более высокой: на одну душу приходилось скота 6,8 голов, посева 0,75 дес.[1]. Разница между этими данными довольно значительная. Можно предполагать, что первые сведения несколько занижены, ибо за год не могло сократиться поголовье скота на 50%. Более близкими к действительности являются данные переписи 1917 года[2]. По этим данным общее поголовье скота составляло 10.633 головы (лошадей 1832 головы, рогатого скота 5.826 голов, овец и коз 2.824 головы и свиней 151 голова), площадь зерновых культур 1.863 дес., картофеля 7,4 дес., конопли 1,6 дес., льна 1,1 дес. На одну душу населения приходилось скота 3,8 голов, посева 0,68 дес.

Интересные сведения мы получаем из анализа данных об обеспеченности бурят, крестьян-старожилов и переселенцев скотом и посевом. На одну душу населения приходится: у бурят скота 4,1 гол., посева 0,73 дес.; у крестьян-старожилов скота 2,4 гол., посева 0,44 дес.; у крестьян-новосёлов, или переселенцев, скота 2,7 гол., посева 0,49 дес.[3]. Крестьяне-старожилы, граждане с. Хогота, были наименее обеспечены скотом и посевом. Объясняется это, вероятно, тем, что они, как жители притрактового села, были заняты побочными заработками: ямщиной, промыслами. Из 46 хозяйств села 19 были с промыслами, то-есть 41% всех хозяйств имели побочные заработки. У бурят же хозяйства с промыслами составляли только 1,2%.

Среди населения волости были распространены сельскохозяйственные машины. По переписи 1917 года значится 31 однолемешный плуг, 1 сеялка, 97 сенокосилок, 3 жнейки, 7 молотилок, 12 веялок и 167 конных граблей. Более применимыми и доступными орудиями для большинства крестьян являлись конные грабли и сенокосилки, и они получили наибольшее распространение. Такие машины как сеялки, жнейки и молотилки приобретались зажиточной частью населения, главным образом кулачеством, и они имели единичное распространение.

Диференциация населения волости была довольно глубокая. Наряду с хозяйствами, не имеющими никакого скота

---

[1] И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование, стр. 157.

[2] Итоги предварительного подсчёта материалов переписи 1917 г. по Иркутской губ., стр. 16—27.

[3] Подсчёты сделаны по данным переписи 1917 г.

и никакого посева, были такие, которые имели сотни голов скота и десятки десятин посева. Так, например, всего по волости значилось 637 хозяйств; из них 53 хозяйства было без всякого скота, 75 хозяйств без рабочего скота и 77 хозяйств без коров. Иначе говоря, 32% всех семей волости вели самое жалкое существование; они являлись полностью или частично разорившимися хозяйствами. Эти хозяйства давали контингент сельских пролетариев и полупролетариев, одни из которых шли в батраки к кулакам, другие в поисках куска хлеба уходили в города или на золотые прииска. Хозяйства местных кулаков, где применялась наёмная рабочая сила, составляли 39 дворов.

Резкое расслоение населения даёт с. Хогот. Из 46 хозяйств села, 11 хозяйств имели наёмных рабочих, 1 хозяйство было без всякого скота и 3 хозяйства не имели рабочего скота. Хозяйства, имеющие наёмных рабочих, составляли 23,9%, хозяйств без всякого скота или без какого-либо вида скота— 8,7%. Некоторые кулаки с. Хогота как Абдул И. О., Бушков М. С., Зуев А. и др. имели лавки розничной торговли. Они, при отсутствии кооперативной сети торговли, держали в своих руках всю розничную торговлю волости.

Сводка, составленная по материалам[1] дел Хоготовского волостного правления, даёт такое распределение посева по отдельным дворам:

№№ по порядку	Название селений и улусов	Число дворов	Хоз-ва без посева	Хозяйства, имеющие посев								
				от 0 до 1/2 д.	от 1/2 до 1 д.	от 1 до 1 1/2	от 1 1/2 до 2	от 2 до 3	от 3 до 5 д.	от 5 до 7 д.	от 7 до 10 д.	от 10 и выше
1	Духовщинский участок	21	—	1	1	1	6	10	2	—	—	—
2	1-й Кальский улус	24	4	2	8	6	2	1	—	—	1	—
3	2-й Кальский улус	22	1	3	4	4	3	6	1	—	—	—
4	1-й Токский	39	—	2	10	5	10	6	6	—	—	—
5	2-й Токский	21	—	—	1	1	1	8	4	3	2	1
6	Молойский улус	32	3	1	3	2	6	9	7	—	—	1
7	Шентойский улус	31	2	3	7	6	4	5	3	—	—	1
8	Шутхалунский	18	—	—	1	2	7	3	3	—	—	2
9	Хотогорский	16	—	—	—	4	6	4	2	—	—	—
10	Заречно-Бортойский улус	18	—	—	2	3	5	4	3	—	—	1
11	Бортойский улус	22	1	1	5	3	4	5	2	1	—	—
12	Старо-Хоготовский	35	1	—	3	3	6	8	5	3	6	—
13	3-й Хороевский улус	61	4	5	6	7	9	9	9	7	3	2
	Всего	360	16	18	51	47	69	78	47	14	12	8

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф 411, дело 21, л. 2—8.

В сводку вошли некоторые улусы и одно русское селение. В остальных улусах и в с. Хоготе распределение посева по дворам было такое же, как и в названных населённых пунктах. Поэтому данные сводки достаточно ясно рисуют картину социального расслоения населения.

Из 360 дворов двенадцати улусов и одного переселенческого участка, 16 дворов не имели посева, 18 дворов имели до $1/2$ десятины, 51 двор до 1 десятины и т. д. Хозяйства, которые имели посев $1/2$ десятины, собирали такой малый урожай, что не были в состоянии прокормить себя собственным хлебом и засыпать семена. Чтобы покрыть нужду семьи, нужду хозяйства, трудоспособные члены таких дворов уходили на побочные заработки: женщины нанимались в прислуги или брали сдельную работу на дом (выделка кож, выкатка потников и т. д.); мужчины уходили в батраки на разные сроки—сезонно или годично. Такие дворы, вместе с дворами, не имеющими посева, составляли хозяйства сельских батраков. И они к общему числу рассматриваемых нами дворов составляли 9,5%. Те дворы, которые имели посев от $1/2$ дес. до $1\frac{1}{2}$ дес. составляли 98 единиц или 27,2% к общему числу дворов. Это были хозяйства бедняков. От $1\frac{1}{2}$ до 7 дес. земли имели 208 дворов или 57,8% всех дворов. Это были хозяйства середняков. От 7 до 10 дес. посева имели 12 дворов, и от 10 и выше дес. посева имели 8 дворов, всего 20 дворов, что составляло 5,5%. Это были хозяйства кулаков.

Данные по отдельным улусам дают ещё более ясные и полные представления. Для примера возьмём три улуса: 3-й Хоройский, Шутхалунский и Молойский.

Граждан 3-го Хоройского улуса считали тогда более или менее зажиточными, о чём в своё время писал известный сибирский исследователь, историк А. П. Щапов[1]. Но в этом улусе были батраки, бедняки, середняки и кулаки. Богомол Мангутов, Манжей Макаров, Ангай Хонхормеев и Яков Хозоев не имели никакого посева[2]. Ясно, что они представляли постоянных третьехороевских батраков, готовых продать свою рабочую силу на любые сроки. Асалхай Бурхенов, Хунхен Мумеев, Мудай Мухонаев, Хонгор Хунханов и Баду Баглаев имели по $1/2$ дес. посева. Они жили так бедно, что часть из них была вынуждена итти в батраки на год, а то на два года. Другая часть, как и некоторые бедняки, нанималась на сезонную работу. Крупные кулаки 3-е Хоройского улуса имели посевы более 15 десятин. Так, например, кулак Влади-

---

[1] А. П. Щапов. Собрание сочинений, дополнительный том, Иркутск, 1937, стр. 216.

[2] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 21, л. 8.

мир Харахинов имел $15^1/_2$ дес. посева, кулак Хошхой Шухонов $16^1/_2$ дес. посева. Эти кулаки держали 2—3-годовых батраков. Во время сезонных работ: посева, сенокоса и уборки урожая количество батраков доходило до 5—7 человек у каждого. Кулак Харахинов И. С. накопил денежный капитал, состоял вкладчиком банка, получал проценты и имел лавку в с. Хоготе.

Хозяйство кулаков 3-е Хороевского улуса составляло примерно 8%; хозяйство средняков 55,7%; хозяйство бедняков и батраков 36,3%.

В Шутхалунском улусе не было семей без посева и тех, которые имели по $^1/_2$ десятины посева. Здесь хозяйство бедняков составляло 16,7%, хозяйство средняков 72,2% и хозяйство кулаков 11,1%. В этом улусе проживали самые крупные кулаки Хоготовской волости—три брата Александровых: Степан, Алексей и Андрей. Жили они в роскошно обставленных домах городского типа, подражая во многом жизни русской буржуазии. Молодое поколение Александровых, воспитанное в духе русской буржуазной культуры, не знало родного, бурятского языка или в лучшем случае говорило на ломанном бурятско-русском жаргоне.

Хозяйство Александровых было мощное. Как рассказывают местные старики и батраки, которые работали у них, два брата Александровых: Степан и Алексей жили вместе до 1910 года, имели около 85 десятин ежегодного посева, 45 постоянных батраков, 810 голов скота, в том числе 330 голов рогатого скота, 400 овец и коз и 80 лошадей. Андрей Александров жил в разделе и имел 30 десятин посева, 12 батраков, 450 голов скота, из них 150 голов рогатого скота, 200 овец и коз, 70 табунных лошадей и 30 рабочих лошадей. Всего посева у Александровых было 115 дес., батраков 57 человек, скота 1360 голов. Степан Александров, кроме всего этого в банке держал 40 тысяч рублей, а Андрей Александров владел лавкой в с. Хоготе. Как тягловую силу Александровы использовали быков. Они на 30 быках (волах) возили дрова с Кырменского хребта. Семь—восемь батраков Степана Александрова на 35 подводах с одинаковой упряжью (одинаковые сани, дуги и пр. сбруи) возили сено с местности «Хамнаган». Тридцать, а иногда сорок батраков ежегодно с начала весны, круглое лето и до осени были заняты на вспашке пашни братьев Александровых. Силами батраков была поднята целина в лесистой местности Кырменского хребта—«Кырмен нюрган» и превращена в плодородную пашню. Братья Александровы кроме батраков-пахарей имели батраков-косарей, батраков-пастухов и домашнюю прислугу. В период сезонных работ количество батраков значительно увеличивалось и

доходило до 60—80 человек. Эксплоатация наёмной силы применялась в широких размерах: эксплоататоры не считались с тем, кто нанимается—бурят или русский. В результате у братьев Александровых работали батраками буряты, русские и представители других народностей [1].

Александровы обзаводились сельскохозяйственными машинами, приобретали плуги, сеялки, молотилки, жнейки, сенокосилки, конные грабли и пр.

Лучшие покосные угодия Шутхалуна, Хайзарана, Унгуры и Ады находились в пользовании Александровых. Часть из них была в пользовании на правах аренды и то за ничтожную плату.

Грубо и дико обращались Александровы с населением, особенно с батраками. Немало бывало таких случаев, когда они чинили, буквально, самосуд: кому давали пощёчину, кого пороли, кого избивали. Бедняков, которые не были в состоянии платить долг, пороли плётками и заставляли итти к ним в батраки или же из-за пяти—десяти рублей долга отбирали у них последнюю корову, лошадь. Дармоеды—вот кто такие Александровы—говорили крестьяне.

Основной формой эксплоатации крестьян, которую применяли братья Александровы, являлся наём рабочей силы, представляющий капиталистическую форму эксплоатации. Отработки, ростовщичество (ссуда денег) и отдача скота на прокорм за счёт пользования молоком или тягловой силой (бык), представляющие пережитки кабальной, средневековой формы эксплоатации, в хозяйстве Александровых имели лишь побочное значение. Таким образом, мы имеем здесь соединение капиталистической формы эксплоатации с пережитками феодальной формы эксплоатации при ведущей и господствующей роли первой. Такая форма эксплоатации, которая применялась некоторой частью бурятского кулачества, главным образом, отпрысками старых нойонов, была одной из форм эксплоатации крестьян предреволюционной Бурятии. Из этого простого явления жизни бурят исходили мы, когда разоблачали теорию замаскированных националистов, по которой Александровы не были кулаками, а были феодалами лишь по одному тому, что они являлись нойонами [2], применяли кабальные методы эксплоатации крестьян.

В Молойском улусе было 32 двора, из них 3 без посева, 1 с посевом до $1/2$ дес., 5 с посевом до $1 1/2$ дес., 22 с посевом до 7 дес. и 1 с посевом свыше 10 дес. Михаил Бидагаев,

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9, л. 12.

[2] С. Александров был тайшой Верхоленской степной думы. См. книгу П. Хаптаева «Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции», стр. 31.

Андрей Васильев и Михаил Бидуханов не имели посева и были вынуждены батрачить. Монтохой Баинов, о котором буряты сочинили сатирическую песню: «Молодой дэрхи Монтохэ, модон дэрхи холонгошог» (Живущий в Молоях Монтохой подобен сидящему на дереве колонку), имел 35 дес. посева [1].

Такова диференциация населения Хоготовской волости накануне революции. Она свидетельствует, что в деревне и улусе с развитием капиталистических отношений выделялась с одной стороны, группа кулаков—сельская буржуазия, а с другой стороны, группа батраков—сельских пролетариев, происходило постоянное расслоение среднего крестьянства. Сословное деление населения, применение крупными кулаками наряду с наймом рабочей силы, кабальных методов эксплоатации крестьян, составляли не больше, как пережитки полуфеодальных отношений.

***

После Февральской революции в Хоготовской волости была организована хошунная земская управа вместо упразднённого волостного правления. Оформление хошунной земской управы было закончено 19 января 1918 года. В решении, посвящённом этому вопросу, записано: «Пользуясь завоёванным революцией правом на самоопределение, мы, буряты Хоготовского хошуна, постановили принять организацию хошунов, аймаков, вливаясь в национальный комитет. По отношению жителей села Хогота постановили, что таковые по общности интересов присоединяются к Хоготовскому хошуну как инородцы, так как они оторваны от бурят под давлением старого режима» [2].

Хошуны и аймаки в этот период возглавлялись националистами и кулаками, которые принимали меры к тому, чтобы отделить бурят от русских, обособиться в буржуазно-националистически понимаемой автономии. Против такого обособления выступила местная большевистская группа.

Группа хоготовских большевиков оформилась, видимо, в начале 1918 года. Её членами состояли: сын бедняка, солдат, вернувшийся с фронта империалистической войны, А. В. Аргучинцев, бедняк Я. Д. Черкашин, бурят средняк О. Г. Борсоев, сельские интеллигенты Н. М. Мохачкеев [3], Н. Я. Черкашин

---

[1] Сообщено колхозником колхоза «Комсомолец». Хоготовского булсовета, Баяндаевского аймака И. Б. Алтаевым, письмо от 25 февраля 1942 г.

[2] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9. л. 18.

[3] Н. М. Мохачкеев был сыном хоготовского священника, порвал связь с отцом, вступил в ряды РСДРП(б). В 1918 г. как уполномоченный

и др. Группа через Н. Мохачкеева поддерживала связь с бурятской группой Центросибири. Большинство хоготовских большевиков составляли передовые люди деревенской бедноты, люди, которые имели за спиною несколько лет тяжёлой крестьянской жизни, люди, осознавшие весь ужас старого, капиталистического строя.

Хоготовская группа большевиков свою работу проводила через «солдатскую организацию» и группу бурятских бедняков.

«Солдатская организация» состояла из граждан с. Хогота, многие из которых только что вернулись с фронта империалистической войны. Она объединяла около 30 человек. С фронта некоторые солдаты вернулись после Октябрьской революции, установления Советской власти в европейской части России. Часть из них разделяла идеи революции и по прибытии на родину, примкнув к большевикам, боролась за власть Советов.

«Солдатская организация» имела большое влияние на хошунное земское собрание. Земское же собрание, состоящее из земских гласных, являлось полновластным хозяином хошуна. В одном из постановлений земского собрания указывается: «2) Был поставлен на обсуждение вопрос об отчуждении хлебных запасов, приведённых в известность солдатской организацией, в количестве около 20000 пудов у зажиточного населения хошуна и рассмотрения доставленного списка той же организацией, с кого сколько отчуждается хлеба всего в количестве 3655 пудов и по какой цене, собрание постановило: из этого количества, как умышленно скрытый хлеб Олоя Харахинова 300 пуд., Чернокова Шоноева 400 пудов взять по 2 руб. 35 коп. рожь и 2 р. 30 коп. овёс, т. е. половину твёрдой цены, согласно закона, а остальной хлеб—по твёрдым ценам, т. е. рожь и ярицу по 4 р. 70 коп., овёс 4 р. 60 коп., пшеница 5 р. 40 к. и ячмень по 4 р. 30 коп., предварительно избрав комиссию для распределения, с кого, сколько, какого хлеба отчуждать, в комиссию эту открытым голосованием избраны граждане: Михаил Емельянович Аргучинцев, Илья Михайлович Квасов, Матвей Иванович Омбоев и Николай Марнуев. Комиссии этой предоставляется по своему усмотрению изменять цифры, намеченные к отчуждению, но с тем условием, чтобы общий итог, назначенный к отчуждению, не изменился на понижение. Амбары, опечатанные с хлебом у владельцев оного, разрешить распечатать, обязав их приня-

---

по организации Красной Армии в Эхирит-Булагатском аймаке проживал в с. Хоготе, часто выезжая в командировки.

тый на учёт хлеб хранить до особого распоряжения. Доставка в Хогот хлеба должна быть владельца хлеба»[1]. Реквизиция излишка хлеба у зажиточного населения хошуна, в особенности кулачества, тогда имела исключительно важное значение. И это мероприятие проводилось по почину «солдатской организации».

Группа бурятских бедняков образовалась в Шутхалунском улусе по инициативе О. Г. Борсоева и объединяла более 15 человек. В группу входили бедняки из улусов: Бортой, Заречно-Бортой и Шутхалун. Её активными членами были О. Г. Борсоев, В. В. Васильев (Савинов) и В. П. Казаков. О. Г. Борсоев и В. В. Васильев состояли членами Хоготовской «солдатской организации» и по заданию группы большевиков проводили реквизицию излишков хлеба у местных кулаков, разоблачали их контрреволюционную деятельность, боролись за укрепление Хоготовского Совета крестьянских и бурятских депутатов.

Появление группы бурятских бедняков и её борьба сыграли важную роль в освобождении трудящихся бурят от гнёта и произвола кулаков, в ломке буржуазных и патриархально-родовых представлений.

Члены «солдатской организации» и группы бурятских бедняков называли себя «большевиками», хотя они формально не состояли членами партии большевиков. Судя по делам[2], многие из них были непартийными большевиками. Они стойко боролись за интересы трудящихся, за Советскую власть.

«Солдатской организации» и группе бурятских бедняков оказали помощь ссыльные И. А. Рукис, И. М. Квасов, И. П. Колодка и др., проживавшие тогда в с. Хоготе. И. М. Квасов и И. П. Колодка в с. Хоготе жили до революции и они состояли членами «солдатской организации» со дня её существования. И. А. Рукис[3] в с. Хогот приехал в 1917 году и занялся вопросами народного образования, занимая должность заведующего Хоготовским 2-классным училищем.

Хоготовские большевики располагали достаточной силой, чтобы взять в свои руки власть, и они готовились к такому акту. Подготовка к захвату власти шла с января месяца 1918 года. На январском земском собрании, на котором была

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9, л. 16.

[2] Несколько человек, как напр., владелец лавки М. С. Бушков и др., вошли в организацию с целью защиты своих интересов, отстоять собственное добро. Позднее они были разоблачены и наказаны.

[3] И. А. Рукис—политический ссыльный. В 1910 г. вступил в члены СДРП(б) Латвии. В 1911 г. за политическую деятельность приговорён к лишению всех прав гражданского состояния и ссылке на поселение в Восточную Сибирь. См. газету «За коммунистическое просвещение», 23/IV-33 г.

оформлена хошунная земская управа, хоготовские большевики добились вынесения такого решения: «Против советской власти инородцы Хоготовского хошуна ни в коем случае не пойдут... и определённо отмежёвываются от контрреволюционных выступлений Семёновых, Калединых и т. д.»[1]. В то время, когда бурятские националисты, кулаки не хотели признавать Советскую власть, хоготовское земское собрание, благодаря влиянию большевиков, призывало трудящихся бурят и русских не поддаваться провокации классовых врагов, не выступать против Советской власти. Из двух делегатов, избранных на Иркутский губернский крестьянский съезд, один делегат был представителем хоготовских большевиков—Н. М. Мохачкеев. Народное собрание Хоготовского хошуна поручало своим делегатам «признавать только народную власть Советов, отстаивать интересы беднейшего класса населения, просить принять на общегосударственный фонд обеспечение разорённых семейств и хозяйств воинов и вернувшихся калек с войны необходимым для ведения хозяйств и вообще всего неимущего класса населения»[2].

По возвращении делегатов губернского крестьянского съезда было созвано общее собрание граждан Хоготовского хошуна. На повестке дня собрания стояли следующие вопросы: 1. избрание Совета крестьянских и бурятских депутатов; 2. избрание реквизиционной комиссии; 3. о хлебе и его распределении (солдатский хлеб); 4. кредитное товарищество и 5. потребительское общество. Вопросы, поставленные на обсуждении общего собрания, являлись самыми волнующими для населения хошуна. Теперь решался вопрос о том, в чьих руках должна находиться местная власть, или иначе о дальнейшем функционировании хошунной земской управы. Сообщники националистов и кулаков, не желая расстаться с земской управой, пытались сорвать собрание, внести раздор между русскими и бурятами. Дело дошло до того, что П. А. Александров, делегат губернского крестьянского съезда от бурят Хоготовского хошуна отказался перевести на бурятский язык доклад о крестьянском съезде. Но, однако, саботаж сообщников националистов и кулаков был сломлен. Собрание состоялось 14 марта 1918 года в с. Хоготе. На собрание прибыли 96 представителей русского и бурятского населения. Среди представителей были ссыльные, батраки, бедняки, середняки, зажиточные крестьяне и кулаки.

По первому вопросу повестки дня—избрание Совета крестьянских и бурятских депутатов—было вынесено следующее

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9, л. 18.
[2] Там же, л. 17.

постановление: «По освещении вопроса о Советской власти и подробного доклада председателя о текущем моменте, большинством голосов была признана Советская власть. Форма выборов в Совет была представлена на усмотрение общего собрания»[1]. Кандидатов в члены Совета собрание решило баллотировать посредством тайной подачи записок. Из 14 кандидатов, выставленных в члены Совета, были избраны 5 чел., причём двое из них были средняки, третий зажиточный крестьянин, четвёртый—владелец лавки, пятый—писарь. Из шести кандидатов, выдвинутых большевиками, прошёл один.

«Общим собранием граждан Хоготовского хошуна,—читаем в отношении Совета Эхирит-Булагатской аймачной земской управе—состоявшемся вчера, 27/14 марта, ставшим на платформе «Вся власть Советам» постановило: хошунное земство, как не идущее навстречу беднейшему населению, считать неправомочным и избрало Совет крестьянских и бурятских депутатов из пяти лиц»...[2]

Борьба возникла также в связи с обсуждением кандидатов в члены реквизиционной комиссии. Кулаки и зажиточные крестьяне знали важность этой комиссии, и они старались во чтобы то ни стало провести своих кандидатов. Была, например, выставлена кандидатура кулака И. Н. Аргучинцева. В протоколе даётся довольно подробное описание её отвода большевиком Артемием Аргучинцевым: «тов. Аргучинцев доложил собранию, что выставленный кандидат Иннокентий Аргучинцев, как враг Советской власти, не может принести обществу пользы и просил собрание предложение это отклонить, что собранием было принято»[3]. Большевики добились отвода и других кулацких кандидатов: Я. Степанова и Шоноева. В результате в реквизиционную комиссию прошли представители бедняков и средняков.

По остальным вопросам повестки дня собрание решило часть вопросов оставить открытым, а другую часть передало на разрешение президиума.

Через несколько недель после собрания члены Совета первого созыва ушли в отставку. В Совет пришли новые люди, представители трудового населения. Теперь членами исполнительного комитета были избраны Я. Д. Черкашин, А. А. Шастин, Булдай Борхонов и Нагатай Богданов[4] (последние два кандидата были буряты).

Так, в Хоготовском хошуне была организована новая власть—Совет крестьянских и бурятских депутатов (сокра-

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9, л. 19—21.
[2] Там же, ф. 315, д. 27, л. 7.
[3] Там же, ф. 411, д. 9, л. 19—21.
[4] Там же, л. 22.

щённо в архивных документах именуется «Совдепом»). Хошунная земская управа была распущена, вся власть в пределах хошуна перешла к Совдепу.

Деятельность Хоготовского Совета крестьянских и бурятских депутатов выразилась: а) в налаживании аппарата местной власти; б) в борьбе с кулачеством, саботирующим мероприятия Советской власти; в) в реквизиции излишка хлеба у кулаков; г) в обеспечении семенами и продовольственным хлебом нуждающихся граждан; д) организации вооружённой дружины.

С установлением Советской власти кулачество заняло явно враждебную позицию: местами оно саботировало её мероприятия, местами совершало открытые выступления. В Хоготовском хошуне более показательным является выступление кулаков Александровых и их сообщников. Кулаки Александровы с первых же дней работы Хоготовского Совета агитировали среди бурятского населения хошуна об отделении бурят в самостоятельное Найтуевское сомонное управление и о вхождении в введение Эхирит-Булагатского аймака. Такая агитация была рассчитана на то, чтобы расстроить работу Хоготовского Совета, отделить бурят от русских, посеять между ними национальную рознь и оградить интересы бурятского кулачества.

По материалам, которыми мы располагаем, агитация кулаков не встретила поддержки со стороны широкой массы населения, хотя кулаки уверяли, что буряты желают отделиться от русских и перейти в ведение национальных органов управления. В воспоминании В. В. Васильева, одного из активных участников событий того времени, читаем: «Кулаки и подкулачники, чтобы избежать дальнейшей реквизиции хлеба, чтобы самим пробраться к местным органам власти, пытались отделиться от Хоготовского Совета крестьянских и бурятских депутатов. С этой целью в улусе Шутхалуне было созвано общее собрание граждан Хоготовского хошуна. Кулаки, особенно Александровы, выступили с жалобою, что большевики неправильно реквизировали хлеб, что собранный хлеб расходуют на свои нужды, проигрывают в карты и т. д., что бурятам лучше отделиться в Найтуевское сомонное управление. Мы, бедняки, сторонники Советской власти не хотели отделиться от Хоготовского Совета крестьянских и бурятских депутатов. Мы представили протокол населения, подписанный бедняками и середняками. Жульничество кулаков было разоблачено, ибо реквизированный хлеб хранился полностью в запечатанных амбарах, а население, которое, по их уверениям, хотело отделиться, подписало наш протокол и на

собрании выступило против кулачества. Таким образом, мы отстояли Совет».

Собрание, о котором идёт речь в воспоминании В. В. Васильева, состоялось 5 мая 1918 года. На обсуждение собрания были выдвинуты следующие вопросы: «1. О разделении Хоготовского хошуна (выделение некоторых улусов в Найтуевское сомонное управление); 2. О реквизиции хлеба; 3. О выборе реквизиционной комиссии; 4. О выборе делегатов на общий съезд в гор. Верхоленск для совместного разрешения вопросов, связанных с земельным устройством уезда и аймака на 30 мая с. г. нов. ст.; 5. О выборе делегатов на Иркутский губернский съезд крестьянских, рабочих и бурятских депутатов на 30 мая стар. ст. с. г. и 6. Текущий момент»[1]. Обсуждение первого вопроса повестки дня раскололо собрание на две группы: сторонников Совета крестьянских и бурятских депутатов и сторонников отдельного сомонного управления. «По первому вопросу о разделении Хоготовского хошуна—читаем в протоколе—возникло много прений; много ораторов высказывались за сохранение хошуна в прежнем составе, также много высказывались за разделение». «Возникло много прений»—означало борьбу двух групп. Группа бурятских бедняков возглавляла сторонников Хоготовского Совета, разоблачала контрреволюционные замыслы кулаков, их попытку разъединить бурятское и русское население хошуна. Затее кулаков был дан такой отпор, что даже член аймачной управы националист Ц. Алсаханов «высказался за сохранение Хоготовского хошуна в прежнем составе». В постановлении, вынесенном на этом собрании, значится: «А так как от семи улусов представителей не явилось, от пяти улусов между представителями возникло разногласие за выделение сомонного управления, голосовали только от пяти улусов, почему собрание постановило вопрос о разделении хошуна оставить открытым». Вопрос о разделении Хоготовского хошуна и отделении бурят в особое Найтуевское сомонное управление после собрания не являлся предметом широкого обсуждения. Открытое выступление кулачества против Хоготовского Совета было отбито.

По поручению Совета Артемий Аргучинцев распустил инициативную группу по организации Найтуевского сомонного управления. В своём ответе на отношение Эхирит-Булагатской аймачной земской управы Артемий Аргучинцев писал: «Найтуевское сомонное управление я не разгонял, т. к. фактически его уже в то время не существовало, т. к. оно организовано согласно протоколов от 6 и 8 апреля, а 23 апреля

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 411, д. 9, л. 21.

нов. ст. протоколом общего собрания хошуна упразднено, предложить разойтись находящимся там 2—3 гражданам, местным кулакам я считал своим долгом, т. к. эти кулаки не приносят никакой пользы бедному классу населения, а исключительно своими агитациями вносят дезорганизацию в строительство жизни трудящихся. В означенном отношении сказано, что сомонное управление может быть ликвидировано только по решению всех граждан, входящих в состав сомона, но я думаю, что ликвидировать его могут и не все граждане, а большинство, каковое в действительности и есть против сомонного управления, это только лишь на бумаге сделано, что все граждане тех улусов, которые якобы входят в сомон, постановили выделиться, в действительности эти постановления вершатся кучкой кулаков» [1].

Много внимания и силы уделял Хоготовский Совет реквизиции излишка хлеба у кулаков. Кулаки злостно скрывали излишки хлеба, не хотели продавать хлеб государству по твёрдым ценам. Немало бывало случаев, когда кулаки прятали хлеб в специальных ямах, в погребах, отдавали родственникам на хранение и т. д. Кулак Зангутского улуса Чернакоп Шаноев, например, прятал около 400 пудов хлеба в юрте летника. Скрытый хлеб был обнаружен и у кулаков 3-го Хороевского улуса: Харахинова Владимира, Харахинова Олоя и др.

Хоготовский Совет, в целях изъятия излишка хлеба, организовал по хошуну две реквизиционные комиссии: одну в с. Хоготе, а другую в ул. Шутхалуне. Члены реквизиционной комиссии по спискам, утверждённым Советом, осматривали хлебные амбары кулаков, определяли семена, продовольственный хлеб, а излишки реквизировали. Реквизированный хлеб оплачивался по твёрдым государственным ценам: рожь и ярица пуд по 4 р. 70 коп., овёс по 4 р. 60 к., ячмень по 4 р. 30 коп. и пшеница по 5 р. 40 коп. В тех случаях, когда члены комиссии обнаруживали скрытый хлеб, хлеб реквизировался и оплачивался на 50% ниже твёрдой цены. Всего по хошуну было реквизировано хлеба около 4455 пудов.

Реквизированный хлеб хранился в специально отведённых амбарах. Часть его была отпущена нуждающимся солдатским семьям и беднякам. «Из реквизированного хлеба—читаем в одном из протоколов собрания граждан—собранием разрешено хошунному Совету выдать Андрею Ользонову 10 пудов и Василию Бутуханову 12 пудов, плату за хлеб внести по выяснении цены на хлеб» [2]. По воспоминаниям Я. Д. Черкашина,

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 315, д. 27, л. 120—122.
[2] Там же, ф. 411. д. 9. л. 24.

председателя Хоготовского Совета, на продовольственные нужды населения хошуна и на семена было отпущено хлеба около 800 пудов. Такое мероприятие Совета служило большой поддержкой для семей бедняков, для семей, не имевших куска хлеба.

Совет принимал меры по вооружению активных борцов за власть Советов. Вооружались члены «солдатской организации» и группы бурятских бедняков. Оружие было доставлено из гор. Иркутска. Всего в распоряжении Совета имелось 16 винтовок, 6 наганов и 2 ящика патронов.

2. Шарахерский и Ново-Николаевский Советы крестьянских и бурятских депутатов

Верхнекудинская волость Верхоленского уезда, на территории которой образовались Шарахерский и Ново-Николаевский Советы, была расположена по Куленгскому тракту [1]. Волость была заселена бурятами и русскими. Русское население состояло из старожилов и новосёлов (переселенцев). По переписи 1917 года в волости было 4765 жителя: бурят—3805 чел., русских—960 чел. [2]. Старожилы составляли всего 22 жителя, всё остальное русское население были новосёлы. До землеустройства в волости было одно русское селение Адык, населявшееся старожилами, в большинстве ясачными.

Землеустройство, проведённое здесь между 1909 и 1913 годами внесло изменение в карту волости. На территории волости было образовано семь переселенческих участков: Теменовский, Мурамцовский, Екатерининский, Серафимовский, Понамарёвский, Тимошинский и Московский. В 1910—1912 годы переселенческие участки были заселены переселенцами, в результате образовались новые русские селения: Ахин, Улунтуй, Серафимовка и др. Селения переселенцев были расположены между бурятскими улусами, вследствие чего буряты и русские жили вперемежку, смешанно.

Скотоводство и земледелие составляли главное занятие населения волости. В 1917 году в волости было зарегистрировано 18.308 голов скота [3] (3.192 лошади, 10.399 круп. рогатого скота, 4.562 овец и коз и 155 свиней), 2.366 дес. посева, 2.300 дес. под паром и 6.686 дес. сенокоса. На каждую душу

---

[1] Куленгский тракт отходит в сторону от Якутского тракта в 8 км за Усть-Ордой и идёт по долине р. Куленги до Верхоленска.

[2] Итоги предварительного подсчёта материалов переписи 1917 г. по Иркутской губ. Под ред. К. Н. Миротворцева, Иркутск, 1919.

[3] Там же.

приходилось 3,8 голов скота и 0,49 дес. посева. Обеспеченность скотом и посевом по отдельным группам населения была такова: у бурят—4,4 голов скота и 0,54 дес. посева; у старожилов—1,8 голов скота и 0,5 дес. посева, у новосёлов—1,3 голов скота и 0,33 дес. посева. Новосёлы были наименее обеспечены скотом и посевом. Они осваивали новые места, обзаводились хозяйством и, в отличие от старожилов и бурят, разводили свиней, сеяли коноплю и табак.

По волости числилось 1.081 хозяйств, в том числе 67 хозяйств без всякого скота, что составляло 6,9%, 104 хозяйств без рабочего скота, что составляло 9,6% и 116 хозяйств без коров, что составляло 10,7%. Хозяйств, прибегающих к найму рабочей силы было 47 или 4,3% всех хозяйств. Эти данные далеко неполные, но тем не менее, они характеризуют тот же процесс расслоения населения, какой был в Хоготовской волости, наличие двух крайних групп в деревне—бедняков и кулаков.

В Верхнекудинской волости было три родовых управления, или табины: 4 Буровское, 1 Буровское и Ользоновское.

I. 4 Буровское родовое управление объединяло улусы: Худский, Хара-Нурский, Адыкский и Тургунский. В ведении этого родового управления находились деревня Адык и посёлок Мурамцовский.

II. 1 Буровское родовое управление объединяло улусы: Верхнеуланиньинский, Нижнеуланиньинский, Хабаровский, Ирхепшинский, Ходаровский, Дарбайский, 1 Хортоевский, 2 Хортоевский, 1 Хушургунский, 2 Хушургунский, Хойботский, 1 Байтогский, 2 Байтогский и 3 Байтогский.

III. Ользоновское родовое управление объединяло улусы: Гаханский, Бажеханский, 1 и 2 Зурцуганские, Загайский, Шарахерский (Шодой), Батхайский, Ишимский, Загатуйский и Куленгский.

Загатуйский и Куленгинский улусы были расположены на значительном расстоянии от местонахождения родового управления и на территории других волостей. Загатуйский улус находился в 40 км, в пределах Ользоновской волости; Куленгский улус был совершенно оторван от основной массы населения и находился в долине р. Куленги, в 80 км от родового управления, смежно с бурятами нынешнего Качугского района. Эти улусы отдельными островками вкрапливались в пределы соседних волостей, но в силу традиций родовых отношений продолжали подчиняться Ользоновскому родовому управлению. Пережитки патриархально-родовых отношений, которые ещё сохранялись в быту бурят, в административном делении выражались в строгом соблюдении родового принципа, объединении бурят по родам. Эти пережитки, стоявшие в пря-

мом противоречии с развившимися капиталистическими отношениями, продолжали уживаться с ними, создавая неудобства в управлении, тормозя проведение территориального принципа в административном делении бурят.

В октябре месяце 1917 года Верхнекудинская волость разделилась на две самостоятельные волости: Буровскую и Ользоновскую. Буряты буровских родов вошли в состав Буровской волости; буряты ользоновского рода вошли в состав Ользоновской волости. Разделение прежней волости произошло по родам. Такое деление было сделано кулаками с расчётом, чтобы под шумок родовой «консолидации», родовой группировки отвлечь трудящихся бурят от революционного движения. Для кулаков было важно, чтобы бурятские батраки и бедняки продолжали оставаться в плену родовых предрассудков, чтобы они не подняли классовую борьбу в улусе. В журнале заседания граждан 1 и 2 ользоновских родов подробно изложены причины раздела бывшей Верхнекудинской волости. «У граждан 1 и 2 ользоновских обществ—говорится в журнале—много лет существует стремление отделиться от буровских об-в, таковое стремление объясняется тем, что в буровских об-вах как ранее, так равно и сейчас большею частью во всех общественных (делах) принимал и принимает горячее участие класс имущий, по обычному названию, местные кулаки. Безусловно увлекаясь личными выгодами, они извлекали лишь личную пользу, а интересы об-в оставляли всегда в стороне, стараясь переоблагать податьми бедный класс. Всегда служившие из них должностные лица немало произвели растрат, как, напр., субсидию, которую приходилось населению уплачивать по нескольку раз, немало денег как гоньбовых, так и др. неизвестно куда израсходованных. Учётов в б. Верхнекудинской волости можно сказать и не производилось, все жалобы при старом режиме оставались—жалобами.

Со дня получения свободы у нас в отношении благоустройства ничего не сделано, а наоборот, доведена волость до полной разрухи, разные злоупотребления развились до безумия и все наши (начинания) в отношении благоустройства и ликвидации разрухи всячески со стороны опять-таки кулаков предотвращаются» [1].

Борьба классов в бурятских улусах развернулась так, что она вышла далеко за рамки родовой группировки. Не оправдались расчёты кулаков: рассыпались вновь организованные родовые волости, хошунные земские управы. На тер-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 315, д. 27, л. 17—18.

ритории Ользоновской волости возник новый орган власти — Шарахерский Совет.

Шарахерский Совет своё название получил от названия местности «Шара хэр» — жёлтая степь, на которой расположен улус Шодой, ныне колхоз «Улан-Шодой» [1]. Шарахерский Совет объединял семь улусов с исключительно бурятским населением в 783 жителя. Организаторами Совета были: А. А. Ровинский, политический ссыльный, М. К. Петелин, бывший волостной писарь, вернувшийся с фронта, В. Бардаханов, бурят бедняк Гахан-Бажеханского улуса, Б. Ботхоев, бурят середняк из улуса Шодой и др.

Шарахерский Совет выдержал большую борьбу с местными кулаками. Действия Совета кулаки встречали в штыки, засылали по улусам своих агентов с заданием поднять население против Совета, распространяли лживые слухи о том, что населению «придётся нести, вероятно, в будущем большие расходы», призывали перейти в состав Буровской волости. В результате население Шарахерского Совета раскололось на две части: сторонников Совета и сторонников перехода в состав Буровской волости. Во многих улусах кулацкая, зажиточная часть решила войти в состав Буровской волости, тогда как остальная масса населения улуса, главным образом, беднота продолжала отстаивать Совет. Земские гласные Буровской волости в донесении Иркутскому национальному комитету сообщали, что население следующих улусов: «1 и 2 Зурцуганского (за исключением нескольких домохозяев), Бажеханского, частью Ишимского, Батхайского, Загайского — было принято в количестве 513 душ в Буровскую волость, в Шарахерском же Совете осталось теперь не более как 270 душ» [2]. Больше половины населения Совета под влиянием агитации кулаков покинуло его.

Подрывную работу кулаки вели и внутри Совета, через его наименее устойчивых членов. Кулаки Ходоевы (братья Чернакоп, Филимон и Ходкоп), потомки отстранённого и разорившегося нойона, выдавали себя за ярых сторонников Совета, завоевали его доверие, выполняли поручения. На самом деле Ходоевы под видом «борьбы» за Советы боролись за былую «честь и славу» нойона, сводили счёты с более крупными кулаками: Хонгоровым Н., Амагзаевым С., Ханхатовым П. и др. Они, после отъезда некоторых членов Совета, добились его ликвидации. Совет, просуществовав около двух месяцев, был переименован в Шарахерский хошунный зурган.

---

[1] Колхоз «Улан-Шодой» Байтогского булсовета, Эхирит-Булагатского аймака.

[2] Центр. гос. архив НКВД БМАССР, ф. 2, д. 20, л. 49—50.

Из состава бывшей Верхнекудинской волости выделились русские крестьяне и, по инициативе солдат, вернувшихся с фронта империалистической войны, организовали Ново-Николаевский Совет крестьянских и бурятских депутатов. Ново-Николаевский Совет образовался в начале 1918 года. Совет объединял селения: Адык, Улунтуй, Екатерининск, Серафимовка, Ахин, Тимошинск и Московск. В состав Ново-Николаевского Совета входили буряты двух улусов: Байтогского и Хушургунского [1]. На Иркутском губернском съезде представитель Ново-Николаевского Совета Литвак в своём выступлении говорил: «Вас удивит, конечно, если я передам вам горячее приветствие не только от переселенцев и старожилов, но и от трудового бурятского населения. Всем известно, что буряты объединяются вокруг своих национальных аймаков. В Ново-Николаевской волости мы встречаемся с фактом из ряда вон выходящим. К волости примкнули полностью и в настоящее время приписаны два улуса Байтогский и Хушургунский. Интересы этих улусов вполне совпадают с желаниями тех бурят, которые группируются вокруг аймаков. Если в данном случае аймак скажет, что присоединение двух бурятских улусов в Ново-Николаевской волости сделано под давлением, то это самое явится клеветой ни на чём не основанной, ибо политика давления и запугивания свойственна только аймакам. Последние повсюду арестовывают бурят за то только, что они признают Советскую власть. Интересы трудовых бурят собственно не рознятся с интересами трудовых крестьян и поэтому, чтобы организованным путём достигнуть осуществления своих целей, трудовые буряты находят необходимым объединиться с крестьянами, дабы совместными усилиями достигнуть выполнения своих задач. Аймак, желая препятствовать такому отношению бурят к Советской власти, ибо в данном случае они подают пример всем бурятам отмежеваться от буржуазных аймаков,—арестовал двух бурят—членов Ново-Николаевского Совета за агитацию против аймаков. Только моими усилиями этих безвинно арестованных бурят освободили» [2].

В протоколе от 3/16 мая 1918 года, составленном сельским старостой, сторонником Буровского хошуна, записано: «прибыв в третий уже раз с апреля м-ца в сел. 2-й Хушургун для обследования экономического положения граждан, таковые в числе 5 домохозяев примкнули к Буровскому хошуну, 26 же домохозяев причислились к Ново-Николаевскому Совдепу... все они категорически заявляют, что Аймачной земской

---

[1] В Буровской хошунной управе остались 16 улусов.
[2] Газета «Власть труда», 1918, № 120.

управы не признают и что их теперь из Совдепа никто не имеет права перечислить куда бы ни было»[1].

Деятели Буровского хошунного зургана не мирились с уходом бурят Байтогского и Хушургунского улусов, они требовали отбывать их хошунные повинности (гоньбовую, дорожную), платить подати и т. д. Об этом можно судить по отношению Ново-Николаевского Совета Эхирит-Булагатской аймачной управе. В отношении говорится, что «Ввиду поступающих массы заявлений, что гр-н 1-го Байтогского селения Табинай Шобхоев и другие члены Буровского хошунного зургана под угрозами привлекают уплачивать подати и другие налоги гр-н 3-го Байтогского селения, которые платят в Ново-Николаевский вол. Совдеп, а также под угрозами не дают покоя гра-м того же селения Вахрушка Басхоеву, Бартасу Ханхалаеву и Марко Маркулеву якобы они сомустили об-во присоединиться в Совдеп и смущают других о присоединении к Ново-Николаевскому вол. Совдепу, которым угрожают арестом и впоследствии Шобхоев заявил, что якобы требовал аймак упомянутых граждан на какой-то допрос и принять над таковым меры, а поэтому Ново-Николаевский вол. Совдеп обращается к вам с просьбою о принятии мер, чтобы не было никаких угроз, а лучше жить в согласии»[2].

Вхождение двух бурятских улусов в состав Ново-Николаевского Совета ярко показало, как крепла дружба между трудовым русским и бурятским населением волости в их совместной борьбе за Советы.

Ново-Николаевскому Совету пришлось работать в сложной и трудной обстановке. Совету по такому важному вопросу, как реквизиция излишка хлеба у кулаков, пришлось действовать на территории Буровской хошунной земской управы, отношения с которой без того были натянуты. В Буровской волости было сравнительно легко собрать нужное количество хлеба для обеспечения нужд бедняков, ибо в волости проживали десятки крупных кулаков (Нурхай Хонгоров, Гельжурга Алдаров и др.). На губернском съезде Литвак указывал: «Видя такое недоброжелательное со стороны трудового крестьянства отношение к аймаку, последний обратился к губернской Советской власти, которую аймак ввёл в заблуждение, указывая, будто члены Ново-Николаевского Совета производят неправильные реквизиции продуктов и разных товаров. Фактически мы не сами производили реквизиции, а под давлением голодных—мы вынуждены были стать на такой

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 315, д. 27, л. 49.
[2] Там же, л. 85.

путь. Чем же аймак хотел накормить голодных? Видно, одним только пустым обещанием»[1].

Сотни пудов хлеба, частью запрятанного, были реквизированы у кулаков. Реквизированный хлеб Совет роздал полуголодным семьям батраков и бедняков, семьям солдат, обеспечил их не только продовольственным хлебом, но и семенами.

Ново-Николаевский Совет, по сообщению граждан, знающих события того периода, работал под руководством новониколаевской группы большевиков. Отсутствие архивных материалов лишает возможности дать описание деятельности этой группы, а равно более полное освещение деятельности Совета.

3. Догойский сомонный Совет

В делах Агинской аймачной и Цугольской хошунной земских управ сохранилось несколько документов, ярко иллюстрирующих классовую борьбу, которая развернулась среди агинских бурят в годы революции. В одном из этих документов—в протоколе 2-го Агинского аймачного земского собрания, состоявшегося 21—29 марта 1918 года, приводится обсуждение вопроса «Об анархии внутри аймака». «Анархия» здесь выразилась в том, что буряты некоторых сомонов отказались подчиняться аймаку, платить подати, упразднили должностных лиц. В Онгоцонском хошуне население Луникерского сомона заявило, что оно «не признает вообще никакой власти и не платит никаких податей»[2]. В этом сомоне были упразднены должности зайсана и милиционера. У зайсана были отобраны собранные им подати и все сомонные дела. В Сартольском сомоне население вынесло постановление «вовсе не платить податей». В Хори-бурятском хошуне произошёл раскол в связи с постановкой вопроса об объединении с другим хошуном.

Среди агинских бурят росло недовольство руководством хошунов и аймака. Оно объяснялось, главным образом, тем, что тогда во главе хошунов и аймака стояли националисты и кулаки, которые не шли дальше буржуазных преобразований, ущемляли интересы бедняков и батраков.

В особенно острые формы вылилась борьба классов в Догойском сомоне. Здесь в дни Февральской революции образовалась небольшая группа бурят, объединявшая местных бедняков и батраков и примыкавшая к большевикам. «До-

---

[1] Газета «Власть труда», 1918, № 73.
[2] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 308, д. 119, л. 1—2 или 180.

гойцами руководило несколько лиц,—читаем в протоколе Агинского аймачного земского собрания,—которые в течение последних 10 лет агитировали против бурятских общественных деятелей и таким путём навербовали себе сторонников из среды своих общественников, настроенных против правительственных и общественных организаций»[1]. Борьба с националистами и бывшими нойонами-кулаками, именуемыми в протоколе «общественными деятелями», поднятая догойцами в дореволюционное время, продолжалась и после свержения царизма, в период февраля 1917 г., когда эта же группа сохранила в своих руках руководство национальными органами самоуправления. В знак протеста догойцы стали на путь организации особого комитета, бывшего за короткое время своего существования вполне автономным.

С установлением Советской власти в Забайкальской области догойцы, при помощи читинских большевиков и рабочих депо Читы I, преобразовали комитет в Догойский сомонный Совет[2]. Глава догойцев имел связь с рабочими депо. На третьем съезде рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и бурятских представителей Забайкальской области он был избран членом Исполнительного Комитета областного Совета от рабочей курии[3]. Цугальская хошунная земская управа, касаясь деятельности догойцев, сообщала: «вождь (местных) большевиков... под прикрытием и покровительством деповских рабочих ст. Чита I разбивал в пух и прах земские организации в области вообще и у бурят в частности»[4]. В постановлении Агинского аймачного земского собрания, состоявшегося в конце 1918 г. было записано: «С момента появления деятельности большевистского владычества эта группа (догойцы—П. Х.), поспешила заявить себя ярой сторонницей большевиков и сразу начала работать с ними заодно»[5].

Деятельность Догойского сомонного Совета, по тем скудным материалам, которыми мы располагаем, выразилась в исполнении директив Областного Совета, в ликвидации земских учреждений и обложении кулаков подоходно-прогрессивным налогом. Совет принял самое горячее участие в оказании помощи отряду Каландарашвили, переброшенному

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 21, из протокола Агинского айм. зем. собрания.

[2] Рукописный фонд ГИЯЛИ, № 102, рукопись, стр. 169.

[3] Брошюра «Протоколы заседаний съезда представителей крестьян, рабочих, казаков и бурят Забайкальской области», Чита, 1918.

[4] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 21, из протокола Цугольской хошунной земской управы.

[5] Там же, фонд 21, из протокола Агинского айм. земского собрания.

Центросибирью на Забайкальский фронт. Совет провёл конфискацию имущества кулаков Дылыкова, Тугултурова и др., реквизицию у них лошадей и коров на нужды Красной гвардии.

Догойский сомонный Совет принимал меры по проведению в жизнь закона о социализации земли, о чём можно судить по протоколу съезда Цугольского хошунного собрания. Там записано, что руководитель догойцев «проводил уравнение земельных угодий»[1]. Ясно, что «уравнение земельных угодий» на деле было изъятием кулацких и ламайских земель и передачей их в пользование трудящихся бурят.

Немало сил догойцы приложили в той борьбе, которую вели против националистов, стоявших тогда во главе аймаков и хошунов. «Бурятские организации—говорил руководитель догойцев на съезде Цугольского хошунного земского собрания,—есть только учреждения, преследующие цели исключительно в пользу бурятских состоятельных классов, а потому мы, буряты, должны ликвидировать все свои автономные организации и признать советскую власть»[2]. Догойцы понимали, что аймаки и хошуны, руководимые националистами, защищают интересы бурятского кулачества. Поэтому они требовали ликвидации буржуазной автономии.

Националисты и кулаки в конце 1918 г. усердно занимались вопросом о том, как избавиться от догойцев, от «разлагающего влияния большевизма». «Главари догойской группы,—телеграфировали националисты из Агинского аймака в Бурнацком,—обманно заручившись пропуском штаба восточного фронта, выехали в Читу... Ходатайствуем немедленно задержании их препровождении следственной власти»[3]. На Цугольском хошунном земском собрании, состоявшемся 13 октября 1918 г., было решено расселить 37 семей догойцев по Агинскому аймаку и тем самым пресечь их «антигосударственную большевистскую деятельность». Агинское аймачное земское собрание пошло дальше, высказавшись за высылку догойцев за пределы аймака. Аймачное земское собрание возбудило ходатайство перед управляющим Забайкальской областью «об официальном аннулировании особого революционного комитета догойцев, дабы он не представлял из себя законный орган общественного управления, не свил себе, в

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 21, из протокола Цугольской хошунной земской управы.
[2] Там же, фонд 21.
[3] Там же, д. 19, л. 41. Выпущена непонятная часть

угрозу бурятскому народу, новое гнездо большевизма»[1]. Собрание просило «выслать их (догойцев) в административном порядке, за пределы аймака на жительство и под надзор административной власти и этим путём избавить население аймака от разлагающего их влияния»[2].

Таким образом, догойцы, под влиянием большевиков, читинских рабочих, в далёком Агинском аймаке подняли знамя борьбы за Советскую власть, организовали сомонный Совет и вели борьбу против буржуазных националистов.

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 21. Из протокола Агинского аймачного земского собрания от 27 января 1919 г.

[2] Там же.

Глава седьмая

ГУБЕРНСКИЙ СЪЕЗД ИРКУТСКИХ БУРЯТ. БУРНАЦКОМ

После декабрьских событий в гор. Иркутске и перехода власти к Советам рабочих и солдатских депутатов, среди членов Иркутского отдела национального комитета начались разногласия, которые привели к расколу. Разногласия возникли по вопросу об отношении к социалистической революции, о признании и непризнании Советской власти. Часть членов отдела, примыкавшая к большевикам, выступила с требованием немедленного признания советской власти и, встретив недоброжелательное отношение со стороны большинства, стоявшего на националистических позициях, вышла из состава отдела. В газете «Власть труда» тогда сообщалось: «Левая часть национального комитета, стоя на платформе признания советской власти, не могла примириться с политикой большинства. И в результате, после одного бурного заседания, левая часть вышла из состава национального комитета. Теперь там осталась одна правая часть, которая поведёт автономную Бурятию к «социализму»[1].

Иркутский отдел национального комитета в эти дни переживал глубокий кризис. Отдел, с оставшейся правой, националистической группой, представлял в Иркутске единственное учреждение, продолжавшее отстаивать буржуазный строй.

Новая волна классовой борьбы поднялась в улусах и станицах. Усилилась борьба батраков и бедняков с кулаками и атаманами, борьба за введение подоходно-прогрессивного налога, равномерное распределение покосных и пашенных угодий. Развёртывала свою деятельность группа бурятских большевиков Центросибири: она пропагандировала идеи Советской власти, призывала население организовать Советы крестьянских и бурятских депутатов. Глухая тревога охватывала националистов, росло их беспокойство за влияние на массу бурятского населения. Об этом можно судить хотя бы

[1] Газета «Власть труда», 1918, № 50.

по решению частного совещания бурятских националистов. Совещание состоялось в Чите 17 марта 1918 г. На нём присутствовали исключительно руководящие деятели Бурнацкома. Совещание, как записано в протоколе, «обсудив вопросы текущей бурятской жизни, нашло:

1) что наблюдающееся в настоящее время в недрах бурятской массы стремление к социальным преобразованиям—уравнительному землепользованию, прогрессивному подоходному земскому обложению, борьбе с кулачеством и т. д.—необходимо приветствовать как пробуждение общественной мысли и общественного сознания;

2) что это движение необходимо влить в определённое организованное революционно-демократическое русло;

3) что только этим путём можно предупредить анархически-идейный разброд мыслей и стремлений и достичь, опираясь на народные массы, необходимых широких социальных результатов и преобразований» [1].

Совещание отметило пробуждение среди бурят «общественной мысли и общественного сознания», знаменующего собою новый этап национального движения—приобщение бурят к социалистической революции. Задача, стоявшая перед националистами, как ясно видно из решения совещания, заключалась в том, чтобы помешать дальнейшему развитию национального движения, «влить» его в русло буржуазно-демократической революции.

Спустя шесть дней, накануне открытия 3-го съезда представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкальской области состоялось заседание Бурнацкома, с участием бурятских делегатов съезда. Заседание, по вопросу о «дальнейшей роли и задачах Центрального национального комитета в условиях текущего политического момента» вынесло постановление о предоставлении Бурнацкому полномочия исполнять функции верховного органа власти. Кроме того, на этом заседании националисты заручились поддержкой со стороны делегатов съезда.

Поспешность, проявленная националистами, дублирование постановлений предыдущих общебурятских съездов о функциях Бурнацкома, причём, без каких-либо изменений, обусловливалось двумя обстоятельствами: во-первых, победой социалистической революции в ряде городов Восточной Сибири, вовлечением в её водоворот трудящейся массы Бурятии; во-вторых, стремлением националистов отстоять национальные органы «самоуправления» в том виде, в каком они существовали.

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 21, д. 50, л. 25.

В такой обстановке Иркутским отделом национального комитета был созван в Иркутске 25 апреля 1918 года губернский съезд бурят Иркутской губернии. На съезде присутствовали 56 делегатов от хошунов, 14 от кооперативных организаций, 5 от аймачных и хошунных управ. Кроме делегатов, на съезд прибыли представитель союза черемховских рабочих-бурят, представитель союза учащихся и несколько граждан в качестве гостей.

Съезд специальным постановлением решил представителям союза черемховских рабочих-бурят и союза учащихся предоставить право решающего голоса наравне с другими делегатами. Гостям было предоставлено право совещательного голоса.

Делегаты по социальному составу несколько отличались от делегатов губернских съездов периода первой русской революции. Наряду с националистами и кулаками, составлявшими большинство этого съезда, на нём были представители рабочих-бурят и передовой национальной интеллигенции.

По партийному составу делегаты делились на большевиков, эсеров и беспартийных. Националисты либо входили в группировку правых эсеров, либо примыкали к ней. Эсерствующие националисты составляли подавляющее большинство.

При открытии съезда были заслушаны приветствия. Съезд приветствовали представители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Иркутской губернии, союза учащихся бурят гор. Иркутска, союза черемховских рабочих-бурят, Эхирит-Булагатского и Ангарского аймаков и бурятской группы при Центросибири.

«От союза бурятских рабочих Черемховских копей—читаем в протоколе—съезд приветствует тов. Павлов, который выражает надежду, что настоящий съезд определённо встанет на защиту интересов бурятского пролетариата и трудовой бедноты, а так же на платформу Советской власти»[1].

От бурятской группы при Центросибири съезд приветствовала М. М. Сахъянова. Она говорила: «Бурятский народ в этот исторический момент, момент развития социалистической революции не может отгородиться своими национальными организациями от общего хода революции, и зажить своеобразною монголо-азиатской жизнью, а должен встать в ряды рабочих и крестьян и вместе с ними строить жизнь на началах революционного социализма»[2].

Главнейшими вопросами, обсуждавшимися на съезде,

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд № 315, дело 1, лист 106—115.
[2] Там же.

были: оценка текущего момента, деятельность Бурнацкома и его Иркутского отдела, земельный вопрос, народное образование, состояние национальных земских учреждений, организация улусной охраны и народного суда, продовольственный вопрос и организационные вопросы.

Оценка текущего момента была связана с вопросом об отношении к Советской власти, об определении, как тогда говорили националисты, «линии поведения национальных комитетов». Этим и объясняется, почему текущий момент стал основным вопросом съезда, вызвавшим бурные прения. Дебаты вышли далеко за пределы съезда, став предметом полемики на страницах прессы.

Текущему моменту были посвящены два доклада: представителя националистов и представителя группы бурятских большевиков (М. Сахъяновой). Докладчики выдвинули диаметрально-противоположные концепции: первый провозглашал в завуалированной форме известные эсеро-меньшевистские догмы о «сотрудничестве всех социалистических и демократических элементов»; второй отстаивал диктатуру пролетариата и призывал «бурятскую бедноту оставить свои обособленные национальные административно-хозяйственные учреждения, а строить единый Совет со своими братьями рабочими-крестьянами» [1].

По обсуждении докладов были предложены две резолюции: одна от националистов, другая от ушедших членов национального комитета и группы бурятских большевиков.

Резолюция националистов, большинством в 38 голосов, при 6 против, была принята. Националисты в длинной, насыщенной громкими фразами резолюции, обошли основной вопрос—признание Советской власти. У них нехватало ни мужества, ни смелости сказать об этом открыто, и они в путанной форме констатировали существование Советской власти в Иркутской губернии и национальному комитету вменяли в обязанность «выработать форму делового сотрудничества с местной советской властью и представительства в её исполнительных органах» [2]. «Сотрудничество», «представительство»—всё это сочинялось для того, чтобы прикрыть истинное намерение националистов, ввести в заблуждение общественное мнение, обмануть народ. На самом деле националисты мечтали восстановить Учредительное собрание, именуемое в резолюции «Учредительным съездом». Спасение России и Сибири они видели в созыве Учредительного съезда в обще-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд № 315, дело 1, лист 106—115.
[2] Там же.

государственном, общесибирском и губернском масштабе. Для «определения отношения бурят» к Советской власти «в окончательной форме» националисты считали необходимым экстренный созыв общенационального Учредительного съезда, делегаты которого, по их мнению, должны были защищать «точку зрения признания той власти или, вернее, того государственного строя России, какая может быть признана Учредительным съездом всей социалистической трудовой демократии»[1].

Статут о национальных учреждениях бурят, утверждённый октябрьским и ноябрьским общебурятскими съездами, прошедшими в Верхнеудинске в 1917 г., был признан нерушимым. Коррективы, предусмотренные в резолюции, касались частных вопросов. Иркутскому национальному комитету, например, предоставлялась некоторая самостоятельность, своего рода «автономия» в пределах «союза бурятских аймаков Иркутской губернии». Национальные учреждения должны были работать автономно и как таковые получали полномочия послать своих представителей в органы советской власти. Особым пунктом подчёркивалась недопустимость сепаратных выступлений «со стороны отдельных улусов, хошунов и аймаков». Этим пунктом резолюции националисты рассчитывали приостановить начавшееся движение за советскую власть на местах, держать бурятское население под ведением Бурнацкома.

Характерным в резолюции являлось требование непринятия бурятами активного участия в гражданской войне «в рядах социалистической демократии»[2]. Собственно, подобного рода тезис был далеко не новым: об этом националисты писали и раньше. Смысл его состоял в том, чтобы отделить, обособить национальное движение бурят от общерусского революционного движения, ограничить его узко-национальными буржуазными рамками.

Международное положение в резолюции получило оценку в эсеро-меньшевистском духе.

Таковы основные положения резолюции националистов по текущему моменту.

Резолюция группы ушедших членов Нацкома и группы бурятских большевиков была следующего содержания: «Великая Российская революция, выросшая из недр классовых противоречий капиталистического общества, заключённого в тисках трёхлетней войны, в начале первых дней победы в угаре революционного пожара вверила свои судьбы в руки коварной

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд. № 315, д. 1, л. 106—115.
[2] Там же.

буржуазии и её прихвостней правых с.-р. и с.-д. меньшевиков, обманывавших в течение восьми месяцев надежды революционного пролетариата и крестьянства, но продолжавшаяся хозяйственная разруха, продолжавшаяся кровавая бойня, уносившая тысячи и тысячи жертв, заставили рабочих и крестьян проснуться и взять власть в свои руки в лице своих Советов, Губернский бурятский съезд, думая, что спасение их и залог дальнейшего развития революции толькс в руках бедноты городов, деревень и улусов, приветствует Всероссийский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и его исполнительный орган Совет Народных Комиссаров и одобряет его внутреннюю и внешнюю политику» [1].

Главным пунктом резолюции группы ушедших членов Нацкома и группы бурятских большевиков являлось открытое, полное признание Советской власти, одобрение как внутренней, так и внешней политики советского правительства. Эта резолюция большинством голосов (33 против, 7 за, при 3 воздержавшихся) была отклонена. Съезд, в числе делегатов которого преобладали националисты и кулаки, не мог, понятно, принять резолюцию большевиков.

Задача группы бурятских большевиков состояла в том, чтобы использовать съезд как трибуну для публичного выступления со своей программой, для разоблачения контрреволюционных замыслов националистов. Руководитель группы бурятских большевиков М. М. Сахъянова накануне открытия губернского съезда в статье «К бурятскому съезду» писала: «Отсутствие последовательно революционных элементов среди бурят давало возможность до сих пор право-социалистическим националистам монопольно пользоваться инертностью и забитостью бурятских масс для получения санкций своим беспочвенным иллюзиям. Но победоносно развивающаяся революция, вспыхнувшая как последствие небывалого обострения экономических отношений классового государства, вербует себе сторонников из среды трудящихся и эксплоатируемых масс бурятской нации. Пробуждающаяся бурятская беднота в лице левых социалистических бурятских групп даёт первый бой правым националистам на предстоящем губернском съезде, чтобы затем перенести эту борьбу в улусы и хошуны» [2].

Группа бурятских большевиков боролась за социалистическую революцию в Бурятии. Она выступила против буржуазной автономии националистов, за ликвидацию аймачных, хошунных и сомонных земских управ, за установление на ме-

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд № 315, д. 1, л. 106—115.
[2] Газета «Власть труда», 1918, № 120.

стах Советов крестьянских и бурятских депутатов и передачи этим Советам всей полноты власти. Группа бурятских большевиков призывала трудящиеся массы как бурятского, так и русского населения Бурятии присоединиться к общереволюционному движению в стране, приобщиться к пролетарской революции, решительно бороться с кулаками и представителями соглашательских и мелкобуржуазных партий—меньшевиками, эсерами и националистами. Группа бурятских большевиков разоблачала контрреволюционный национализм бурятских националистов; их стремление обособить бурят путём отделения от соседнего русского населения; их попытку разжечь между ними национальную вражду. Но вместе с тем группа бурятских большевиков допустила серьёзную ошибку по национальному вопросу. Совершенно правильно понимая необходимость борьбы за ликвидацию аймачных земств как органов национальной буржуазии, борясь против создания аймаков исключительно из бурятского населения, группа бурятских большевиков не выдвигала вопроса о создании советской автономии Бурятии, советизации аймаков и хошунов. Больше этого, она, по существу, стала на путь отрицания самоопределения бурят. Эта ошибка группы бурятских большевиков, позднее, по указанию И. В. Сталина, была исправлена.

Съезд заслушал доклады о деятельности Иркутского отдела национального комитета и Центрального национального комитета—Бурнацкома. Доклад Бурнацкома был поставлен в порядке информации, ибо оба нацкома по основным вопросам текущей политики, занимали единую позицию.

В докладе о деятельности Иркутского отдела национального комитета указывалось, что вследствие общих политических условий, разыгравшейся гражданской войны, хронического отсутствия средств у комитета и, наконец, вследствие происшедшего раскола между членами отдела,—раскола, который закончился уходом его трёх членов—работа отдела не могла быть плодотворной. По объяснению докладчика, раскол произошёл лишь потому, что одна часть членов вопрос о признании или непризнании Советской власти предоставляла решению общенационального губернского съезда, высказываясь за сотрудничество с ней, другая же часть настаивала на том, чтобы не дожидаясь съезда, признать Советскую власть.

С докладом от лица ушедших членов отдела нацкома выступил М. Н. Забанов, который констатировал, что «трудовая бурятская масса» должна сама, не ожидая Учредительного собрания, приступить к строительству национальной жизни, строить Советы и «идти рука об руку со своими братьями русскими рабочими, крестьянами и солдатами». Он указал,

что политика руководителей национальных комитетов ошибочная и «вся разруха, все шероховатости на местах у бурят» являются результатом этой ошибочной политики.

Съезд большинством голосов одобрил деятельность Иркутского отдела национального комитета. В протоколе съезда указывается, что группа большевиков предложила свою резолюцию, но не приводится её текст.

Пространная резолюция была принята по земельному вопросу, в котором съезд вновь повторил те требования, которые были выдвинуты в решениях предыдущих съездов, в частности ноябрьского общебурятского съезда в Верхнеудинске (уничтожение за счёт государства чересполосицы, округления «бурятской национальной территории» и т. д.). Националисты, добиваясь создания единой компактной территории для поселения бурят, имели целью подвести материальную базу под организованные ими обособленные национальные органы самоуправления. Как известно, в годы гражданской войны националисты, под предлогом невозможности разрешения земельного вопроса в условиях иркутских бурят, выступили с пропагандой «переселения» их на восток, на территорию Барги и создания пан-монгольского государства.

Таким образом, в резолюции съезда по земельному вопросу была развёрнута основа контрреволюционного буржуазного национализма, вылившегося позднее в панмонголизм.

По народному образованию съезд заслушал два доклада: о школьном деле и о деятельности училищного совета.

Съезд особым, самостоятельным вопросом обсудил доклад о деятельности местных национальных земских учреждений, о работе хошунных и аймачных земских управ.

Националисты под видом коренного изменения принципов национального строительства, «народоправства», добивались одной цели—спасти, во что бы то ни стало, земство, сохранить прежние хошунные и аймачные земские управы, хотя бы ценою их реформы. Чтобы показать хошунным и аймачным земским управам видимость защиты интересов трудящихся масс, поручалось введение «прогрессивно-подоходной поимущественной» системы налогового обложения.

По докладу об организации улусных дружин была принята резолюция об учреждении на местах боевых дружин «Улан-Цагда».

Националисты последовательно создавали институты власти национальной буржуазии. Они, как известно, начали с организации органов гражданской власти—сомонных, хошунных аймачных земских управ и национальных комитетов. Теперь, вынося резолюцию об организации «Улан-Цагда», они хотели создать полувоенную и полуполицейскую боевую

дружину. Дружина «Улан-Цагда» должна была укреплять органы местной власти национальной буржуазии.

В связи с тем, что съезд стал на платформу националистов и принял предложенные ими резолюции, группа левых делегатов демонстративно покинула съезд. В заявлении эта группа писала:

«К сведению губернского бурятского съезда:

С одной стороны провал резолюции нашей группы, признающей Советы как власть единственно способную утвердить дело революции и организованно углублять её дальше; с другой стороны,—принятие резолюции, говорящей, во-первых, ясно и точно о коалиции с теми партиями и организациями, которые в течение восьми месяцев революции, пользуясь своей репутацией «социалистов», обманывали народ, а после Октябрьской революции дали из своей среды много гнусных имён российской контрреволюции на всех фронтах революционной войны пролетариата и крестьянства России, а во-вторых, говорящей о деловом контакте с Советами, что яснее ясного подчёркивает, как духовно отгораживаясь от Советов, съезд хочет преподнести бурятской бедноте внешне красивое буржуазно-республиканское народовластие, что нами революционными социалистами отрицается с безусловною категоричностью, ибо мы за Советы, за диктатуру трудящейся бедноты. Всё сказанное заставляет бурятскую группу коммунистов и левых с.-р. уйти со съезда с тем, чтобы аппелировать к бурятской бедноте, ибо принятая резолюция помимо того, что Советы принципиально не признаются, оставляет предусмотрительную лазейку на случай перемены политической погоды» [1].

С таким заявлением ушла со съезда группа левых делегатов. Оставшиеся националисты обсудили последние организационные вопросы и на том закончили работу съезда.

Таким образом, губернский съезд иркутских бурят (1918 г.) был характерен тем, что он раскололся на два лагеря: большевистский и националистический. Группа бурятских большевиков дала решительный бой националистам и национальной буржуазии (кулачеству). Сторонники большевиков боролись за признание Советской власти и требовали организации в бурятских улусах Советов крестьянских и бурятских депутатов. Сторонники националистов добивались изоляции Бурятии от Советской России и сохранения национальных учреждений в том виде, в каком они были организованы в период Февральской революции. Большевики трибуну съезда использовали не только для разоблачения политики национа-

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 315, д. 1, л. 106—115.

листов, направленной против интересов бурятского народа, но и для вовлечения широкой массы трудящихся в активную борьбу за победу социалистической революции в Бурят-Монголии.

В это же время в некоторых аймаках активизировалась деятельность антиаймачников, идеологов старых нойонов и крупных кулаков. Антиаймачники, пользуясь политикой Советской власти, направленной к ликвидации земских учреждений и прикрываясь флагом борьбы с аймачными земскими управами, добивались закрытия аймаков и восстановлении степных дум. Они надеялись вернуть своё прежнее влияние на массу бурят-монгольского народа. В Эхирит-Булагатском аймаке во главе «антиаймачников» стоял крупный кулак Н. Ханхасаев, в Хоринском аймаке—бывший тайша Э. Вамбацыренов. Н. Ханхасаев в 1918 г. обратился с провокационной целью к советским организациям с ходатайством о ликвидации аймаков, но его действительные цели были разоблачены. Рядом с антиаймачниками и станичниками выступили теократы, которые также шли против бурятской национальной автономии. Теократы во главе с ламой Кижингинского дацана С. Цыденовым агитировали за создание «теократического государства».

«Антиземские» тенденции станичников, антиаймачников и теократов были далеки от выступления трудящейся массы против аймачного земства за установление среди бурятского населения Советов крестьянских и бурятских депутатов. Поэтому местные советские органы власти принимали меры по ликвидации деятельности поименованных групп.

Центросибирь и Забайкальский областной Совет придавали серьёзное значение работе среди бурят-монгольского народа. Они добивались, чтобы Бурнацком и его Иркутский отдел проводили политику Советской власти на местах. Под давлением Центросибири и Забайкальского областного Совета Бурнацком начал «перестраивать» свою работу, разработал и разослал по аймачным управам для руководства и проведения в жизнь пять «новелл»[1].

Новеллой № 1 аймачные и хошунные управы ставились в известность о том, что «на основании постановления Забайкальского областного Совета рабочих и сельских депутатов от 30 марта 1918 года и принимая во внимание тревожность переживаемого областью момента, настоятельную необходимость активной борьбы с надвигающейся контрреволюцией и анархией и проведения в спешном порядке широких

---

[1] «Новеллами» (в юридическом смысле) называются новые законы, изданные дополнительно к основным.

социальных преобразований (социализация земли, реформа налоговой системы и т. д.), в ограждение интересов трудящихся масс и невозможности созыва в ближайшем будущем общенационального съезда и Национального Совета, Центральный национальный комитет бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии с одобрения бурят-монгольской фракции Забайкальского областного Совета рабочих и сельских депутатов, постановил принять на себя временно всю тяжесть распорядительно-административной власти на территории бурят-монголов»[1].

В новелле № 2 разбирались вопросы «пересмотра» положения о сибирском земстве в смысле приспособления его к культурно-национальным, бытовым особенностям бурят и к «проведению широких социальных преобразований в интересах трудовых масс». В «новелле» значится: «2. Преобразовать аймачные земские собрания, пополнив их по одному представителю от каждого сомона, избираемому на сомонных сходах закрытым голосованием и переименовать в «собрания (сугланы) аймачных депутатов», переименовать хошунные земские собрания в «собрания (сугланы) хошунных депутатов» и усилить их избираемыми тайным голосованием на сходах депутатами от каждого земского избирательного участка. Причём число депутатов от участка равняется числу гласных от того же участка. Аймачные и хошунные собрания депутатов в случаях несоответствия их деятельности социально-политическим требованиям момента и интересам трудящихся могут быть распускаемы общенациональными съездами или Национальным Советом с назначением новых выборов; 3. Переименовать земские управы—в аймачные думы («дзурганы»), а хошунные—в хошунные управы («ямоны»); как те, так и другие могут быть переизбираемы по инициативе соответствующих собраний депутатов или по предложению Центрального национального комитета; 4. Упразднить институт аймачных комиссаров—тайшей и передать распоряжение кредитами, надзор за законностью действия подлежащих аймачных и хошунных органов управления и т. д. аймачным собраниям депутатов и аймачным думам». «Пересмотр» положения о земстве и «перестройка» работы аймачных и хошунных органов управления, за исключением упразднения должности аймачного комиссара, свелись к замене слова «земский» словами «дзурган» и «ямон». Ясно, что замена названий учреждений не меняла существо их работы, их политическую линию. Это хорошо сознавали сами националисты, хотя и пытались

[1] Центр. гос. архив БМАССР. Дела Баргузинской аймачной управы, л. 37—46. Новеллы № 1 и № 2.

наивной игрой в названия создать впечатление, что они «перестраивают» работу аймаков и хошунов в соответствии с происшедшим октябрьским переворотом.

«Новелла № 3» была посвящена суду и судопроизводству. Её главные положения заключались в следующем: Национальный суд всех степеней организуется на основе выборности, на принципах гласности, равенства всех перед законом. Национальные судебные учреждения в своей деятельности при разборе дел руководствуются обычным правом бурят и существующим законодательством, поскольку они отвечают народному правосознанию. Первой степенью национального суда является хошунный суд, состоящий из 5 судей, избираемых тайным голосованием хошунным собранием (сугланом), сроком на один год. Для дел, переходящих в порядке апелляционного обжалования во вторую инстанцию, учреждаются аймачные суды, состоящие из председателей хошунных судов данного аймака. Суд третьей степени образуется из председателей аймачных судов и члена Центрального национального комитета. Этому суду вменяется в обязанность заняться сводкой устаревших форм писанного и обычного права и определить порядок замены таковых нормами, отвечающими современному правосознанию народа. Ведению национального Суда подлежат все дела о преступлениях и проступках, совершённых на территории бурят, за исключением дел, подлежащих ведению общегосударственного суда,—о государственной измене, об изготовлении фальшивой монеты, о преступлениях по государственной службе и против имущества и дохода казны, о лживых доносах и лжесвидетельстве, о порче телеграфа и путей сообщения...[1]

Бурнацком в руководстве некоторых аймаков и хошунов выдвинул бывших нойонов: в Хоринске—тайшу Э. Вамбоцеренова, в Селенге—атамана Абидуева и др. Эти нойоны и атаманы не думали об улучшении условий жизни трудящихся бурят, в результате чего кулаки несли те же повинности, что и бедняки, платили такое же количество налога, но пользовались лучшими земельными угодиями.

Националисты не хотели разрешить земельный вопрос. провести социализацию земли, противодействовали укреплению дружественных отношений между бурятами и русскими.

Политическая платформа Бурнацкома была выражена в воззвании «Ко всем бурят-монголам Восточной Сибири»[2], выпущенном в апреле 1918 г. В воззвании задача Бурнацкома определялась как борьба за примирение и объединение всех политических партий России.

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 305, д. 4 (50), л. 4—12.
[2] Там же; фонд 324 (292), д. 27, л. 32.

Борьба бурятских националистов за «объединительные идеи», была направлена против социалистической революции, против Советов в Сибири. Националисты, идеологи бурятской буржуазии, боялись развития революции и добивались буржуазной автономии в форме аймачных и хошунных земств. Отсюда и проистекает требование националистов о сохранении «органов земского самоуправления, созыва нового Учредительного собрания».

Центросибирь не замедлила осудить линию Бурнацкома. На пленарном заседании 4 мая 1918 г. Центросибирь вынесла такое постановление: «В виду неопределённой позиции, занятой вами (Центральным национальным комитетом—П. Х.) в отношении Советской власти и выраженной в ряде ваших воззваний,—неопределённой потому, что вы, с одной стороны, признаёте советскую форму управления одной из демократических, а, с другой стороны, находите Советы для своей нации ненужными, ввиду всего вышеизложенного Центросибирь предлагает вам точно, ясно и отчётливо, в выражениях, исключающих всякую туманность, определить принципиальное и практическое отношение к органам Советской власти»[1]. Одновременно Центросибирь ставила Бурнацком в известность, что кандидатура, выдвинутая Бурнацкомом в Центросибирь, является неприемлемой в силу той антисоветской политики, которую он вёл в Иркутской губ.

Бурнацком, в ответ на постановление Центросибири составил пространное письмо.

В ответе Бурнацкома было много лживого и противоречивого. Формальное признание Советской власти изображалось признанием её на деле; хошунные и аймачные земские управы, переименованные в «дзурганы» и «захиралы», выдавались за местные «Советы» и т. д. Ультра-левыми фразами прикрывалась политика буржуазного национализма, направленная против Советов Сибири. Тогда такая форма изложения позиций национальных комитетов (Бурнацкома и его Иркутского отдела) была обычной, особенно для молодых деятелей националистической интеллигенции.

Бурнацком, буржуазный по природе, вовсе не хотел разрушать капиталистический строй, буржуазное земство, считал своим долгом сохранять и укреплять его. Бурнацком всеми мерами—открытыми и завуалированными—продолжал яростную борьбу против Советской власти, за сохранение и расширение власти национальной буржуазии.

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 386, д. 10, л. 112.

Глава восьмая

РАСКОЛ СРЕДИ БУРЯТСКОГО КАЗАЧЕСТВА. ОБРАЗОВАНИЕ СТАНИЧНЫХ СОВЕТОВ

После свержения царизма забайкальское казачество, в состав которого входили бурятские казаки, раскололось на две части: революционную и контрреволюционную.

Революционная часть боролась за уничтожение казачьего сословия и привилегированного положения казачьей верхушки, и за приравнение казаков в правах к остальным гражданам страны. На первом съезде казаков Забайкальской области, происходившем 30 апреля 1917 г., большинством голосов было принято такое решение: «Казачье сословие как пережиток старины и вследствие существования постоянных армий, должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России»...[1]

Контрреволюционная часть казаков выступила против этого решения и прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить казачество. На втором съезде казаков, состоявшемся в Чите, с 18 августа по 4 сентября 1917 г., она добилась отмены решения первого съезда. Одновременно было принято решение о необходимости вступления Забайкальского казачьего войска в «Союз казачьих войск», представлявший собою реакционную организацию казачества. Революционно настроенные депутаты съезда, в виде протеста демонстративно покинули зал заседания, подав письменное заявление, в котором говорилось:

«Обсудив вопрос о вступлении Забайкальского казачьего населения в «Союз казачьих войск» и принимая во внимание:

1. что цель союза казачьих войск—защита узко-сословных интересов наиболее зажиточной части казачества,

2. что главными организаторами и руководителями этого союза являются донцы, кубанцы, терцы, сословно-групповые

[1] Ф. Шулунов. К истории бурят-монгольского казачества, Улан-Удэ, 1936, стр. 11.

интересы которых столкнулись с интересами всей трудовой Российской революции,

3. что экономическое и финансовое положение этих войск совершенно различно от экономического и финансового положения Забайкальского казачьего войска и в зависимости от этого совершенно различны их интересы,

4. что вступление в союз неизбежно вызовет громадные расходы, которые при незначительности капитала Забайкальского казачьего войска, лягут тяжёлым бременем на трудовое забайкальское казачье население и без того обременённое различного рода налогами и повинностями,

5. что по своему политическому характеру, союз неизбежно явится орудием борьбы российской контрреволюционной буржуазии против Российской революции и её полномочных органов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,

6. что, наконец, забайкальское трудовое казачество, как показывает настоящий съезд, уже частью осознало, что ему не по пути с этими защитниками буржуазно-классовых интересов и что его путь—это путь тесного и братского единения со всем российским трудовым народом,—

принимая всё это во внимание, революционная группа заявляет: 1) в союз казачьих войск не вступать; 2) от дальнейшего обсуждения этого вопроса отказаться; 3) если состоится постановление вступить в союз, группа считает для себя это постановление необязательным; 4) все материальные издержки, которые будут связаны с участием в союзе, будем считать издержками не обще-войсковыми, а издержками той группы, которая примет участие в союзе; 5) все постановления союза казачьих войск, как организации политической, будем считать также необязательными; 6) доводить до сведения союза казачьих войск, что в союз вступает не всё забайкальское казачье войско, а лишь только часть его, которая и должна принять на себя все расходы, связанные с вступлением в союз, и всю моральную и политическую ответственность за своё решение; 7) заявляя об этом, группа от голосования этого вопроса отказывается, покидает зал заседания и подаёт письменное заявление за подписью всех отказавшихся депутатов» [1].

На этом же втором съезде казаков представители бурятского казачества сделали заявление о желании бурятских казаков выйти из казачьего сословия и о присоединении их к остальным бурятам, к «отокскому» [2] населению. Съезд откло-

---

[1] Ф. Шулунов. К истории бурят-монгольского казачества, стр. 10.

[2] «Отокское» население—так назывались буряты, которые не состояли в сословии казачества.

нил заявление представителей бурятского казачества и принял такую резолюцию:

«1. Немедленное выделение бурят-казаков из войска недопустимо.

2. Решение этого вопроса оставить открытым до учредительного собрания, когда возвратятся все казаки на родину.

3. В управлениях станиц и отделов предоставить бурятским казакам пропорциональное представительство» [1].

Так началась борьба между двумя группами забайкальского казачества.

Октябрьская социалистическая революция ещё более углубила разногласия среди казачества. Революционная часть забайкальского казачества приветствовала социалистическую революцию, активно боролась за Советскую власть. В воззвании «Ко всем гражданам Забайкалья, к рабочим, казакам, крестьянам и бурятам» революционные казаки заявили: «...нам надо так устроить, чтобы помогать друг другу, и всем хорошо жилось бы в Забайкалье, устроить сообща свой «Забайкальский Совет рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов», который бы управлял Забайкальем... Вся власть пролетариату! Вся власть трудовому крестьянству! Вся власть трудовому казачеству! Вся власть трудящимся бурятам! Вся власть их Советам» [2]. Революционные казаки, как указывалось выше (см. 3 и 4 главы), силой оружия помогли рабочим Верхнеудинска и Читы разогнать буржуазный «Народный совет», земские учреждения и передать власть Совету рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов. Они оказали содействие также в организации сельских и станичных Советов.

Казаки ряда станиц признали Советскую власть, организовали станичные Советы. В протоколе общего собрания Кударинской станицы, на котором был организован станичный Совет, указывается, что на собрании присутствовало около 200 человек, «Поставлены на очередь следующие вопросы: 1) Об упразднении Кударинской земской управы и замена её Советом казачьих депутатов станицы. Собрание единогласно постановило—упразднить Земскую управу и признать власть Советов» [3]. Спустя некоторое время Кударинский станичный Совет докладывал Верхнеудинскому Совету: в станице с 18 марта образован Совет станичных депутатов согласно

---

[1] В. Гирченко. Этапы революционного движения в Бурятии 1917—1918 г. (Хроника). Верхнеудинск, 1927, стр. 24.

[2] Газета «Власть труда», 1918, № 25.

[3] Газета «Забайкальский рабочий», 1918, № 72, стр. 3.

проекта, утверждённого 2-м Всесибирским съездом Советов»[1]. Казаки Старо-Дурулгуевского посёлка вынесли решение признать Советскую власть и отозвать казаков, находящихся в отряде Семёнова. «Граждане Старо-Дурулгуевского посёлка—читаем в протоколе общего собрания жителей посёлка—обсудив всесторонне упомянутые вопросы, постановили: 1) признать Советскую власть, 2) выполнить все постановления и распоряжения Советской власти, в виду признания таковой, 3) отозвать всех казаков, находящихся в настоящее время в отряде Семёнова, для чего открытым голосованием избраны двое сельчан, 4) делегировать в отряд семёновских войск опытных лиц для личных переговоров—о признании Советской власти. Открытым голосованием избраны три делегата» [2].

Бурятские казаки после Октябрьской революции раскололись на три группы. Первая группа организовала станичные Советы; вторая присоединилась к бурятам, которые находились в ведении хошунов и аймаков; третья стояла за сохранение станичных управлений.

Первая группа казаков состояла из казаков-фронтовиков и беднейшей части казачества. Эта группа вышла из казачьего сословия, ликвидировала прежние станичные учреждения и организовала станичные Советы. Казаки-фронтовики Боргойской станицы 22 марта 1918 года организовали станичный революционный Совет [3]. «Должность Боргойского станичного атамана—читаем в предписании Селенгинской хошунной управе—ныне не существует, так как большая часть казаков означенной станицы перешла в ведение нашего хошуна, а остальные казаки-фронтовики Боргойской станицы, признавая Советскую власть, восстановили Станичный революционный Совет, изъяв все дела станицы из хошунной управы» [4]. Боргойские казаки-фронтовики и следовавшие за ними трудящиеся буряты, вышли из ведения хошунных и аймачных земских управ. Они стали «на путь разрыва», как об этом сами пишут, потому, что тогда во главе хошуна и аймака стояли националисты, кулаки, нойоны и атаманы, которые не хотели ликвидации буржуазного строя, улучшения положения трудящихся бурят. Это достаточно ясно изложено в докладе боргойских казаков-фронтовиков Забайкальскому областному Совету, опубликованном в газете «Вестник Советов Прибайкалья». В докладе сказано: «Мы, граждане Боргойской ста-

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 38, д. 9, л. 52.
[2] Газета «Вестник Советов Прибайкалья» № 7, 1918 г., стр. 4.
[3] Центр. гос. архив БМАССР, ф. 38, д. 9, л. 69.
[4] Там же, фонд 320, д. 54, стр. 70.

ницы, с населением около трехсот дворов бедного класса, отделились от Селенгинского хошуна и аймака и образовали Боргойское отдельное общество с отношением к Троицкосавскому уездному Совету.

Мы заявляем, что причины нашего раздела состоят в следующем, а именно: в Селенгинской хошунной земской управе, а также в аймаке должностные лица, как-то: зайсаны, заширагче и гласные состоят из богатого привилегированного класса, т. е. из бывших усердных служак Николая Романова в лице бывших родовых головы, тайши, старосты, старшины, атаманов, судей и прочих господ, из коих большинство уже почти наследственно занимает эти должности. Они своими почётными монгольскими званиями и чинами только давят бедных, тёмных бурят, многие из них и сейчас напоминают ярых начальников старого, проклятого режима, где трудовой народ считался на положении бесправного раба; они, эти господа, начиная с тайши и кончая зайсаном и теперь стараются удержать свои тёпленькие местечки, чтобы иметь возможность покрепче сесть на нашего трудового бедного бурята; они ещё не хотят слезать с горба нашей бурятской бедноты, но нет! они, эти господа, старые начальники и богачи, глубоко ошибаются, считая, по старой привычке, трудового бурята-пролетария, бессловесной дойной коровушкой; они забывают, что в простой, забитый трудовой народ вошли люди с открытыми глазами, испытавшие всё, что только мог вынести человек, и видевшие жизнь со всех сторон. Многие из бедняков-бурят присоединились бы к нам, но аймачные и хошунные главари, называя нас контрреволюционерами и бунтовщиками, стращают население ложными, провокационными слухами, но видно будет, кто из нас окажется контрреволюционерами, они или мы. Это покажет будущее.

В Селенгинской хошунной управе, благодаря этой тёплой К°, распределение податей, повинностей и земельных угодий производится в высшей степени несправедливо: богатый несёт те же повинности, что и бедный, сплошь и рядом выезжают на бедняке и пользуется всеми благами, земли получает в 10 и 50 раз больше бедняка. На хошунные, аймачные съезды бедняку буряту нельзя и нос показать, не только, чтобы решать свои дела, бедняк боится лезть туда, да и привык, поневоле, думать, что там люди всё знатные, почётные и богатые, всё обделают по-хорошему, но только не для бедняка, а для себя. А поэтому на основании вышеизложенного, просим областной совдеп решить в заседании и утвердить образовавшееся наше общество самостоятельной административной единицей с названием: Боргойское отдельное общество, которое всецело будет подчиняться воле Всероссийской Со-

ветской Республики и всем декретам и в своей среде устанавливаем местную советскую власть» [1].

Боргойский станичный Совет просуществовал около четырёх месяцев. Архивы его не найдены и точных сведений о его деятельности не имеется.

Советы были организованы и в других станицах. В Цаган-Усунской станице Троицкосавского уезда, где население было смешанное—бурятское и русское, образовался станичный Совет казачьих, крестьянских и бурятских депутатов. Здесь Совет был организован 22 июня 1918 г. Часть населения станицы под влиянием агитации кулаков и духовенства не вошла в Совет. «Станичный Совет—доносил председатель Совета Верхнеудинскому Совету—организован 22 июня с. г., но население ещё не всё примкнуло, причина та, что толпа сбита с толку благодаря агитации духовенства и соглашателей буржуазии» [2]. К Советской власти присоединились казаки Гусиноозёрской станицы, выделившиеся из бывшей Селенгинской станицы. В состав новой станицы вошли посёлки: Енхорский, Караульно-Лугский, Тамчинский и Загустай-Тохойский. В постановлении съезда казаков этой станицы говорится: «Управление нашей Гусиноозёрской станицы с согласия всего населения перенести временно в местность «Сильбе» и не признать Оронгойскую хошунную земскую управу, в виду бесполезности её нашему населению, ибо все факты доказывают следующие примеры: 1) вышесказанное журнальное постановление по сие число нам не объявлено; 2) принятие дел от Оронгойской хошунной земской управы—дела нашей станицы оказались в полнейшем беспорядке, многие бумаги не исполнены, хотя некоторые исполнены, но не заведены дела, и все бумаги почти не подшиты; 3) в делах таскаются денежные повестки Селенгинской почт.-тел. конторы, на получение денежных корреспонденций свыше 2-х тысяч рублей, деньги лежат не полученными почти с января м-ца с. г., многие препроводительные бумаги на эти деньги не оказываются. При подобных упущениях и бесполезности земской управы мы не признаём таковую, всецело присоединяемся к Советской власти, о чём нами сообщено телеграфом от 8-го марта в г. Читу в Совет солдатских и рабочих депутатов, копии с протокола направить для сведения атаману 1 военного отдела» [3].

Вторая группа казаков состояла, главным образом, из середняков и отчасти зажиточного слоя казачества. Она желала выйти из казачьего сословия и присоединиться к бурятам

---

[1] Газета «Вестник Советов Прибайкалья», 1918, № 10.
[2] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 38, д. 9, л. 72.
[3] Там же, стр. 74.

неказакам, которые жили тогда под хошунным и аймачным управлением, чем достигалась, между прочим, ликвидация существовавшей раньше в землевладении чересполосицы. Казаки, перешедшие в ведение хошунов и аймаков, были названы «хошунниками» или «аймачниками».

Выделение группы хошунников было встречено враждебно реакционной частью казачества. Войсковое управление угрожало им выселением с казачьей земли, принятием репрессивных мер.

Казаки Янгажинской станицы переход в хошун объяснили следующим образом: «Наша бывшая Янгажинская станица состояла из 6 посёлков, а именно: Янгажинский, Гельбиринский, Иволгинский, Харганатский, Оронгойский, Сутойский с чисто-бурятским населением, всего по станице 360 дворов с жителями 1700 слишком душ обоего пола, затем пользуясь предоставленными Февральской революцией свободами и правами на национальное самоопределение и решением съезда бурятского казачества, состоявшегося в июле 1917 года присоединились к сородичам бурятам неказакам и вошли в состав Оронгойского хошуна и приняли вместе с ними хошунное земство, между тем, из нас ничтожное число казаков выделившись остаются до сих пор в казачестве, коих по всей бывшей станице 40 дворов с населением 200 душ обоего пола. Казаки эти ныне между наших сомонов числятся где от 5 до 10, где от 10 до 20 дворов, а нас, хошунцев, перешедших в земство из бывшей станицы всего в данное время 320 дворов с населением 1500 душ обоего пола» [1].

Третья группа казаков состояла из атаманов и примыкавших к ним кулаков. Они стояли за сохранение казачьего сословия, за сохранение прежнего станичного управления, за что и получили название станичников.

Станичники не хотели расстаться с привилегиями казачества, терять казачьи земли, надельная норма которых была выше, чем крестьянская. Станичники отстаивали интересы полуфеодальных элементов бурятского казачества. Они составляли самую реакционную его часть, и их главари по праву были названы казакоманами.

Станичники вступили в борьбу с хошунниками. Началась борьба между полуфеодальными и мелко-буржуазными представителями бурятского казачества. Станичники обвиняли хошунников в разрушении станичных управлений, ликвидации казачьего сословия; хошунники упрекали станичников в консерватизме, в стремлении оставить бурятских казаков в составе Забайкальского казачьего войска.

---

[1] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 305, д. 38, л. 204—205.

Движение станичников являлось реакционным и ставило своей непосредственной задачей сохранение старых порядков казачества. Движение же хошунников было направлено к ликвидации казачьего сословия и ставило своей целью сохранение и защиту буржуазно-националистических учреждений в виде аймачных и хошунных земских управ.

Революционная часть забайкальского казачества, в том числе и бурятского, активно боролись со станичниками и хошунниками, разъясняя населению их цели и задачи, срывая их контрреволюционные замыслы. Она оказала содействие в организации областной Советской власти и создавала на местах Советы станичных депутатов. Революционная часть забайкальского казачества составляла ударную группу советских войск в борьбе с белогвардейскими отрядами.

Глава девятая

БОРЬБА ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Враги Советской власти с первых же дней её существования стали готовиться к контрреволюционному мятежу.

«На северном Кавказе генералы Корнилов, Алексеев, Деникин при поддержке англо-французов организовали белогвардейскую «добровольческую армию», подняли мятеж казачьих верхов и открыли поход против Советов.

На Дону генералы Краснов и Мамонтов при тайной поддержке немецких империалистов (открыто поддержать их не решались немцы, ввиду существования мирного договора с Россией) подняли мятеж донских казаков, заняли Донскую область и открыли поход против Советов» [1].

В Забайкалье атаман Семёнов при поддержке японцев организовал белогвардейский отряд и открыл поход против Советов. Его помощниками были генерал Шильников, член IV Государственной думы кадет Таскин, барон Унгерн и подъесаул Тирбах.

В конце 1917 г. Семёнов сформировал в Харбине на средства интервентов «Особый маньчжурский отряд» (ОМО) из бывших офицеров, юнкеров, сбежавших царских чиновников, кулаков, наёмных хунхузов и прочего сброда. С этим отрядом он выступил против Советской власти, перешёл границу и занял ст. Маньчжурия.

На ст. Маньчжурия Семёнов расстрелял членов станционного Совета и их трупы отправил в запломбированном вагоне в Читу. Одновременно он послал проходившему тогда в Чите II съезду сельских депутатов телеграмму, в которой требовал разоружения революционеров и предлагал «всем большевикам оставить пределы Забайкалья» [2].

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 217.

[2] В. Гирченко. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии, Бургиз, Улан-Удэ, 1940, стр. 40.

Белогвардейский отряд Семёнова шёл на запад по линии Забайкальской железной дороги. На ст. Оловянная семёновцы разгромили помещения станционного рабочего комитета и Совета, произвели обыски в посёлке при станции и захватили на продовольственном пункте запасы муки и мяса. Расстрелы, порки и избиения рабочих, служащих и красногвардейцев, грабежи имущества мирного населения производились и на других станциях вблизи Оловянной.

Большевики Забайкальской области приложили все усилия к организации борьбы с белогвардейскими отрядами Семёнова. Они привели в боевую готовность Красную гвардию и сформировали новые рабочие отряды.

Революционные казачьи полки, прибывшие в это время в Забайкалье с фронта, как уже указывалось в третьей главе, оказали вооружённую помощь рабочим и крестьянам в установлении Советской власти. Они приняли активное участие в борьбе с Семёновым, составляя ударную группу советских войск.

Центросибирь, поддерживая инициативу местных Советов Забайкалья, дала приказ военному комиссару объявить добровольческий набор в Красную гвардию и направить её на Забайкальский фронт. Командующим фронтом был назначен молодой, энергичный революционер Сергей Лазо.

Отряды Красной гвардии под командованием Лазо в конце марта 1918 г. разгромили белогвардейский отряд Семёнова и отбросили его за границу, на территорию Маньчжурии. «Сообщаю—доносил Лазо—положение дел с Семёновым. 1 марта занята станция Даурия. Противник в панике бежал при первых орудийных выстрелах. 5-го с бою занята станция Шарасун. 8-го заняли пустую станцию Мациевскую. Отступая, семёновцы взрывают путь, увозят аппараты, кассы, билеты и частные грузы. 8-го разъезд № 86 занят китайскими солдатами. 9-го с полномочиями Центросибири ездил в Маньчжурию для переговоров с китайским главнокомандующим. Китайцы заявили, что в течение семи дней семёновцы не будут пропущены через границу»[1].

Китайские власти, опасаясь перехода красногвардейцами границы, заключили с Лазо перемирие, взяв на себя обязательство не пропускать отряд Семёнова в Забайкалье до 5 апреля 1918 г. и выставили на границе заслон.

Казаки, измученные четырёхлетней империалистической войной, после первой победы над бандой Семёнова, стремясь в свои родные станицы, просили отпустить их домой на по-

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, 1940. стр. 184.

бывку. Они разъехались, обещав на местах помогать укреплению Советской власти и возвратиться в часть по первому зову Лазо. Кроме казаков, в связи с недостатком рабочих на производстве, была снята с фронта значительная часть красногвардейцев-рабочих читинских мастерских. На Китайской железнодорожной ветке остался лишь небольшой караул.

Лазо перед окончанием срока перемирия послал в Иркутск и Читу следующую телеграмму: «Товарищи! Приближается день решительной борьбы с семёновщиной. 5 апреля кончается срок, до которого по соглашению с китайцами Семёнов не будет пропущен через границу. Спешите послать к этому дню все свои силы, все отряды. Посылайте людей только хорошо вооружёнными, одетыми, обутыми—у нас здесь ничего нет. Предстоит упорная борьба. Знайте—наш враг силён, хорошо вооружён» [1].

Центросибирь, Забайкальский областной и Верхнеудинский Советы развернули работу по подготовке к дальнейшей борьбе с Семёновым. Были приняты срочные меры по организации новых отрядов Красной армии и Красной гвардии. В сёла и деревни выехали уполномоченные по вербовке добровольцев.

Семёнов, получая от интервентов (главным образом от Японии) помощь военно-техническим снаряжением, продовольствием и деньгами, готовился к широкому наступлению. Численность его отряда возросла до десяти тысяч человек. Чтобы придать новому наступлению бо́льшее значение, Семёнов объявил, что на территории Маньчжурии организовано возглавляемое им самим «правительство Забайкальской области». Вокруг этого «правительства» стали собираться все контрреволюционные элементы Сибири и Дальнего Востока. В конце июня при нём был учреждён бурятский национальный отдел[2] с целью объединения бурятских эмигрантов, проживавших на территории Барги и Халхи и оказания содействия Семёнову в борьбе с Советской властью. В состав бурятского национального отдела входили нойоны, кулаки и националисты, эмигрировавшие за границу после Октябрьской революции.

По истечении срока перемирия Семёнов начал наступление и захватил ст. Борзя. К нему присоединились реакционно настроенные казаки ряда станиц, расположенных вблизи границы. Части Красной армии после ожесточённого боя оставили ст. Оловянную и заняли позицию в районе ст. Андрияновка. Мост через реку Онон был взорван, что не-

[1] Сб. «Сергей Лазо», стр. 28.
[2] Центр. гос. архив БМАССР, фонд 483, д. 18, л. 59—60.

сколько задержало движение главных сил Семёнова. «Банды атамана—пишет в своих воспоминаниях Н. Матвеев—хлынули по станицам и волостям. Свирепые хунхузы, японцы, ухари-казаки, офицеры, молокососы-гимназисты—все они жгли дома, тащили «добро», насиловали женщин, рубили людей шашками и расстреливали» [1].

Заняв ст. Оловянную, Семёнов создал непосредственную угрозу Чите.

Забайкальский областной комитет большевиков и исполком Советов опубликовали обращение к населению с призывом взяться за оружие и разгромить обнаглевшую банду Семёнова. Чита и линия Забайкальской железной дороги были объявлены на военном положении. Вся полнота власти в Забайкальской области была передана Военно-революционному штабу в составе И. Бутина, Д. Шилова и Н. Матвеева.

Передовая часть рабочих и крестьян по зову партии большевиков, несмотря на бешеную агитацию меньшевиков и эсеров—этих агентов Семёнова, начала вступать в красногвардейские отряды, отправляемые на фронт. Революционные казаки после непродолжительной побывки возвращались в свои части.

Активное участие в борьбе с Семёновым приняли находившиеся в то время в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке большевистски настроенные группы бывших военнопленных, содержавшихся до Октябрьской революции в концентрационных лагерях. Они формировали свои части, которые назывались «отрядами интернационалистов».

Военно-революционный штаб и Забайкальский областной комитет большевиков, видя что своими силами не удастся ликвидировать банду Семёнова, обратились к сибирским и дальневосточным Советам с призывом о срочной помощи. В ответ на этот призыв сибирские и дальневосточные Советы двинули значительные вооружённые силы, которые в конце апреля начали прибывать в Андрияновку, где находился Лазо со своим штабом.

Красные полки и отряды, прибывшие из Владивостока, Благовещенска, Омска, Иркутска, Новониколаевска (Новосибирска), Красноярска, Черемхово, Кургана, Канска и Барабинска—имели артиллерийский дивизион и несколько отдельных батарей, около тридцати станковых пулемётов и два примитивных бронепоезда. В Забайкалье был сформирован 1-й Аргунский казачий и 1-й революционный полки, рабочие отряды Читы, ст. Хилок и Оловянной, Черновских и Арбагарских угольных копей. Армия Забайкальского фронта выросла до девяти тысяч бойцов.

---

[1] Сб. «Сергей Лазо», стр. 30.

К началу мая в Андрияновку прибыло пополнение, давшее Лазо возможность сформировать ударную группу и начать наступление против Семёнова, занимавшего тогда линию Забайкальской железной дороги, начиная от ст. Бурятская до границы Маньчжурии. «Было решено—читаем в воспоминании Ст. Серышева—15 мая[1] на рассвете выступить и к вечеру этого дня занять исходные положения; удар нанести на рассвете 16 мая. Рассвет 15 мая застал наши части в вытянутых колоннах на пути к пунктам сосредоточения и развёртывания. Передовые части, войдя в соприкосновение с противником у Бурятской, без усилий выбили его из всех высот и, не задерживаясь, развернулись под Могойтуем. Противник успел сосредоточить в этом пункте значительные силы, решив, как можно дольше задержать наше продвижение вперёд. Бой длился около двух часов, ударом обходной колонны слева противник был вынужден очистить Могойтуй. Успешное и быстрое продвижение наших частей замедлилось неожиданными действиями со стороны Семёнова, грозившим сорвать наше наступление. На пути к Оловянной, в 45 верстах западнее её, в котловине между огромных зубчатых сопок, притаился небольшой посёлок Ага. После боя под Могойтуем, авангард, подойдя к Аге, подвергся нападению семёновцев и, понеся крупные потери, отошёл к главным силам, вынудя последние также к отступлению в район Могойтуя. Оказалось, что Семёнов к вечеру 15 мая сосредоточил в Аге крупные силы с целью наступления, предполагая вырвать инициативу из наших рук. Это обстоятельство в корне нарушило нашу задачу, положенную в основу нашего плана по уничтожению на переправах живой силы противника. Семёнов, как видно, решил дать два боя, под Агой и второй—непосредственно под Оловянной. Выигрывая сражение под Агой, Семёнов выигрывал время для эвакуации из пределов Оловянной огромных запасов военного и железнодорожного имущества и, развязав таким образом себе руки от заботы об имуществе, всеми силами мог дать решительное сражение за обладание Оловянной. Поражение авангарда под Агой оттянуло на один день наступление наших частей. Этим воспользовался Семёнов, поставив свои отряды в охватывающее нас положение. Бой под Агой носил характер правильного полевого сражения, решительно повлиявшего на исход борьбы с Семёновым в первой половине 1918 г. Потерпев же поражение под Агой, Семёнов оттянул свои части к Оловянной, и быстрым продвижением наших частей вперёд и ударом по флан-

---

[1] По бюллетеню командующего фронтом наступление началось 12 мая. Сб. «Сергей Лазо», стр. 81.

гам и центру был выброшен за р. Онон»[1]. Оловянная была занята 18 мая. Продвигаясь на восток, части Красной армии 11 июня заняли ст. Борзя, 27 июля штурмом сбросили семёновцев с горы Тавын-Толгой, последней укреплённой позиции перед самой границей. Разбитые остатки отряда Семёнова откатились за сто километров от границы, до Хайлара.

На Забайкальском фронте наступило временное затишье. Но с запада и востока поступали известия, одно тревожнее другого.

Чехословацкому корпусу, состоявшему из 60000 военнопленных[2], было разрешено Советским правительством выехать к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток. Этот корпус, растянувшийся по всей железнодорожной магистрали от Волги до Владивостока, был использован интервентами, меньшевиками и эсерами для мятежа против Советской власти.

Мятеж чехословацкого корпуса начался 26 мая 1918 г. захватом Челябинска, затем Мариинска и Новониколаевска. Отряды чехословаков, находившиеся во Владивостоке, 29 июня при содействии местной буржуазии, меньшевиков и эсеров, произвели в городе переворот и, захватив власть, арестовали членов Совета рабочих и солдатских депутатов. «Русские контрреволюционеры совместно с союзными заговорщиками—читаем в обращении Совнаркома ко всем трудящимся—решили воспользоваться чехословаками для низвержения Советской власти. Наёмники русской и союзной буржуазии толкнули одурманенных чехословаков на путь восстания»[3]. Командующий американскими экспедиционными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке в период интервенции 1918—1920 гг. генерал Грэвс о чехословацком мятеже писал: «...чехам никогда не грозила опасность агрессивных актов со стороны Советов. Безусловно, чехам ничто не угрожало, до тех пор пока они стремились к достижению объявленной ими цели, т. е. добраться до Владивостока по Сибирской железной дороге. Чехи были нападающей стороной»...[4].

Чехословаки двигались с запада на восток и от Владивостока к Хабаровску. Они, имея превосходство как в вооружении, так и в бойцах, быстро продвигались, занимая

---

[1] Сборник «Революция на Дальнем Востоке», вып. 1, 1923, стр. 71—72.

[2] Численность чехословацкого корпуса одни авторы определяют в 60000 человек, другие—в 40000.

[3] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 342.

[4] Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920), Воениздат, 1932, стр. 39.

один за другим города по линии Сибирской железной дороги. В начале июля 1918 г. после упорного боя чехословаками был занят Нижнеудинск, один из крупных рабочих центров Восточной Сибири.

В городах, занятых чехословаками, сибирская буржуазия, белогвардейцы, эсеры и меньшевики восстанавливали буржуазные органы правления. В Омске было создано сибирское белогвардейское правительство, которое не замедлило отменить декреты Советской власти. 6 июля оно постановило: «Временное сибирское правительство, считая все советские учреждения незаконными, объявляет: 1) что все декреты, изданные так называемым Советом Народных Комиссаров и местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами незакономерными»... [1]

В связи с захватом чехословаками значительной части Сибирской железнодорожной магистрали, систематическая связь Восточной Сибири и Дальнего Востока с центром Советской России с июня 1918 г. была прервана. Советские органы этих областей в тяжёлых условиях вели борьбу с чехословаками и белогвардейцами.

В конце июня Центросибирь выделила особое сибирское командование, возложив на него руководство частями Восточно-Сибирской Красной армии. Усилиями её командования и бойцов было задержано наступление чехословаков на некоторые населённые пункты Восточной Сибири.

8 июля, после сражения с чехословаками у реки Белой, части Восточно-Сибирской Красной армии отступили на восток, в район Кругобайкальской железной дороги для защиты подступов к Забайкалью. Центросибирь 10 июля была эвакуирована из Иркутска в Верхнеудинск.

С перенесением военных действий в район Кругобайкальской железной дороги образовался Прибайкальский фронт. Сюда была переброшена часть красногвардейских отрядов Забайкальского фронта. «Рабочие, крестьяне, казачество и буряты—призывали большевики через газету «Забайкальский рабочий»—поднимайтесь, спешите, формируйте части. Фронтовики, к оружию! Отечество, новое свободное отечество, зовёт вас исполнить ваш долг перед ним и перед собой. Покажите, что из-за каждого камня, дерева, пади, горы, наступающий непрошенный иноземец и свои предатели встретят непреодолимую народную силу» [2].

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 344—345.

[2] «Забайкальский рабочий», 1918, № 132.

Советские войска храбро защищали подступы к Забайкалью. Байкальский торговый флот, состоявший из ледоколов «Байкал» и «Ангара» и нескольких пароходов, был при содействии «отряда интернационалистов» преобразован в военный. При помощи этого флота на занятый чехословаками и белогвардейцами западный берег Байкала вблизи селения Голоустное 4 августа 1918 г. был высажен десант, который своими смелыми действиями отвлёк часть сил противника.

Газета «Weltrevolution» («Мировая революция»), печатный орган интернационалистов, обращаясь к бойцам «отряда интернационалистов», писала: «Вы, товарищи, на фронте, идущие в атаку против изменников—наёмников реакции и царизма, не сомневайтесь в своих силах. Не сомневайтесь также и в нас. Не думайте, что мы впали в малодушие и считаем вашу геройскую борьбу и проявленный вами героизм делом бесполезным и безнадёжным. Нет! Знайте, что мы всеми силами и способами работаем над тем, чтобы оказать вам необходимую помощь, организовать резервы и пополнения. Знайте, что мы надеемся на вас и в этой надежде мы бесстрашно смотрим в будущее, в светлое будущее трудящихся,—объединённого пролетариата всех стран» [1].

Свыше двух тысяч красногвардейцев самоотверженно вели бои с многочисленным врагом на всём протяжении Кругобайкальской железной дороги. Героически сражались курсанты Иркутской военной школы и почти все пали смертью храбрых.

Под станцией Посольская чехословаки зашли в тыл красногвардейцам. Произошёл ожесточённый бой, в котором погибли сотни красногвардейцев во главе с командиром Метелицей. Группа окружённых красногвардейцев, численностью в четыреста человек, прорвалась в направлении к Верхнеудинску. Остальные отряды красногвардейцев ушли в горы.

После боя у ст. Посольская путь для чехословацких войск на восток был открыт. Выступление небольших отрядов красногвардейцев по линии железной дороги не могло остановить движение противника, хотя оно и задерживало его.

Чехословаки 20 августа заняли Верхнеудинск. Советские учреждения и Центросибирь эвакуировались в Читу. 26 августа была оставлена советскими войсками Чита.

28 августа 1918 г. на ст. Урульга, в Забайкалье, состоялась конференция представителей советских организаций и воинских частей. Конференция, ввиду приближения чехосло-

---

[1] «Weltrevolution», 16 июля 1918 г., № 14.

ваков как с запада, так и с востока[1] и малочисленности советских войск, вынесла решение временно прекратить борьбу с врагом организованным фронтом. В резолюции сказано: «Обсудив вопрос о продолжении военно-революционной борьбы с внутренними и внешними врагами нашей родины, Федеративной Республики Советов, и рабоче-крестьянской революции, и принимая во внимание, что эта борьба, при создавшейся международно-политической обстановке, неизбежно превратится в борьбу с неизмеримо сильнейшим и в численности и в техническом отношении противником, что для такой борьбы в распоряжении нашего военного фронта нет достаточного количества оружия, и вообще военных средств; принимая дальше во внимание, что последствия такой непосильной борьбы, прежде всего, лягут тяжёлым бременем на плечи революционно-трудовой массы Забайкалья,—Конференция ответственных советских работников и представителей воинских частей постановляет:

1) Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать.

2) Признать, что форма дальнейшей революционной борьбы должна сообразоваться с создавшейся международно-политической обстановкой и должна быть направлена к использованию всех легальных и нелегальных возможностей, к дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала и разгромить Советскую власть в России. Непременным условием этой борьбы должна быть упорная и организованная работа среди трудовых масс и использование таких средств, которые, хотя бы косвенно, не наносили ущерба трудовым массам и,—главное—чужды были деморализующего значения»[2].

Центросибирь и Забайкальский областной Совет были распущены. Деятели Советской власти Восточной Сибири перешли на нелегальное положение. Часть войск с «отрядом интернационалистов» ушла в тайгу и развернула партизанскую борьбу.

В Сибири наступил период иностранной военной интервенции и гражданской войны. В Владивостоке в середине 1918 г. высадились войска империалистических интервентов (Японии, Англии и Америки) и двинулись на запад по линии Сибирской железной дороги. Атаман Семёнов, ставленник японских империалистов, со своим отрядом вторгся в Забайкалье. В Омске адмирал Колчак по инициативе интервентов был объявлен «верховным правителем России».

[1] Чехословаки и белогвардейцы подходили к Хабаровску.
[2] Сборник «Дальиспарт», кн. 2. Владивосток, 1924, стр. 115—116.

Белогвардейцы и интервенты установили в Сибири режим террора: они расстреливали революционеров, борцов за национально-освободительное движение, издевались над рабочими и крестьянами.

Население Сибири по призыву большевиков поднялось против белогвардейцев и интервентов, формировало крупные партизанские отряды. Партизаны в тылу белых наносили серьёзные удары, разрушая телеграфные и железнодорожные линии, пуская под откос белогвардейские эшелоны и совершая внезапные нападения на отряды белых.

Весною 1919 г. Советское правительство бросило против армии Колчака регулярные части Красной армии. Эти части, поддержанные мощным партизанским движением, разгромили войска Колчака и Семёнова и очистили Сибирь от белогвардейцев и интервентов.

2 марта 1920 г. советские войска и прибайкальские партизаны освободили Верхнеудинск, а в конце октября—Читу. Таким образом завершилось освобождение Бурят-Монголии от белогвардейцев и интервентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые же месяцы после победы Октябрьской революции в Европейской части России и в Восточной Сибири, в состав которой входила Бурятия, совершилась социалистическая революция. Советы рабочих и солдатских депутатов взяли власть в свои руки. В центре Восточной Сибири, в Иркутске, образовался общесибирский центральный исполнительный орган Советов—Центросибирь, представлявший Советское правительство в Сибири. При Центросибири создалась бурятская группа, большинство которой составляли первые бурятские большевики западной Бурятии. В центре Забайкальской области, в Чите, был организован Областной Совет рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов. Буряты в Областном Совете были представлены 12 делегатами. В городах восточной Бурятии—Верхнеудинске (нынешнем Улан-Удэ, столице республики) и Троицкосавске (Кяхта) Советы рабочих и крестьянских депутатов стали полновластными органами, разогнали буржуазные городские думы и комитеты общественной безопасности.

Бурятия, под руководством партии большевиков, приобщалась к социалистической революции. В деревнях и сёлах, улусах и станицах возникали Советы крестьянских, бурятских и казачьих депутатов.

Советы городских и сельских депутатов Бурятии были заняты организационными, хозяйственными, военными и культурными вопросами. Советы принимали меры по оформлению рабочей милиции, народного суда; ввели 8-часовой рабочий день; национализировали каменноугольные копи, заводы, типографии и банки; провели национализацию земли, в результате чего только по одной Забайкальской области 37 млн. десятин земли, ранее принадлежавшей казне, перешла в ведение местных Советов. Сельские Советы, в целях обеспечения нуждающихся семей солдат и бедняков продовольственным хлебом и семенами, реквизировали хлеб у кулаков, саботировавших продажу хлеба государству. Для покрытия расходов на нужды культурно-просветительных учреждений (школ, больниц, библиотек и т. д.) Советы облагали подоходно-прогрессивным налогом, или, как тогда называли, контрибуцией, торгово-промышленную буржуазию. Большую заботу проявили Советы в деле формирования отрядов Красной гвардии и частей Красной армии. Советы снабжали их продовольствием, обмундированием, вооружением и выдвинули талантливого командира Сергея Лазо. Под его руководством части Красной армии Забайкальского фронта разгромили белогвардейский отряд Семёнова, отбросив остатки его в пределы Маньчжурии.

Кипучая деятельность первых органов Советской власти в Сибири, Бурят-Монголии, возникших после Великой Октябрьской социалистической революции, была прервана контрреволюционным переворотом, но работа Советов оставила такие глубокие следы, что их не могли стереть никакие силы иноземной интервенции и внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции. Трудящиеся Бурят-Монголии с установлением власти Советов приобщились к строительству хозяйственной, политической и культурной жизни, познакомились с задачами большевистской партии и Советской власти, ставших родными и близкими для них. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила бурят-монгольский народ от социального и национально-политического угнетения. Трудящиеся бурят-монголы стали свободными и равноправными гражданами страны Советов. Уже при первых Советах с 1918 г. была поставлена задача национального самоопределения бурят-монголов и происходило искание путей для его осуществления. Революция пробудила политическую активность рабочих и крестьян, возглавляемых большевистской партией. Усилилась борьба бурят-монгольского народа против кулаческо-нойонских элементов, пытавшихся сохранить свои старые привилегии. В процессе этой борьбы разоблачались происки буржуазных националистов, стремив-

щихся под флагом «общенациональных интересов» защищать интересы кулаков и нойонов, отвлечь бурят-монгольский народ от революционной борьбы рабочих и крестьян России. Революция и гражданская война показали бурят-монгольскому народу, что только самый тесный союз с великим русским народом обеспечит победу над врагами трудящихся и свободную жизнь. Никакие контрреволюционные силы не могли сокрушить союза рабочих и крестьян, спаянного партией Ленина—Сталина.

Опыт работы первых Советов был использован во время гражданской войны в партизанских районах, освобождённых от колчаковщины и семёновщины, и, наконец, после освобождения всей Сибири, когда в ней снова закипело советское строительство.

Вместе с русским народом бурят-монгольский народ с первых дней Октября боролся за Советскую власть; в годы гражданской войны он отстаивал дело восстановления Советов в Сибири, не жалея для этого ни сил своих, ни жизни. В наши дни на фронтах Великой Отечественной войны доблестные сыны Бурят-Монголии, защищая величайшие завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, плечом к плечу со всеми народами Советского Союза вели героическую борьбу против злейшего врага всего человечества—германского империализма и внесли свой вклад в общенародное дело победы.

После победоносного окончания войны трудящиеся Бурят-Монголии под руководством партии Ленина—Сталина вместе со всей необъятной страной социализма с энтузиазмом работают над выполнением грандиозных задач четвертой Сталинской пятилетки во имя укрепления могущества, славы и процветания Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

---

1 р. 75 к.